

interaction ИНТЕРАКЦИЯ

interview ИНТЕРВЬЮ

interpretation ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

INTER

4' 2020

*Рисунок на обложке от Funny Art Creative memes
<https://www.pinterest.ru/pin/610800768198074638/>*

Федеральный научно-исследовательский
социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Российское общество социологов (РОС)

Интеракция. Интервью. Интерпретация
2020. Том 12. № 4
Interaction. Interview. Interpretation
2020. Volume 12. No. 4

ISSN (Print) 2307-2075
ISSN (Online) 2687-0401

РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Издается с 2002 г.
Выходит 4 раза в год

2020. Том 12. № 4
DOI: 10.19181/inter.2020.12.4

Учредители	Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН) Российское общество социологов (РОС)
Издатель	Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Главный редактор	В. В. Семенова
Редакция	Е. Ю. Рождественская А. В. Стрельникова И. Н. Тартаковская
Ответственный секретарь	П. Е. Сушко
Технический редактор	А. Д. Говорова
Компьютерная верстка	В. Е. Кудымов
Корректор	А. Н. Кокарева

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал открытого доступа.

Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии
Creative Commons Attribution 4.0 International Public License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе
на официальном сайте журнала с момента публикации: <https://www.inter-fnisc.ru/>

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77-73688
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
14 сентября 2018 г.

© Интеракция. Интервью. Интерпретация, 2020
© Interaction. Interview. Interpretation, 2020

Редакционная коллегия

Главный редактор

СЕМЕНОВА Виктория Владимировна — доктор социологических наук, профессор, Государственный академический университет гуманитарных наук; руководитель сектора, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), victoria-sem@yandex.ru

Редакция

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ Елена Юрьевна — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), rigasvaverite@gmail.com

СТРЕЛЬНИКОВА Анна Владимировна — кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), astrelnikova@hse.ru

ТАРТАКОВСКАЯ Ирина Наумовна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), I_Tartakovskaya@yahoo.com

Ответственный секретарь

СУШКО Павел Евгеньевич — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), sushkope@mail.ru

Редакционная коллегия

АБРАМОВ Роман Николаевич — доктор социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), rabramov@hse.ru

БРЕКНЕР Розвита — доктор философии, доцент, Университет Вены (Вена, Австрия), roswitha.breckner@univie.ac.at

ВАНЬКЕ Александрина Владимировна — кандидат социологических наук, научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), vanke@inbox.ru

ДРОБИЖЕВА Леокадия Михайловна — доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; руководитель центра, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), drobizheva@yandex.ru

ДЭВИС Кэти — доктор философии, профессор, Амстердамский свободный университет (Амстердам, Нидерланды), k.e.davis@vu.nl

ИНОВЛОКИ Лена — доктор философии, профессор, Франкфуртский университет прикладных наук (Франкфурт-на-Майне, Германия), linowlocki@fb4.fra-uas.de

КОЗИНА Ирина Марковна — кандидат социологических наук, ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), ikozina@hse.ru

КОСЕЛА Кшиштоф — доктор социологических наук, профессор, Варшавский университет (Варшава, Польша), k.kosela@is.uw.edu.pl

ОМЕЛЬЧЕНКО Елена Леонидовна — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия), omelchenkoe@mail.ru

ЧЕРНОВА Жанна Владимировна — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия), chernova30@mail.ru

ЧЕРНЫШ Михаил Федорович — член-корреспондент РАН, доктор социологических наук, первый заместитель директора по координации научной и научно-образовательной работы, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (Москва, Россия), mfche@yandex.ru

ЧЕРНЯЕВА Татьяна Ивановна — доктор социологических наук, профессор, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Саратов, Россия), tatcher@yandex.ru

ЯРСКАЯ-СМИРНОВА Елена Ростиславовна — доктор социологических наук, ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), eiaarskaia@hse.ru

Editorial board

Editor-in-Chief

Victoria V. SEMENOVA — Doctor of Sociology, Professor, State Academic University for the Humanities; Head of the sector, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), victoria-sem@yandex.ru

Editorial Team

Elena Yu. ROZHDESTVENSKAYA — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics; Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), rigasvaverite@gmail.com

Anna V. STRELNIKOVA — Candidate of Sociology, Associate professor, National Research University Higher School of Economics; Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), astrelnikova@hse.ru

Irina N. TARTAKOVSKAYA — Candidate of Sociology, Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), I_Tartakovskaya@yahoo.com

Executive Secretary

Pavel E. SUSHKO — Candidate of Sociology, Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), sushkope@mail.ru

Editorial Board

Roman N. ABRAMOV — Doctor of Sociology, Associate professor, National Research University Higher School of Economics; Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), rabramov@hse.ru

Roswitha BRECKNER — PhD, Associate Professor, University of Vienna (Vienna, Austria), roswitha.breckner@univie.ac.at

Zhanna V. CHERNOVA — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg (St. Petersburg, Russia), chernova30@mail.ru

Tatiana I. CHERNYAEVA — Doctor of Sociology, Professor, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin — the branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saratov, Russia), tatcher@yandex.ru

Michael F. CHERNYSH — Corresponding Member, Doctor of Sociology, Deputy Director of Science and Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), mfcche@yandex.ru

Kathy DAVIS — PhD, Professor, Free University Amsterdam (Amsterdam, Netherlands), k.e.davis@vu.nl

Leocadia M. DROBIZHEVA — Doctor of Historical Sciences, Professor, National Research University Higher School of Economics; Head of the Center, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), drobizheva@yandex.ru

Elena R. IARSKAIA-SMIRNOVA — Doctor of Sociology, Tenured Professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), eiarskaia@hse.ru

Lena INOWLOCKI — PhD, Professor, Frankfurt University of Applied Sciences (Frankfurt-am-Main, Germany), linowlocki@fb4.fra-uas.de

Krzysztof KOSELA — Doctor of Sociology, Professor, University of Warsaw (Warsaw, Poland), k.kosela@is.uw.edu.pl

Irina M. KOZINA — Candidate of Sociology, Tenured Professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), ikozina@hse.ru

Elena L. OMELCHENKO — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg (St. Petersburg, Russia), omelchenkoe@mail.ru

Alexandrina V. VANKE — Candidate of Sociology, Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), vanke@inbox.ru

Содержание

Письмо редактора	7
Теоретические дискурсы и дискуссии	9
<i>Вибекке Кристин Шеллер</i> Понимание, видение и репрезентация времени в темпографии	9
Хроники пандемии: размышления социологов	34
<i>Алессандро Героса</i> Недели, которые могли изменить ход пандемии: о конфликте между здоровьем, экономикой и правами человека	36
<i>Мари-Кристин Дёблер</i> Поцелуй — это просто поцелуй? (Не)возможности присутствия	41
<i>Чао Фанг</i> Понимание смерти и горя в контексте пандемий — вызовы и поддержка в ответ на COVID-19	46
Полевые исследования	53
<i>Ирина Чудова</i> Электронное или бумажное? Специфика реализации практик чтения студентами и научными работниками	53
<i>Татьяна Ларкина</i> Чей это ребёнок? Проблема конструирования и деконструирования родственных уз на рынке донорских гамет	73
<i>Ишака Камара, Ибрагим Траоре</i> Факторы успеваемости в представлении участников образовательного процесса: средние школы в Республике Мали	93
ИНТЕР-энциклопедия качественных методов	114
<i>Елена Рождественская</i> ИНТЕР-энциклопедия: нарративное интервью	114
Анонсы научных событий	128

Contents

Editor's Letter	7
Theoretical Discourses and Debates	9
<i>Vibeke Kristine Scheller</i> Understanding, Seeing and Representing Time in Tempography	9
Chronicles of a Pandemic: Reflections of Sociologists	34
<i>Alessandro Gerosa</i> The Weeks that Could Have Changed the Pandemic Course: on the Conflict Between Health, Economic and Personal Rights	36
<i>Marie-Kristin Döbler</i> A Kiss is Just a Kiss? (Im)Possibilities of Being Present	41
<i>Chao Fang</i> Understanding Death and Grief in the Context of Pandemics — Challenges and Support in Response to COVID-19	46
Field Work Research	53
<i>Irina Chudova</i> Electronic or Printed? Peculiarities of Reading Practices of Students and Researchers	53
<i>Tatiana Larkina</i> Whose Child is This? The Problem of Constructing and Deconstructing Kinship Bonds on the Donor Gamete Market	73
<i>Ichaka Camara, Ibrahima Traore</i> Factors of Academic Performance in the Perception of Participants in Education: Secondary Schools in the Republic of Mali	93
INTER-Encyclopedia of Qualitative Methods	114
<i>Elena Rozhdestvenskaya</i> INTER-Encyclopedia: Narrative Interview	114
Announcements of Scientific Events	128

Письмо редактора

Завершающий 4-й номер ИНТЕРа в 2020 году, наверное, мог бы получить обобщающее название «Время». Социальное время отличают неравномерность, возможность ускоряться, замедляться, даже как бы останавливаться, возобновляя движение по кругу. Вспомним линейное время подвигов мифического героя Одиссея и циклическое время ожидающей его Пенелопы, вяжущей и распускающей ковер. Но, не подменяя понятия времени и движения, мы распознаем в потоке времени движение событий. В качественной социологии событийность имеет важное значение, поскольку за выделением события индивидом стоит герменевтическое усилие. А своими действиями социальные акторы придают времени осязаемую форму. Ведь то, что индивиды при помощи своих действий воспроизводят социальную реальность с ее институтами и практиками, обеспечивает социальной реальности ее протяженность во времени. Разнородность времени — сложный многоуровневый сюжет. Мы обнаруживаем у Э. Гидденса, что длящаяся социальная жизнь включает три пересекающиеся уровня времени: 1) *durée of the day-to-day experience* (темпоральность непосредственного опыта в повседневной жизни), 2) *Dasein* (темпоральность человеческой жизни и ее циклов), 3) *longue durée of institutions* (долгая длительность, связанная с воспроизводством социальных институций) (Giddens, 1981: 93). Драматичной характеристикой этого года для всех (!) стал уникальный опыт пандемии, который перемешал темпоральности как повседневности, так и привычной цикличности жизни, а также институций.

Поэтому мы привлекаем внимание читателей к этому понятию не только вводной статьей теоретического характера — В. К. Шеллер «Понимание, видение и репрезентация времени в темпографии», но и несколькими эссе-размышлениями социологов о сложном времени пандемии. Это эссе А. Героса о конфликте между здоровьем, экономикой и правами человека, эссе М.-К. Дёблер, которая переосмысляет привычные телесные практики в условиях вынужденной социальной дистанции, а также текст Ч. Фанг о том, как воспринимаются крайний экзистенциальный сюжет — смерть — и практики горевания в контексте пандемии.

Дальнейшее содержание номера в разделе полевых исследований представлено анализом практик чтения при выборе между бумажными и электронными носителями (статья И. А. Чудовой). Как рационализируют свои предпочтения в этом вопросе студенты и преподаватели и научные сотрудники? Другой текст — Т. Ю. Ларкиной — касается сложного вопроса конструирования родственных уз через услуги, оказываемые бездетным родителям репродуктивными агентствами. Социально-конструктивистская логика исследования обнаруживает процесс, дискурсивно разрывающий

родство между донорами клеток и ребёнком, но при этом легитимирующий родственность заказчиков услуги и ребёнка. Еще одна статья (И. Камара и И. Траоре) посвящена исследованию факторов успеваемости в представлении участников образовательного процесса в школах Республики Мали.

В заключение номера мы поддерживаем новым текстом рубрику ИНТЕР-энциклопедии качественных методов, на этот раз освещая методологию и методику нарративного интервью (Е. Ю. Рождественская). Приглашаем исследователей, глубоко разбирающихся в тех или иных качественных методах, направлять в эту энциклопедию свои статьи.

Литература

Giddens A. Time and Space in Social Theory // Lebenswelt und soziale Probleme: Verhandlungen des 20. Deutschen Soziologentages zu Bremen 1980 / Ed. by J. Matthes. Frankfurt am Main: Campus Verl, 1981. P. 88–97.

**Ответственный редактор номера,
Елена Рождественская**

Теоретические дискурсы и дискуссии

Понимание, видение и репрезентация времени в темпографии¹

DOI: [10.19181/inter.2020.12.4.1](https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.4.1)

Ссылка для цитирования:

Шеллер В. К. Понимание, видение и репрезентация времени в темпографии / пер. с англ. В. В. Семеновой, И. Н. Тартаковской // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 4. С. 9–33. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.4.1>

For citation:

Scheller V. K. (2020) Understanding, Seeing and Representing Time in Tempography / transl. from English: V. V. Semenova, I. N. Tartakovskaya. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 12. No. 4. P. 9–33. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.4.1>

Вибекке Кристин Шеллер*

*Опираясь на исследование недавно созданного кардиологического отделения, в этой статье я описываю, как этнографы понимают, видят и репрезентируют время. Предыдущие обсуждения времени в контексте этнографии в основном вращались вокруг выбора подходящего времени (темпоральности) при написании текста, и некоторые исследования пытались разработать основу для проведения организационной этнографии, ориентированной на время, то есть **темпографии**. Я утверждаю, что осуществление стратегии темпографии требует рассмотрения нескольких фаз исследовательского процесса: как мы понимаем время в рамках теоретического подхода, как мы видим время через призму разных качественных методов, как мы представляем время при написании текстов. Я рассматриваю эмпирические данные, иллюстрирующие, насколько различными способами время может вторгаться в процесс этнографических исследований, например, в дневники наблюдений, через посредство изображений и нарративов, которые содержат*

¹ Статья впервые опубликована на английском языке в журнале FQS: Scheller V. K. Understanding, Seeing and Representing Time in Tempography [43 paragraphs] // Forum: Qualitative Social Research. Vol. 21. № 2. 2020. URL: <https://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/3481/4588>. DOI: <http://dx.doi.org/10.17169/fqs-21.2.3481>

Журнал FQS осуществляет политику открытого доступа ко всем своим публикациям на принципах прямого глобального обмена научными знаниями. URL: <https://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/submission/copyright> (дата обращения: 20.11.2020).

* Шеллер Вибекке Кристин — постдокторант-исследователь, доктор (PhD) в области исследования организаций и менеджмента, Департамент организаций, Школа бизнеса (Копенгаген, Дания); магистр в области изучения труда и психологии, Университет Роскилле, vks.ioa@cbs.dk.

Перевод текста осуществлен доктором социологических наук В. В. Семеновой (Институт социологии ФНИСЦ РАН, victoria-sem@yandex.ru) и кандидатом социологических наук И. Н. Тартаковской (Институт социологии ФНИСЦ РАН, lucia.richardson@gmail.com).

различные концептуализации времени, через рассказы пациентов о траекториях их лечения, а также этнографические описания работы специалистов. Я считаю, что этнографам необходимо учитывать: 1) **методологическое осознание темпоральности** как признание сосуществующих временных режимов в качественных данных; 2) **аналитическое осмысление практик темпоральности** как понимание времени и темпоральности через различные теоретические концепции; и 3) **совмещение различных темпоральностей** с целью представления различных точек зрения в этнографических работах.

Ключевые слова: темпоральность; этнография; исследования организаций; объекты времени; темпоральная работа; траектории; темпография

Введение

Представляя читателям процесс реализации темпографии как подхода, я буду рассматривать, каково значение системы восприятия, понимания и репрезентации времени для этнографии. Термин «темпография» был предложен Зерубавелем в 1979 году (Zerubavel, 1979) для описания социо-темпоральных структур в больнице в контексте этнографии организаций. Впоследствии это понятие использовалось исследователями развития города и соседства в рамках темпоральной географии (Auyero, Swistun, 2009; Harvey, 2015). Однако для самого Зерубавеля (Zerubavel, 1979) темпография означала не просто определение концепта географии времени, но описание набора растворенных в практиках *моделей времени*. Роль этнографических исследований организаций обсуждалась в исследовательских сообществах, а также в FQS², где Бергман (Bergman, 2003) призывал уделять в этнографии больше внимания *организациям*, то есть тому, что исследование может сказать об *организациях в целом*, а не просто изучению в них отдельных явлений. Соответственно, я утверждаю, что исследователи должны включать категорию времени в этнографические исследовательские проекты, а не просто изучать время в организационном контексте, как это делал Зерубавель, (Zerubavel, 1979) из-за чего и был в свое время подвергнут критике (Vobys, 1980).

Этнографам при написании работ неизбежно приходится выбирать между прошедшим и настоящим временем, привязывая свои описания к определенному временному моменту (Willis, 2010). Эта темпоральная перспектива исследовалась многими этнографами и обсуждалась в основополагающих текстах, таких как «Время и Другой» Йоханнеса Фабиана (Fabian, 1983). Для Фабиана привязка изучаемых культур к стазису настоящего времени означает проблемное отстранение (othering) от изучаемых предметов. Это настоящее было пережито исследователем в прошлом и впоследствии записано с использованием прошедшего или настоящего времени, но обе

² FQS (Forum Qualitative Sozialforschung) — академический журнал, посвященный качественным исследованиям в социальных науках, издается в Берлине (*прим. переводчика*).

формы создают для исследуемой культуры темпоральные проблемы. В идеале представители этой культуры должны выступать в качестве *партнеров по диалогу*, что очень важно для антропологов, поскольку дает изучаемой культуре активный голос. Замораживание этого голоса в определенном времени указывает на то, что представители этой культуры для этнографа остаются Другими, пространственно и темпорально отличными от него. Использование прошедшего времени предполагает, что культура (или организация) больше не функционирует таким образом, как это было в момент исследования, и ее практики ушли в прошлое, в то время как использование настоящего время предполагает, что ее практики застыли в прошлом и более не изменяются. Еще одна важная дискуссия, связанная со временем и этнографией, касается парадокса изучения нелинейных организационных процессов, описанных в исследовании линейно (Willis, 2010). Я считаю, что этих обсуждений недостаточно для освещения проблем, с которыми сталкиваются исследователи, поскольку время влияет на многие этапы этнографии организаций. В этой статье я намереваюсь обсудить различные способы влияния времени и темпоральности на исследовательский процесс и внести вклад в немногочисленную литературу о взаимосвязи между временем и этнографией. Я предполагаю, что растущий интерес исследователей организаций ко времени и темпоральности подчеркивает необходимость в новых методологических дискуссиях, а не помещения этих проблем в «черный ящик» исследований организаций.

Патрик Доусон (Dawson, 2014a, 2014b), один из немногих ученых — исследователей организаций, пишущих о взаимосвязи времени и этнографии, предлагает подход, состоящий из трех концептов: 1) осознание темпоральности, 2) темпоральные практики, а также 3) совмещение (*merging*) темпоральностей (Dawson, 2014b). Его предложения сосредоточены на этнографе и его установках по отношению к изучаемому явлению:

«Совмещение темпоральностей позволяет охватить переплетение объективного и субъективного времени, темпоральные практики дают возможность использовать различные концепции времени, не пытаясь раскрыть их смысл на стадии сбора и анализа данных, и осознание темпоральности позволяет принять парадокс времени в реляционно-темпоральной перспективе. Все вместе открывает возможности для инсайтов и большего понимания при проведении этнографических исследований изменений в организациях» (Dawson, 2014b: 148).

Для Доусона переплетение объективных и субъективных представлений о времени проявляет себя в рассказах респондентов об организационных изменениях, например, когда они говорят как о запланированных мероприятиях, так и о своем личном и изменчивом опыте восприятия времени. Задача исследователя — представить в этнографическом описании обе эти перспективы и объяснить, как они сосуществуют и в чем противоречат друг другу. Несмотря на то, что его подход в основном касается репрезентативной стороны исследовательского процесса, его концепции обладают некоторым

потенциалом для размышлений о темпоральности в этнографических исследованиях. Осознание темпоральности означает принятие парадокса времени, заключающегося в том, что исследователи часто представляют процессы изменений как линейные и поэтапные, хотя они воспринимаются самими их участниками как эмерджентные и хаотические. Принятие во внимание темпоральных практик соотносится с задачей исследователя использовать различные концепции, не раскрывая их, и поддерживать таким образом разнообразие проявлений времени в работе организаций и темы темпоральности в анализе. Например, исследователи используют понятие объективного времени, которое измеряется механически часами, наряду с субъективным временем — когда респондент описывает определенный период времени как быстро пролетевший или медленно тянувшийся. Этнографам в этом случае следует провести совмещение темпоральностей, сосредоточив внимание на переплетении объективной и субъективной темпоральной перспективы в этнографии организаций, особенно когда речь идет о процессах изменений. Моя цель — развить структуру Доусона, применив ее к другим аспектам этнографии с учетом особенностей качественных методов и их пригодности для фиксации темпоральных режимов, а также важности различных концепций времени и темпоральности для понимания организаций. Для этого я использую этнографическое исследование нового однодневного кардиологического отделения при одной из датских больниц (однодневный кардиологический стационар — *прим. пер.*)

Как правило, этнографы, проводящие исследования в области здравоохранения, сосредотачиваются на медицинских учреждениях как особом типе организаций, который воплощает множество различных репрезентаций времени (Glaser, Strauss, 1968; Zerubavel, 1979). Профессиональная необходимость бороться с болезнями и взаимодействовать с пациентами создает столь наглядные темпоральные напряженности (например, темпоральное пространство болезни), что они могут служить иллюстрациями для других типов организаций. (Moreira, 2007). Я участвовала в таких исследованиях и разработала основу для разных способов взаимодействия со временем и темпоральностью в процессе этнографического исследования. Поэтому исследовательский вопрос, на который я стремлюсь ответить в этой статье, звучит следующим образом: что дает темпографическое исследование организаций для изучения сосуществования нескольких разных временных перспектив? В данном случае под организацией я понимаю дневное кардиологическое отделение.

Соответственно, я считаю, что этнографам, проводящим темпографические исследования, необходимо задуматься о том, как они понимают время. С этой целью я первоначально предлагаю мини-обзор различных теоретических взглядов на время и темпоральность в организациях. Главный сюжет следующего раздела посвящен тому, как исследователи *видят время* через призму различных качественных этнографических данных, также я описываю там методы исследования, типы данных и тематический анализ, применяемые в моей темпографии. Затем я представляю эмпирический материал,

после чего предлагаю примеры того, как можно *репрезентировать время*, используя данные, полученные при исследовании в кардиологическом отделении — такие как объекты времени, темпоральная работа и траектории пациентов. Подводя итог, я обсуждаю, как этнографы должны думать о времени, для этого рассматриваю концепты *методологическое осознание времени, аналитические темпоральные практики и совмещение различных темпоральностей* (multi-temporal merging). И в заключении я резюмирую свой вклад в методологическую дискуссию о роли времени и темпоральности в этнографическом исследовательском процессе.

Теоретический анализ времени и темпоральности в исследованиях

В этом разделе я рассуждаю о взаимосвязи между темпоральностью и этнографией организаций, выдвигая предложения о том, как заниматься аналитической практикой, используя различные концепции темпоральности (Dawson, 2014b). Таким образом, я предлагаю краткий обзор литературы, в котором привожу примеры того, как ученые понимают время. Организации всегда изучаются в рамках временной перспективы, которую исследователи применяют для ее понимания. Если мы сосредотачиваемся на отношениях между дискурсом и временем (Jensen, 2007; Kozin, 2007; Wall, 2007), организационные процессы становятся языковой проблемой в репрезентации времени. При исследовании социо-темпоральных структур (Zerubavel, 1979) ученые склонны сводить организации к наборам более-менее устойчивых правил и ресурсов (orders and materials). Концентрация на практиках (Kaplan, Orlikowski, 2013; Orlikowski, Yates, 2002) делает организационную жизнь вопросом планирования и разработки стратегии. К тому же, постановка темпоральных процессов в качестве центрального пункта исследования обеспечивает фокус на процессах крупномасштабных изменений (Schultz, Hernes, 2012). В этой статье я выступаю за совмещение в исследовании организаций различных временных перспектив. Исследователи (Adam, 1995, 1998; Nowotny, 1994; Waterworth, 2003, 2017) и ранее использовали мультитемпоральный подход, но они редко делали это исходя из перспективы, ориентированной на практики, которую я здесь использую.

В следующих трех разделах я представляю различные теоретические взгляды, которые формируют аналитическую рамку для понимания того, как время и темпоральность влияют на профессиональные практики. Моя цель — показать, что эти аналитические перспективы составляют основу для включения темпоральных практик и совмещения темпоральностей в темпографии однодневного кардиологического стационара.

Объекты времени

Значимость *объектов времени* как проблематики привлекла большое внимание как ученых, изучающих организации (Zerubavel, 1985), так и более

широких социологических кругов (Birth, 2012). Исследователи даже охарактеризовали отношения между объектами и человеческим восприятием времени как следствие технологического ускорения, где новые информационные технологии увеличивают скорость, с которой выполняются различные виды деятельности (Rosa, 2013). Объекты времени являются социальными структурами и используются членами организации для различных целей, включая координацию деятельности, чтобы облегчить сотрудничество и соотнести между собой различные профессиональные установки по поводу времени (Yakura, 2002). На самом базовом уровне объекты времени становятся необходимыми даже для того, чтобы просто думать о времени — классическими примерами являются часы и календари (Birth, 2012). Главная особенность объектов времени состоит в том, что они предназначены для передачи определенных способов мышления о времени. Например, часы показывают *объективное время (clock time)*, а календарь передает *время события*. В контексте больницы часы, графики, планы и диаграммы сосуществуют в процессе последовательного ухода за пациентами и в его непрерывном всеохватном отражении, которое, согласно Зерубавелю (Zerubavel, 1979), является общим организационным принципом. Карта пациента (история болезни пациента), которая также упоминается у Зерубавеля, — это пример объекта, предназначенного для передачи определенного вида темпоральности, а именно рассказа пациента, основных событий, будущих перспектив болезни и т. д., то есть *времени пациента*.

Темпоральная работа

Когда члены организации используют объекты времени (например, графики и планы проектов), они осуществляют практики, которые имеют решающее значение для координации, согласованности и реализации целей организации. Соответственно, темпоральная работа нередко была центральной темой в исследованиях организаций (Kaplan, Orlikowski, 2013; McGivern et al., 2018; Reinecke, Ansari, 2015). Темпоральная работа — это концепция, которая описывает, как акторы дискутируют относительно различий в своих интерпретациях прошлого и настоящего организации, чтобы создать основу для будущих стратегических планов и действий. Эта перспектива была популярна в исследованиях стратегий организаций (Kaplan, Orlikowski, 2013), иногда с дополнительным акцентом на использовании пограничных объектов в качестве помощников стратегических процессов (McGivern et al., 2018). Как и в области стратегических процессов, профессионалы в больницах постоянно обсуждают истории болезни отдельных пациентов и их симптомы для принятия решений о медицинских планах и действиях. Они постоянно осуществляют мелкомасштабную стратегическую работу по уравниванию койко-мест, потребностей пациентов, планов процедур и неожиданных ситуаций. Такие профессиональные практики по природе своей сильно связаны с темпоральностью и подразумевают постоянные перемещения назад и вперед между прошлым, настоящим и будущим.

Траектории

Траектория — это особый процесс, разворачивающийся во времени. Концепция траектории использовалась учеными для описания различных организационных процессов: профессиональных карьер (Schilling, 2015), траекторий научных открытий (Timmermans, 1999) и управления опытом пациентов (Strauss et al., 1997). Траектория — это организационный нарратив, серия событий, происходящих во временной протяженности (например, процесс организационных изменений) или личных опытов, из которых складывается конкретная история (например, история болезни). В организациях множество траекторий профессионалов пересекаются друг с другом (Timmermans, 1998). В последнее время исследователи процессов также взяли на вооружение концепцию траектории. Хернес (Hernes, 2017) предлагает понятие *темпоральной траектории* как объекта мышления, как формы организационного образования, которую акторы постоянно обсуждают и реконструируют. В классических исследованиях здравоохранения ученые в основном использовали концепцию траектории для описания социальной организации работы в больнице от диагноза до выздоровления или возможной смерти пациента (Strauss et al., 1997). Эта концепция часто используется применительно к лечению хронических заболеваний, таких как рак, ишемическая болезнь сердца и сердечная недостаточность. Она применяется учеными для анализа мнений специалистов о том, как будет развиваться болезнь, как пациент переживает процесс лечения и как должна быть организована многосторонняя работа по ходу этой траектории.

Таким образом, исследователи организаций обсуждали время и темпоральность многими способами. Каждая из этих перспектив важна для понимания того, как функционируют организации и что они собой представляют, это в полной мере относится и к здравоохранению. Поэтому в данной статье я утверждаю, что необходимо изучить, как разные представления о времени сосуществуют в жизни организаций, и именно на этот подход я опираюсь при описании темпографии однодневного кардиологического стационара.

Методология темпографии

В этом разделе я рассматриваю, как этнографы видят время, когда осуществляют темпографическое исследование с использованием качественных методов. Важно подчеркнуть, что «видеть» не следует понимать чисто реалистически, скорее это концепт, описывающий, как этнографы входят в различные темпоральные режимы, используя разные методы.

В этнографическом кейс-стади кардиологического отделения я сфокусировалась на актуальных действиях, разговорах и учетных записях (Atkinson, Hammersley, 1994; Hammersley, Atkinson, 2007). Делая исследование, относящееся к категории «*организационная этнография*», я в первую очередь была заинтересована в изучении повседневных практик (Pedersen, Humle, 2016), поскольку они отражают роль времени и темпоральности в деятельности

организации. Было проведено несколько классических этнографических исследований, где время выступает в качестве центральной темы исследования, как правило, они возникали на базе подхода grounded theory (Barley, 1988; Birth, 2012; Dawson, 2014b; Glaser, Strauss, 1968; Strauss et al., 1997; Willis, 2010). В этом исследовательском проекте я отошла от подхода grounded theory к темпографии, придерживаясь более осмотрительной и теоретически оснащенной методологии. Важно отметить, что это не требует применения специфических теоретических перспектив относительно времени, но достаточно простого интереса ко времени и темпоральности как широко определяемым с самого начала общим категориям, то есть рассмотрения времени в качестве ключевого организационного принципа (хотя часто молчаливого и неявного) и вынесения его на первый план. Например, сначала я сосредоточилась на временных практиках (temporal practices), но значимость траекторий пациентов и объектов времени вылилась в исследовательские темы уже по ходу проекта, поскольку по ним постоянно велись обсуждения и консультации с профессионалами относительно проблематики ежедневного планирования.

По мере развития проекта возникала параллельная цель — обсудить, как разные качественные данные соотносятся со временем и темпоральностью, делался упор на точках, которые могут представлять интерес для исследователей, желающих заниматься темпографией. Я осуществила свой этнографический проект в период с января 2015 года по май 2017 года (см. рисунок 1). Первичные данные состоят из записей интервью, записей наших встреч и полевых заметок, сделанных в то время, как я отслеживала практики профессионалов (Czarniawska, 2007) и пациентов однодневного стационара. Сопровождение как этнографический метод предполагает выбор исследовательской позиции следовать за участниками в их повседневной жизни, чтобы понять их практики, и затевать с ними разговоры, пытаюсь понять их мысли и действия. В этом специфическом исследовании я сопровождала профессионалов с целью понять, как они исполняли свои рабочие задания, особенно в отношении планирования, и участвовала в их профессиональных дискуссиях (whiteboard meetings³), в то время как цель сопровождения пациентов состояла в неформальных беседах относительно их пациентского опыта.

Были собраны различные типы данных (см. рисунок 1). Из полевых заметок, а также транскриптов интервью и аудиозаписей врачебных встреч, я получила целый ряд идей, связанных с опытом профессионалов и пациентов, как они справляются с теми временными напряжениями, которые привносит система «выписка-в-тот-же-день». Нарративы пациентов (Pedersen, 2009; Pedersen, Johansen, 2012) содержали линейные (более или менее) истории, соединяющие прошлое, настоящее и будущее. Таким образом, это естественный инструмент для изучения временного аспекта. В однодневном стационаре я отслеживала нарративную часть проекта, она формировалась двумя путями:

³ Whiteboard meeting — принятый в англоязычной литературе термин, обозначающий совещание типа «мозговой штурм с использованием доски, на которой фиксируются осуждаемые идеи». URL: <https://conceptboard.com/blog/effective-whiteboarding-sessions/> (дата обращения: 20.11.2020) (прим. переводчика).

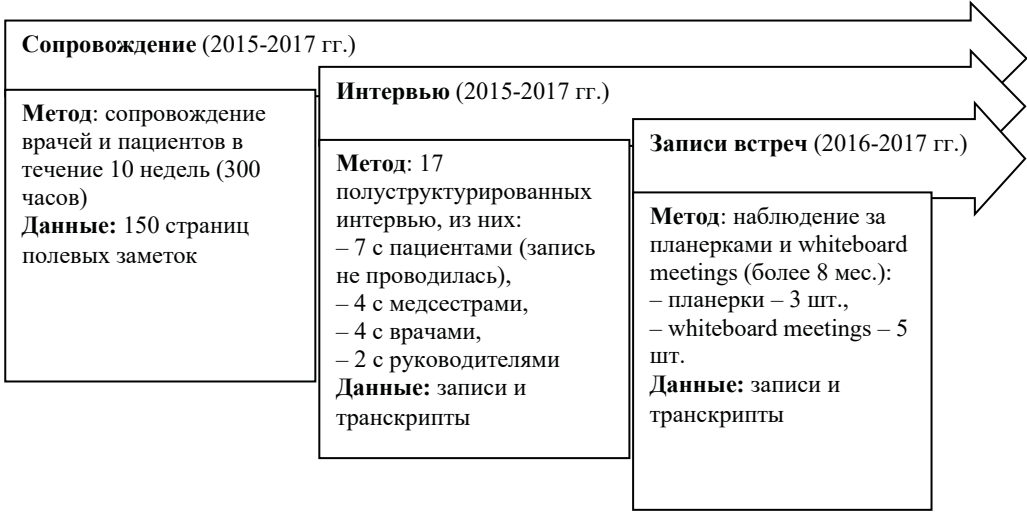

Рисунок 1. Обзор данных этнографического исследования

1) через интервью и 2) через наблюдение за разговорами между пациентами и профессионалами. Другим источником данных были полученные из наблюдения обзоры практик (Atkinson, Hammersley, 1994; Czarniawska, 2007; Jarzabkowski et al., 2014). Краткий вариант дневника наблюдения представляет собой другой вид источника данных, специально выстроенный исследователем в виде истории, куда обычно записывается происходящее в форме линейного (последовательного) микроотчета. Организационные практики часто осуществляются в определенном времени и месте, некоторые из них имеют выраженное темпоральное качество. Так, процесс принятия решений отсылает к прошлому, нынешнему и будущему состоянию определенной проблемы. Изображения изучаемых объектов — фотоснимки — являются слепами, замороженными во времени (Orlikowski, 2000, 2007; Orlikowski, Scott, 2008), но все же позволяют этнографу показать, как объекты презентуют время и темпоральность номинально, и как это происходит в реальности. Например, исследователям трудно продемонстрировать, как профессионалы постоянно адаптируют объекты времени, представляя только графики планируемых мероприятий и действий, тогда как сочетание изображения вместе с отчетами наблюдений предоставляет интересные данные о той роли, которую играет этот объект. Различные темпоральности этнографических данных нелегко отделить, поскольку они сосуществуют и влияют друг на друга постоянно, как я продемонстрирую подробнее в разделе анализа.

После окончания полевых работ я провела тематический анализ (ТА) стенограмм и полевых заметок (Clarke et al., 2015). Подход ТА, который я использовала в этом исследовательском проекте, называют подходом “Big Q approach”. Кларк и соавторы определяют его как аналитическое видение, отвергающее универсальные значения, но подчеркивающее контекстуальное

знание. Следуя подходу ТА, исследователь должен пройти шесть аналитических шагов, или этапов: 1) ознакомление; 2) кодирование; 3) поиск тем; 4) пересмотр тем; 5) дефиниция и называние тем; 6) написание отчета (Clarke et al., 2015: 230). Я выделю здесь три наиболее важных шага. Я ознакомилась с этнографическими данными (Шаг 1), собранными как во время, так и после завершения полевых работ, путём чтения и перечитывания стенограмм и полевых заметок и составленных первичных аналитических и рефлексивных мемов. Прослушала аудиозаписи — как в процессе транскрибирования, так и вне его. Потом начался процесс кодирования (Шаг 2) с открытым тематическим кодированием, связанным с основным исследовательским вопросом: как время (как концепция в широком понимании) проявляется в эмпирических данных; например, как люди прямо говорят о временном прессинге, о прошлом времени или планировании на будущее. При пересмотре тем (Шаг 3) я определила наиболее когерентные и «плотные» аспекты, которые были как-то связаны с RQ, что завершилось выбором трех аналитических тем, а впоследствии их теоретической репрезентацией (см. таблицу 1).

Таблица 1

Аналитические темы

Эмпирический пример	Аналитическая тема	Теоретический концепт
«Врач рассматривает предпосылки для проведения исследования, а также методы и результаты. Затем он спрашивает: “Основываясь на этом предварительном изучении, какую общую стратегию мы выберем?”. Далее они обсуждают, каковы возможные последствия для такого лечения пациентов в будущем» (Полевая заметка, 8 сентября 2015 г.)	Дискуссия, затрагивающая протяженность от прошлого к настоящему и будущему	Темпоральная работа
«— <...> Мы пытались составить карту траектории движения пациента через систему однодневного отделения <...> у нас не было действительно полной информации о том, что пациентам сказали во время их первой встречи в амбулаторной клинике <...> поэтому мы потратили много времени, чтобы построить временную карту этого процесса» (Интервью, врач)	Траектории существенно важны для организации процесса	Траектории пациентов
«Медсестры смотрят на монитор, демонстрирующий информацию о пациентах, и отслеживают их статус на процедурах. Они удивляются, почему так мало пациентов до сих пор выписаны. Неужели персонал в процедурной сегодня был особенно медлителен?» (Полевая заметка, 18 ноября 2015 г.)	Материальные объекты занимают центральное место в соблюдении плана процедур	Объекты времени

Я не могла включить в окончательный список все темы, которые возникали в результате тематического анализа (например, *отношения между временем и пространством*): или из-за отсутствия плотности данных, или же из-за более слабой релевантности по отношению к основному исследовательскому вопросу. Три аналитические темы отражают разные теоретические подходы к анализу однодневного стационара, требующие методологических решений и учета некоторых соображений.

Ключевым вкладом организационной темпографии как специфического подхода является то, что она привносит с собой теоретически богатые концепции (возвращает теорию, как определили Pedersen, Humle, 2016). Этнографами, изучающими организации, как правило, упускается из виду, что они в основном проводят исследования времени внутри организаций, в определенном организационном контексте, вместо того, чтобы изучать, как разные теоретические концепции времени формируют организации (Bergman, 2003). Соответственно, в следующем разделе я описываю специфическую темпоральную организацию — кардиологический однодневный стационар.

Представление системы «выписка-в-тот-же-день» в однодневном кардиологическом стационаре

Кардиологический дневной стационар был создан в 2015 году в больнице в Дании для проведения с пациентами плановых или подострых процедур в двух медицинских областях — аритмии и ишемической болезни сердца, — для тех пациентов, которые могут быть выписаны домой или переведены в другую больницу в тот же день, когда проведена процедура. Общим знаменателем для всех пациентов был не общий диагноз, а то, что у них были аналогичные траектории — то есть относительно короткие и незамысловатые. Делая этнографическое поле, я быстро познакомилась с каждодневными рутинными процедурами и обнаружила, каковы инструменты планирования, порядок записи пациентов и протоколы, которые поддерживали работу профессионалов. Медицинские процедуры планировались с помощью IT-системы, которая показывала процедуры и операции (с незначительным вмешательством), запланированные на много недель вперед. Сотрудники в офисе кардиологической клиники бронировали процедуры на основе справки от врача-специалиста или направления другой больницы. На стене в сестринском офисе находится цифровой монитор, который содержит обзор планируемых процедур, то есть процедурный план. Рядом с ним находится еще один монитор с обзором пациентов — просто список пациентов, с распределением их по кроватям и комнатам. Обзор пациентов играет вспомогательную роль в работе профессионалов как напоминание о времени запланированной процедуры, посещения и содержит информацию об общем состоянии здоровья пациента и конкретном заболевании. Записи о пациентах регулярно использовались персоналом, чтобы сориентироваться, используя

заметки об истории болезни и т. д. Эта запись формировалась за несколько дней до процедуры, когда пациент встречался с врачом и медсестрой в амбулаторной клинике.

На начальном этапе существования отделения, в мае 2015 года, возникли трудности с реализацией процедуры в тот же день, что привлекло мое внимание к напряженностям, которые появляются в результате введения более сжатых сроков. В то время руководство отделения искало узкие места и неотрегулированные процессы и опрашивало пациентов об их опыте. Большинство пациентов были очень довольны лечением и дополнительно быстрым, эффективным и компетентным уходом, который они получали. Однако в тот период было много дискуссий между специалистами о том, как быть с теми пациентами, которые не соответствовали новой схеме выписки. Планирование также было осложнено из-за возросшего давления на отдельные сектора. Это давление перемещалось от одного сектора к другому, например, если места были заняты в отделении интенсивной терапии, это приводило к тому, что серьезно больные пациенты оставались госпитализированными в отделении неотложной помощи, то есть к организационному сбою. Это затрудняло реализацию проекта, поскольку пациенты, которые должны были быть перемещены в другое место, чтобы закрыть однодневное отделение на ночь, оказывали дополнительное давление на другие отделения больницы. Стало ясно, что создание специализированного подразделения с выпиской в тот же день влечет за собой глубинное изменение рутинных рабочих задач, а не просто выполнение задач в более короткие сроки. Тем не менее, было очевидно, что многие трудности, связанные с планированием, управлением конкурирующими системами и синхронизацией работы различных отделов, а также траектории пациентов, должны рассматриваться профессионалами.

Эмпирические иллюстрации времени в кардиологическом отделении

В этом разделе я привожу аналитические выдержки из моих данных, которые иллюстрируют различные репрезентации времени в темпографии кардиологического однодневного стационара с трех точек зрения: 1) с точки зрения профессионалов, использующих объекты времени; 2) с точки зрения профессионалов, практикующих темпоральную работу; 3) с точки зрения траекторий, которые непрерывно реконструируются как пациентами, так и профессионалами. Я представлю короткие эмпирические иллюстрации и не полностью проработанный анализ, так как моя главная цель состоит в том, чтобы показать, насколько разные аналитические перспективы времени связаны с этнографией и ее методами. В тексте приводятся выдержки из наблюдений и интервью, которые я проводила в ходе исследования. Все цитаты обезличены, идентификационная информация удалена или значительно изменена.

Планы процедур как объекты времени

В кардиологическом однодневном стационаре монитор висит на стене у медперсонала, он показывает план процедур на конкретный день. Обзор содержит имена пациентов, название запланированной процедуры и их распределение по определенным процедурным комнатам («Кабинет» на рисунке 2). Профессионалы могут отслеживать в режиме реального времени события в каждом кабинете, где вертикальная линия отмечает текущее время и цвета указывают фазы процедуры, например, зеленый означает *подготовку*, красный используется для «*времени ножа*» (когда операция выполняется) и коричневый — для фазы *завершение*. Специалисты используют этот план для координации работы с каждым пациентом, прочитывая изменения цвета. Когда следующий пациент должен быть готов к процедуре, когда пациент закончит процедуру, есть ли задержки, не прибыли ли острые пациенты? Когда медсестра смотрит на доску, она может расшифровать траекторию каждого пациента, глядя на выделенные цвета на экране.

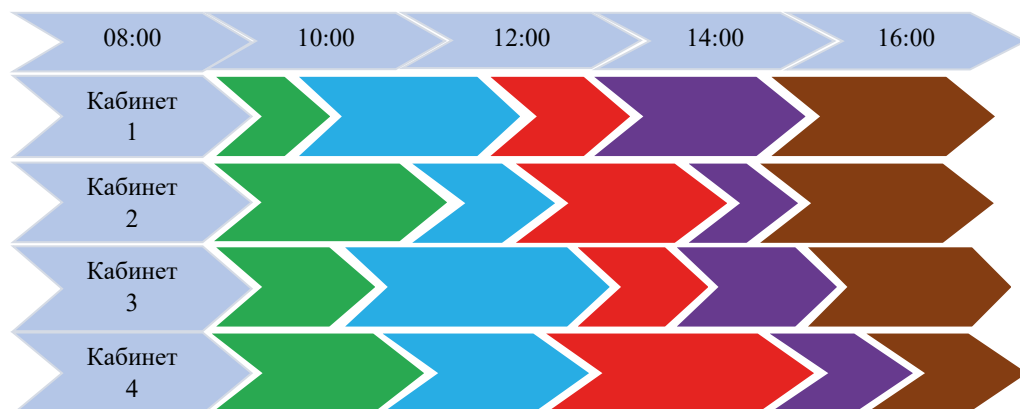

Рисунок 2. Изображение плана процедуры

План процедуры является центральным объектом работы в офисе медсестер. Здесь он представлен цитатой из интервью медсестры:

«<...> Мы очень фокусируемся на плане процедур, чтобы он продолжался как следует. Потому что если он будет нарушаться, то именно нам придётся пойти и объяснить пациенту: “Есть задержки”» (интервью, медсестра).

С планом постоянно сверяются, внимательно следят за непредвиденными изменениями. Если приходят острые пациенты, то на экране появляются темно-синие полосы, указывая, что они должны быть втиснуты в график. В следующей полевой заметке я привожу пример такого изменения и как оно обрабатывается профессионалами:

«Сейчас 11 утра, техник звонит в офис медсестер и объясняет, что медицинское оборудование в кабинете номер 4 сломалось. Далее все имена пациентов на мониторе стали темно-синими и медсестры знают, что это означает, что они должны переместиться в другие кабинеты. Это создает много проблем для сегодняшнего планирования. Медсестры обсуждают, каких пациентов можно отменить. Они информируют ожидающих пациентов, что «все выглядит плохо», но пациенты все еще ждут, чтобы увидеть, смогут ли процедуры все же состояться в эту дневную смену. Мы следим за развитием событий в течение дня по монитору. Процедуры отодвигаются все дальше и дальше во второй половине дня, и вдруг две процедуры перенесены на время после 8 часов вечера. Медсестра объясняет, что персонал лучше переработает сверхурочно сегодня, чтобы совершить еще несколько процедур, чем окажется отстающим от графика в следующие дни недели» (полевые заметки, 9 июля 2015 г.).

Таким образом, профессионалы воспринимают доску с планом процедур как центральный объект времени в общем процессе планирования, но она также важна для медсестер в ходе управления процессом ожидания пациентов. На мониторе отображаются временные рамки, которые содержат предположения относительно планирования траекторий движения пациентов на будущее. Кроме того, монитор может выступать в качестве объекта для текущих переговоров и обсуждения этих будущих ожиданий. Темпоральных объектов в больнице много: некоторые из них особо важны для планирования траекторий пациентов, и некоторые из них имеют более важный статус, чем другие. В приведенном отрывке о поломке оборудования задержка означает сокращение *объективного времени (clock time)*, что визуально отражается на мониторе. Для восстановления графика профессионалам требуется изменить договоренности и нарушить несколько пациентских траекторий, то есть *время пациента (patient time)*. Объекты времени играют важную роль в организации больничной работы. Темпоральность рабочего дня профессионалов создает объект, который наследует две темпоральности, но разрушает логику траектории пациентов в пользу объективного времени. При исследовании значения объектов времени в организациях фокусом неизбежно становится то, как социально-материальные объекты и порядок формируют жизнь организации. Тем не менее я хотела бы подчеркнуть то, о чем уже упоминалось выше относительно полевого этапа: фокус концентрируется на профессиональной деятельности по отношению к данным объектам. В этом анализе я представляю время двумя способами: один — план процедур как застывшее изображение, другой — использование объекта в процессе наблюдения. Я показываю, что эти две репрезентации вместе объясняют, как, с одной стороны, дизайн плана формирует определенный тип темпоральности (здесь: *объективное время*) и как, с другой стороны, это проявляется в профессиональной практике.

Об отсрочках как темпоральной работе

Иногда пациенты не могут быть выписаны из-за осложнений (таких как сильное кровотечение), переноса процедур или других видов задержек. В конце каждой дневной смены старшая медсестра составляет общий документ по плану «обзор пациентов», который она распространяет среди других сестер для планирования их рабочих заданий. О центральной роли цифрового монитора «обзор пациентов» я поняла из наблюдения, когда техническая ошибка привела к сбою монитора, отображающего обзор пациентов:

«Они попробовали ставить свои заметки непосредственно на мониторе вручную, но процесс быстро стал неуправляемым. Сейчас одиннадцать часов, а экран все еще не работает. Старшая медсестра вызывает техников и говорит в резких выражениях по телефону: “Вы обязаны прийти и должны исправить все в срочном порядке. Мы не можем работать!”» (полевые заметки, 15 сентября 2016 г.)

Соответственно, всякий раз, когда общий план распределения пациентов разрушается, первичной задачей профессионалов становится обсудить и выстроить распределение пациентов на обзорной доске:

«В 14:30 старшая медсестра готовит план на завтра. Обзорная доска выглядит очень хаотичной. Слишком много пациентов по сравнению с количеством коек, потому что некоторые из них не были выписаны в соответствии с запланированными показателями. Старшая медсестра также смотрит на план процедур, который полностью уже укомплектован. Она вносит некоторые предложения, как можно выйти из ситуации, хотя все выглядит совершенно безнадежно. Она говорит в ироническом тоне: “Вы действительно не можете ничего больше выжать из этой репы?” Другая медсестра отвечает: “Нет, потому что независимо от того, что мы сделаем, у нас не будет коек для трех пациентов”. Медсестры продолжают обсуждать, какие пациенты могут подождать в коридоре, если это необходимо; каково их психологическое состояние; проявляли ли они необычную нервозность при первоначальной встрече в амбулаторной клинике. Они решают, что это будут за пациенты — это будут те, которые придут на самые короткие процедуры» (полевые заметки, 17 ноября 2015 г.).

В этой выдержке я привожу пример того, как профессионалы занимаются микростратегической темпоральной работой, как они обсуждают трудности текущего момента и учитывают поведение пациентов в аналогичных ситуациях в прошлом, чтобы взять это за основу для принятия правильного решения на будущее. То, что пациенты говорили медикам во время предыдущей встречи в амбулаторной клинике, перенесено в настоящее время и используется для принятия решений об их распределении по процедурам в отделении. Интересно, что темпоральная работа часто происходит в отношении к объектам времени (подробно описано в первом аналитическом разделе).

В этом эмпирическом разделе я представляю, как объекты времени, то есть обзорные доски пациентов, где размещены планы и записи относительно пациентов, поддерживают временной ритм работы профессионалов. Темпоральная работа и объекты времени связаны, но представляют собой две очень разные перспективы: временная работа касается *темпоральности* (микростратегические процессы по отношению к прошлому, настоящему и будущему), а объекты времени касаются *времени* (структуры, используемые для картирования времени). Данные наблюдений, которые были сконструированы, репрезентируют время как короткий линейный расчет времени профессионалами, занимающимися микростратегической практикой, которая захватывает прошлые, нынешние и будущие аспекты проблемы.

Профессиональная дилемма и траектории пациентов

Часто очень важно, чтобы пациенты в однодневном стационаре сообщали о своем личном опыте профессионалам, которые управляют их траекториями. В целом их индивидуализированные истории болезни играют центральную роль во время приема и общения с персоналом отделения. Профессионалы должны прислушиваться к пациентам, к их тревогам, о чем свидетельствует и данный отрывок полевого отчета наблюдения, где пациентка удивляется, что ей необходимо сделать операцию:

«Я немного удивлена, что результаты моей предыдущей операции не продлились дольше. Говорили, что этого обычно хватает на 20 лет». Пациентка надеется, что ей предстоит лишь незначительная процедура, так как ей нелегко снова решиться на инвазивную операцию. Она говорит: «Я просто думала, что все это уже осталось позади»» (полевые заметки, 27 ноября 2015 г.).

Предшествующая линия траектории этой пациентки характеризовалась проблемными переживаниями (длительное восстановление после инвазивной хирургии), о чем она считает необходимым сообщить профессионалам, поскольку идентифицирует эти переживания как важные события. Я приведу еще один пример о первой встрече в амбулаторной клинике, где другая пациентка фрустрирована временем ожидания:

«Я уже давно волновалась, что что-то не так с моим сердцем, но никто меня не слушал». Пациентка давно устала от административной организации системы здравоохранения и пережила много отмененных процедур. Врач обращается ко мне и говорит: «Пожалуйста, обратите внимание, что имена пациентов зачастую не появляются в наших интернет-системах — зачастую случаются изменения и перестановки времени процедур, и это ничем не заканчивается». Пациентка жалуется на длительное ожидание: «Почему я должна была ждать так долго, чтобы прийти сюда? Я звонила несколько раз и жаловалась». Пациентка с грустью отмечает, что ее здоровье ухудшается. Пациентка имеет многочисленные физические недомогания,

довольно быстро её силы истощаются. Пациентка рассказывает нам, что в молодости она работала с вредными материалами, и поэтому сегодня у нее проблемы с легкими. Врач выслушивает ее, записывает информацию о получаемых лекарствах, сообщает о планируемой процедуре и прощается. Он делает запись в истории болезни пациентки, в которой кратко излагает ситуацию и историю заболевания. Доктор объясняет мне, что считает особенно важным делать эти заметки о пациентах в схеме дня первичного приема, поскольку у специалистов, сталкивающихся с ними в процессе процедуры, мало времени, чтобы сделать полный обзор ситуации пациента» (полевые заметки из дневника наблюдений, 15 сентября 2016 г.).

Из этого диалога видно, как врач переводит нарратив пациентки в свои заметки, чтобы полученную информацию можно было использовать впоследствии, в будущем, при планировании ее траектории в однодневном стационаре. Врач фиксирует (Таблица 2) наиболее важные события в предыдущей траектории пациентки, которые могут иметь большое значение для её траектории в условиях дневного стационара. Его описания объясняют ее раздражение по отношению к больнице, телесный дискомфорт и фиксируют предшествующие заболевания, которые могут (потенциально) иметь значение для будущего лечения. Врач также пытается перенаправить неудовлетворенность пациентки больницей в сторону системной ошибки, тем самым контекстуализируя опыт пациентки и ее траекторию. Подготовка истории болезни пациента и перевод нарративной информации в заметки является центральным компонентом работы с траекторией пациента, поскольку эти записи обеспечивают базу для обмена информацией, к которой могут получить доступ различные профессионалы и в будущем, таким образом наблюдая за пациентом *во времени*.

Таблица 2

**Пример истории болезни пациента
(изменена для сохранения анонимности пациента по критериям
диагноза, времени и типа процедуры)**

Предварительные данные	Пациентка жалуется на боль в груди. Она выражает недовольство тем, что ее не приняли до сих пор. Пациентка ежедневно испытывает боль и считает, что ее физическое состояние серьезно ухудшилось. Ранее она работала с вредными материалами и имеет нарушения функции легких.
Аллергии, ограничения	Нет.
Примечания	Боль после легкой физической нагрузки.
Процедура	Коронарная катетеризация, возможно, баллонная ангиопластика.
План лечения	Имеются указания на возможные окклюзии из-за боли в груди. Пациентке назначена катетеризация в однодневном стационаре.

Мне представляется интересным, что траектории пациента поддерживаются временными объектами (например, историей болезни пациента) и темпоральной работой, то есть работой, предпринятой врачом, чтобы понять прошлое пациента и выработать стратегию его будущего лечения. Тем не менее я утверждаю, что траектории пациента — это нечто большее, чем профессиональная работа, организованная через объекты, хотя это доминирующий способ, с помощью которого они обычно описываются в исследованиях организаций. Как я показываю в приведенном выше отрывке из дневника наблюдений, траектории постоянно подвергаются сомнению и реконструируются профессионалами и пациентами. Недалекое прошлое пациентов и их ожидания на будущее имеют решающее значение при формировании, восприятии и управлении траекториями в больничных отделениях, таких как дневной кардиологический стационар. Рассмотрение организационных процессов в качестве центрального фокуса изучения дает исследователю возможность сконцентрироваться на процессах изменений. Траектории пациентов представляют собой еще один вид процесса, который обсуждался в медицинских журналах в течение многих лет, но исследователи организаций не уделяли ему большого внимания. Здесь я представляю *время* через линейный нарратив пациента, представленный врачу, который переводит его в план дальнейшего лечения.

В предыдущих аналитических разделах я показала, что в кардиологическом однодневном стационаре сосуществуют различные временные перспективы. Объекты, представляющие время, поддерживают темпоральные рабочие практики, а траектории пересекаются как с объектами, так и с практиками. Иногда временные перспективы сталкиваются и создают напряженности, как в случае с отношениями между траекториями пациентов и планом процедур, когда специалистам приходится решать, какими траекториями пожертвовать, чтобы реорганизовать конструкцию нужного им объекта. Итак, куда же приводит эта множественность временных и темпоральных перспектив этнографа? Какие вопросы будут особенно важны для этнографа при проведении и написании этнографических исследований, касающихся темпоральности в организациях? Мой вклад заключается в разработке подхода, способного решать эти проблемы, в разработке методологии темпорального осознания через введение идеи множественности темпоральных модусов в качественных данных, предпочтении аналитических темпоральных практик путём использования различных концепций и установления мультитемпорального комбинированного подхода, подчеркивающего сосуществование различных темпоральностей в организациях. Я рассмотрю эту конструкцию (концепцию) в следующем разделе.

Осознание темпоральности, практики и совмещение в темпографии

Существующая литература по проблематике времени и этнографии дает мало рекомендаций относительно степени представленности времени

в качественных исследованиях. Соответственно, в этой статье я дискутирую относительно нескольких способов, которыми исследователи должны рассматривать роль времени в процессе исследования. Это особенно важно в свете последних достижений в области изучения организаций, где исследователи изучают не только темпоральные структуры (согласно Zerubavel, 1979), но также и переплетение практик и процессов.

Я нахожу проблему времени в этнографии приоритетной при изучении темпоральных практик и процессов (связывающих прошлое, настоящее, будущее), и один из способов разрешить существующую напряженность — рассмотреть, как различные временные перспективы связываются вместе в отчетах об исследовании. Еще одна возможность справиться с парадоксом времени заключается в том, чтобы снимать на видео работу медицинских работников и воспроизводить ее им при проведении интервью. Эйлин Уиллис подчеркивает, что это позволяет интервьюируемым взаимодействовать с «другим» (Willis, 2010: 556). Видеозапись медицинской работы может, конечно, быть этически проблематичной, так как профессионалы постоянно обсуждают деликатные вопросы, связанные с пациентами. Проблема «замораживания во времени» в исследовательских отчетах останется проблемой для этнографов, и поэтому они должны принять принцип «замороженности во времени» своих исследований как «глубокий срез» практик в определенный момент времени. Я решила описать свой кейс (раздел 4) в прошедшем времени и представить выдержки из моих полевых заметок в анализе в настоящем времени. Цель состояла в том, чтобы подчеркнуть временное напряжение между тем, что я испытала при полевом опыте моей исследовательской работы, и тем, как полевые заметки отражают «глубокий срез» конкретного момента времени.

Помимо признания того, что этнографическое описание является «глубоким срезом», для этнографов важно думать о том, насколько исследование выстроено как линейный проект — даже в случае, если оно предназначено для изучения временной и процессуальной стороны организационной жизни. Исследователь придерживается при написании текстов заранее запланированной и линейной траектории, которая чем-то заканчивается, в то время как деятельность членов организации продолжается и все время меняется. Я построила эмпирический раздел этой статьи (описание кейса) как линейный отчет о том, что произошло в однодневном стационаре. Хотя постулат о линейном времени проблематизируется даже такими исследователями, как Доусон (Dawson, 2014a, 2014b), но все же исследователь должен спросить себя: каким образом описание кейса может быть представлено в ином виде, чем линейное описание, если оно (описание кейса) создается для того, чтобы быть понятным для читателей и рецензентов? Возможно, этнография организаций могла бы извлечь пользу из более экспериментальных подходов, но исследователи не могут полностью избежать линейности, да и не должны, поскольку это тоже неотъемлемый темпоральный аспект проведения этнографических исследований. Цель состоит не в том, чтобы избавиться от какой-либо линейности, а в том, чтобы убедиться, что включены и другие темпоральные перспективы.

В этом отношении я нахожу подход Доусона (Dawson, 2014b) продуктивным, но мой вклад заключается в том, чтобы дальше продвинуть его тезис — еще глубже объяснить роль времени в работе организаций и то, к каким последствиям для этнографа ведет такое направленное фокусирование на времени. В качестве иллюстрации темпоральной рефлексии этнографа Доусон отмечает, что этнограф проводит в поле длительные (хронологически) периоды времени, и это позволяет ему ухватывать ключевые события. Моя позиция заключается в том, чтобы применить потребность в темпоральном осознании напрямую ко всему полю качественных методов в этнографии, то есть рассмотреть их как *методологию темпорального осознания*. Исследователи должны знать о временной укорененности качественных методов, то есть о том, что интервью, как правило, выстраиваются как линейные нарративы; что наблюдение за микростратегическими практиками завершается отчетами о профессионалах, включенных в работу в определенной временной протяженности, и что визуальные изображения временных объектов застыли во времени. Соответственно, методологический выбор, который делает этнограф, имеет фундаментальные последствия для того, какого рода анализ нужно и возможно предпринять в том или ином случае.

Темпоральные практики для Доусона связаны с навыками исследователя — в частности, с его способностью удерживать (и презентировать) различные концепции времени в этнографии. Однако я нахожу, что понимание недифференцированности темпоральных практик только как недифференцированных по принципу “объективное/субъективное время”, является недостаточным. Вместо этого я предлагаю этнографам осуществлять *общую аналитику темпоральных практик*. Это приведет к использованию различных концептов для аналитического объяснения времени и темпоральности в организации: как практик (темпоральная работа), как процессов (траектории пациента) и как структур (объекты времени). Один из способов реализации аналитического подхода к темпоральным практикам заключается в рассмотрении, как различные концепции времени приводят к противоречиям и трудностям в организационной среде, что я подчеркивала в своем анализе. Черпая вдохновение из процессуальной перспективы (как я это делала с концептом траектории), мне удалось проиллюстрировать, как в организации отдельные акторы объединяют прошлое и будущее, сливая их с настоящим, и тем самым остаются открытыми к разноплановым концепциям времени. Я считаю важным отметить, что аналитический выбор этнографа создает специфические сложности для репрезентации исследования и способности совместить различные временные перспективы.

Когда речь заходит о совмещении времен, как в последней части описания подхода Доусона, я задаюсь вопросом, почему оно должно ограничиваться совмещением объективного и субъективного в репрезентации процесса смыслообразования? Учитывая более широкое разнообразие временных перспектив, рассмотренных в последних исследованиях организаций, я предлагаю исследователям проводить *многовременное совмещение*, конкретно приводя различные временные репрезентации в этнографическом отчете

и эмпирически показывая, как они сосуществуют. В качестве примера я указываю на пересечение времен в темпоральной работе, которое происходит по отношению к объектам времени в кардиологическом дневном стационаре: когда профессионалы сверяются с планом процедур при принятии решений, охватывающих прошлый опыт, нынешние проблемы и будущие ожидания. Я утверждаю, что важно не только совмещение линейных и процессуальных перспектив, но и структурных и процессуальных. Я утверждаю, что точечная концентрация внимания только на совмещении объективных и субъективных временных перспектив приводит исследователя к описанной у Бирт ловушке — человеческой потребности превращать темпоральности в объекты, что ведет в свою очередь к риску нарушения логики (Birth, 2012). Я пыталась избежать этой ловушки, показывая связь между объектами времени, работой со временем и траекториями, но сохраняя их при этом как отдельные концепты с различными темпоральными репрезентациями. Я предлагаю исследователям заниматься многовременным слиянием и обязательно интегрировать различные временные перспективы, то есть время как социальную структуру и темпоральность, в исследования организаций и, в частности, в темпографию организаций.

Я вижу ограничение темпографического подхода, поскольку исследователи должны вовлекать время в исследовательский процесс тремя различными способами: как понимают, видят и репрезентируют время — все они связаны и иногда трудно отделимы друг от друга. Объекты используются профессионалами (например, план процедур, как это было представлено в дневнике наблюдения), а нарративы пациентов переводятся в изображения объектов (например, запись истории болезни пациента). Их разделение можно было бы рассматривать как вынужденное занятие для этнографа. Однако я заявляю, что это важно сделать, чтобы дать всеобъемлющую картину. Кроме того, методологический, теоретический и репрезентативный выборы исследователя редко (если вообще когда-либо) осуществляются в определенной последовательности, особенно в этнографии, где индуктивный подход является императивным. Однако созданный мною темпографический подход будет направлять исследовательскую рефлексивность в сторону размышлений о том, как использовать время в научных проектах.

Наконец, я утверждаю, что темпоральное осознание, практики и совмещение времен необходимо рассматривать не только в связи с темпографией, но и в области аналитического понимания организаций, то есть как совокупность переплетающихся темпоральных структур, практик и процессов. В своем исследовании я рассмотрела понятие *темпоральное осознание*, показывая, как время как социальная структура и время как темпоральность сосуществуют в кардиологическом однодневном стационаре. Презентацией времени, сосуществующего в различных его пониманиях, я привношу в качественное поле знание и осознание множественности временных аспектов в рамках одного и того же рабочего дня и вношу свой вклад в новое объяснение того, почему больницам (и организациям в целом) иногда бывает трудно изменить свои рабочие практики и устанавливать новые временные рамки для их исполнения.

Заключение

Этой статьей я вношу свой вклад в этнографическую литературу, разрабатывая и развивая подходы для исследователей, интересующихся временем и темпоральностью в организациях, то есть для темпографов. Я прихожу к выводу, что они должны заниматься проблемой времени на нескольких этапах исследовательского процесса. Во-первых, они должны делать это на уровне методологии темпорального осознания, то есть размышляя о том, как время проявляется в различных видах качественных данных. Эта осведомленность позволяет исследователю рассмотреть целесообразность конкретного метода для изучения вопросов, связанных со временем, например, при выборе нарративных интервью для детального описания временных переживаний. Исследователи также должны приобрести опыт осуществления аналитики относительно временных практик, то есть рассмотрения того, как можно понимать время через различные концептуализации, такие как работа во временной перспективе, объекты времени, траектории пациентов. Я предполагаю, что использование аналитики применительно к временным практикам означает эксплицитное использование имплицитных теорий времени, встроенных в исследования организаций, и разработку соотношения этих теорий с конкретным исследовательским проектом. Наконец, я утверждаю, что более широкий взгляд на совмещение времен (многовременное совмещение) означает не только репрезентацию субъективных и объективных перспектив, но и отображение времени как социальной структуры / временного процесса в рамках организационной жизни.

Литература

- Adam B.* Timescapes of Modernity: The Environment and Invisible Hazards. L.: Routledge, 1998.
- Adam B.* Timewatch: The Social Analysis of Time. Cambridge: Polity Press, 1995.
- Atkinson P., Hammersley M.* Ethnography and Participant Observation // Handbook of Qualitative Research / Ed. by N. K. Denzin, Y. S. Lincoln. Thousand Oaks: Sage, 1994. P. 248–261.
- Auyero J., Swistun D.* Tiresias in Flammable Shantytown: Toward a Tempography of Domination // Sociological Forum. 2009. Vol. 24. № 1. P. 1–21. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1573-7861.2008.01084.x>
- Barley S. R.* On Technology, Time, and Social Order: Technically Induced Change in the Temporal Organization of Radiological Work // Making Time: Ethnographies of High-Technology Organizations / Ed. by F. A. Dubinkas. Philadelphia: Temple University Press, 1988. P. 123–169.
- Bergman M. M.* Conference Essay: The Broad and the Narrow in Ethnography on Organisations // Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research. 2003. Vol. 4. № 1. Art. 23. DOI: <http://dx.doi.org/10.17169/fqs-4.1.766>
- Birth K. K.* Objects of Time: How Things Shape Temporality. NY: Palgrave Macmillan, 2012. DOI: <https://doi.org/10.1057/9781137017895>
- Bobys R. S.* Reviewed Work(s): Patterns of Time in Hospital Life: A Sociological Perspective by Eviatar Zerubavel // Social Forces. 1980. Vol. 59. № 2. P. 581–582. DOI: <https://doi.org/10.1093/sf/59.2.581>
- Clarke V., Braun V., Hayfield N.* Thematic Analysis // Qualitative Psychology: A Practical Guide to Research Methods / Ed. by J. A. Smith. 3rd ed. L.: Sage, 2015. P. 222–248.
- Czarniawska B.* Shadowing, and Other Techniques for Doing Fieldwork in Modern Societies. Copenhagen: Liber, Copenhagen Business School Press, Universitetsforlaget, 2007.

Dawson P. Reflections: On Time, Temporality and Change in Organizations // Journal of Change Management. 2014a. Vol. 14. № 3. P. 285–308. DOI: <https://doi.org/10.1080/14697017.2014.886870>

Dawson P. Temporal Practices: Time and Ethnographic Research in Changing Organizations // Journal of Organizational Ethnography. 2014b. Vol. 3. № 2. P. 130–151. DOI: <https://doi.org/10.1108/joe-05-2012-0025>

Fabian J. Time and the Other: How Anthropology Constructs Its Object. NY: Columbia University Press, 1983.

Glaser B. G., Strauss A. L. Time for Dying. Chicago: Aldine, 1968.

Hammersley M., Atkinson P. Ethnography: Principles in Practice. 3rd ed. L.: Taylor & Francis e-Library, 2007. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203944769>

Harvey D. C. Waiting in the Lower Ninth Ward in New Orleans: A Case Study of the Tempography of Hyper-Marginalization // Symbolic Interaction. 2015. Vol. 38. № 4. P. 539–556. DOI: <https://doi.org/10.1002/symb.185>

Hernes T. Process as the Becoming of Temporal Trajectory // The Sage Handbook of Process Organization Studies / Ed. by A. Langley, H. Tsoukas. Thousand Oaks: Sage, 2017. P. 601–607. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781473957954.n38>

Jarzabkowski P., Bednarek R., Lê J. K. Producing Persuasive Findings: Demystifying Ethnographic Textwork in Strategy and Organization Research // Strategic Organization. 2014. Vol. 12. № 4. P. 274–287. DOI: <https://doi.org/10.1177/1476127014554575>

Jensen T. E. Witnessing The Future // Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research. 2007. Vol. 8. № 1. Art. 1. DOI: <http://dx.doi.org/10.17169/fqs-8.1.200>

Kaplan S., Orlikowski W. J. Temporal Work in Strategy Making // Organization Science. 2013. Vol. 24. № 4. P. 965–995. DOI: <https://doi.org/10.1287/orsc.1120.0792>

Kozin A. On Making Legal Emergency: Law Office at its Most Expeditious // Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research. 2007. Vol. 8. № 1. Art. 12. DOI: <http://dx.doi.org/10.17169/fqs-8.1.202>

McGivern G. et al. The Silent Politics of Temporal Work: A Case Study of a Management Consultancy Project to Redesign Public Health Care // Organization Studies. 2018. Vol. 39. № 8. P. 1007–1030. DOI: <https://doi.org/10.1177/0170840617708004>

Moreira T. How to Investigate the Temporalities of Health // Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research. 2007. Vol. 8. № 1. Art. 13. DOI: <http://dx.doi.org/10.17169/fqs-8.1.203>

Nowotny H. Time: The Modern and Postmodern Experience. Cambridge: Polity Press, 1994.

Orlikowski W. J. Sociomaterial Practices: Exploring Technology at Work // Organization Studies. 2007. Vol. 28. № 9. P. 1435–1448. DOI: <https://doi.org/10.1177/0170840607081138>

Orlikowski W. J. Using Technology and Constituting Structures: A Practice Lens for Studying Technology in Organizations // Organization Science. 2000. Vol. 11. № 4. P. 404–428. DOI: <https://doi.org/10.1287/orsc.11.4.404.14600>

Orlikowski W. J., Scott S. V. 10 Sociomateriality: Challenging the Separation of Technology, Work and Organization // The Academy of Management Annals. 2008. Vol. 2. № 1. P. 433–474. DOI: <https://doi.org/10.5465/19416520802211644>

Orlikowski W. J., Yates J. It's About Time: Temporal Structuring in Organizations // Organization Science. 2002. Vol. 13. № 6. P. 684–700. DOI: <https://doi.org/10.1287/orsc.13.6.684.501>

Pedersen A. R. Moving away from Chronological Time: Introducing the Shadows of Time and Chronotopes as New Understandings of “Narrative Time” // Organization. 2009. Vol. 16. № 3. P. 389–406. DOI: <https://doi.org/10.1177/1350508409102302>

Pedersen A. R., Humle D. M. Doing Organizational Ethnography: A Focus on Polyphonic Ways of Organizing. NY: Routledge, 2016. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315677279>

Pedersen A. R., Johansen M. B. Strategic and Everyday Innovative Narratives: Translating Ideas into Everyday Life in Organizations // Innovation Journal. 2012. Vol. 17. № 1. P. 2–19.

Reinecke J., Ansari S. When Times Collide: Temporal Brokerage at the Intersection of Markets and Developments // *Academy of Management Journal*. 2015. Vol. 58. № 2. P. 618–648. DOI: <https://doi.org/10.5465/amj.2012.1004>

Rosa H. *Social Acceleration: A New Theory of Modernity*. NY: Columbia University Press, 2013. DOI: <https://doi.org/10.7312/rosa14834>

Schilling E. “Success is Satisfaction with What You Have”? Biographical Work-Life Balance of Older Female Employees in Public Administration // *Gender, Work and Organization*. 2015. Vol. 22. № 5. P. 474–494. DOI: <https://doi.org/10.1111/gwao.12097>

Schultz M., Hernes T. A Temporal Perspective on Organizational Identity // *Organization Science*. 2012. Vol. 24. № 1. P. 1–21. DOI: <https://doi.org/10.1287/orsc.1110.0731>

Strauss A. L. et al. *Social Organization of Medical Work*. 2nd ed. Piscataway: Transaction, 1997.

Timmermans S. Closed-Chest Cardiac Massage: The Emergence of a Discovery Trajectory // *Science, Technology & Human Values*. 1999. Vol. 24. № 2. P. 213–240. DOI: <https://doi.org/10.1177/016224399902400202>

Timmermans S. Mutual Tuning of Multiple Trajectories // *Symbolic Interaction*. 1998. Vol. 21. № 4. P. 425–440. DOI: <https://doi.org/10.1525/si.1998.21.4.425>

Wall R. “Natural”, “Normal”: Discourse and Practice at St. Bartholomew’s Hospital, London, and Addenbrooke’s Hospital, Cambridge, 1880–1920 // *Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research*. 2007. Vol. 8. № 1. Art. 17. DOI: <http://dx.doi.org/10.17169/fqs-8.1.208>

Waterworth S. Temporal Reference Frameworks and Nurses’ Work Organization // *Time & Society*. 2003. Vol. 12. № 1. P. 41–54. DOI: <https://doi.org/10.1177/0961463x03012001362>

Waterworth S. Time and Change in Health Care // *Leadership in Health Services*. 2017. Vol. 30. № 4. P. 354–363. DOI: <https://doi.org/10.1108/lhs-08-2016-0038>

Willis E. M. The Problem of Time in Ethnographic Health Care Research // *Qualitative Health Research*. 2010. Vol. 20. № 4. P. 556–564. DOI: <https://doi.org/10.1177/1049732310361243>

Yakura E. K. Charting Time: Timelines as Temporal Boundary Objects // *Academy of Management Journal*. 2002. Vol. 45. № 5. P. 956–970. DOI: <https://doi.org/10.5465/3069324>

Zerubavel E. *Hidden Rhythms: Schedules and Calendars in Social Life*. Chicago: University of Chicago Press, 1985.

Zerubavel E. *Patterns of Time in Hospital Life: A Sociological Perspective*. Chicago: University of Chicago Press, 1979.

Дата поступления: 01.10.2020

Understanding, Seeing and Representing Time in Tempography

DOI: 10.19181/inter.2020.12.4.1

Vibeke Kristine Scheller

Scheller Vibeke Kristine — *Postdoctoral Researcher, PhD in Organization and Management Studies, Department of Organization, Copenhagen Business School (Copenhagen, Denmark); MA in Working Life Studies and Psychology, Roskilde University, vks.ioa@cbs.dk.*

I discuss in this article how ethnographers understand, see and represent time by presenting a research study of a newly established cardiac day unit. Previous discussions of time in relation to ethnography mainly revolved around choosing an appropriate tense for writing up the text, and few studies attempted to develop a framework for conducting time-oriented ethnography in organizations, i.e., tempography. I argue that doing tempography requires

considerations in several phases of the research process: how we understand time through theory; how we see time in different qualitative methods; and how we represent time in writing. I present empirical findings that illustrate different ways that time emerges in the ethnographic research process, for example, in observational accounts, through depictions and narratives that support different temporal conceptualizations, patients' stories about their trajectories and as ethnographic accounts of professional work. I contend that ethnographers need to consider: 1. methodological temporal awareness as recognition of coexisting temporal modes in qualitative data; 2. temporal analytical practices as understanding time and temporality through different theoretical concepts; and 3. multi-temporal merging as a matter of representing diverse perspectives in ethnographic writing.

Keywords: time; temporality; ethnography; organization studies; time objects; temporal work; trajectories

Received: 01.10.2020

Хроники пандемии: размышления социологов

2020 год принес человечеству множество вызовов и испытаний, главным из которых стала пандемия, вызванная новой коронавирусной инфекцией COVID-19, унесшая к настоящему моменту уже почти полтора миллиона жизней во всем мире, нанеся огромный удар как по глобальной, так и по национальным экономикам, и кардинально изменившая повседневные социальные взаимодействия. Разумеется, все эти события и изменения нуждаются в социологическом осмыслении. Прямо сейчас в мире разворачивается множество социологических проектов, посвященных различным аспектам переживания пандемии, совладанию с трудностями, реконструкции привычных практик, поискам новых солидарностей. Трудно представить себе аспект социальной жизни, на который пандемия не повлияла бы самым ощутимым образом: политические конфликты, экономические проблемы, резкое ухудшение положения низкоресурсных групп, кризис доверия ко многим важнейшим институтам, начиная, собственно, с медицинских. Все эти процессы продолжают и даже усугубляются прямо сейчас, в режиме реального времени.

Вероятно, в ближайшие месяцы и даже годы мы можем ожидать шквал публикаций, посвященных социальному анализу различных аспектов жизни при пандемии, но уже сейчас, накануне завершения этого чрезвычайно тяжелого года, мы, социальные ученые, чувствуем потребность в профессиональном диалоге и обмене первыми попытками осмыслить происходящие процессы. Одним из инициаторов такого обмена стал электронный журнал *The European Sociologist*⁴, профессиональное издание Европейской социологической ассоциации, еще весной объявивший конкурс коротких социологических эссе, с помощью которых представители социологического сообщества из всех стран Европы могли бы обменяться своими самыми первыми впечатлениями, идеями, концепциями, попытками осмыслить происходящие драматические события. Надо сказать, что конкурс оказался невероятно востребованным: всего за три месяца были получены сотни эссе, написанных как молодыми учеными и аспирантами, так и уже сложившимися профессионалами с высокой профессиональной репутацией. Часть этих эссе уже опубликована в 45-м номере журнала за 2020 год, еще одна выйдет в свет в следующем 46-м номере.

Наш журнал «Интеракция. Интервью. Интерпретация» решил использовать сложившиеся партнерские отношения с этим изданием и также опубликовать с разрешения авторов несколько эссе, присланных на этот конкурс, включив

⁴ The European Sociologist. URL: <https://www.europeansociologist.org/> (дата обращения: 01.12.2020).

тем самым нашу читательскую аудиторию в обсуждение актуальных проблем, фреймирующих как европейские, так и внутрироссийские социальные процессы. Алессандро Героса из Миланского университета размышляет о непростой конфигурации интересов экономических и здравоохранительных институтов между собой и их соотношении с универсальными правами человека, Чао Фанг из Университета Бада в Великобритании посвятил свое эссе печальной теме смерти и скорби по жертвам пандемии, Мари-Кристин Дёблер из немецкого Университета Фридриха-Александра пишет о (не)возможности эмоций, интимности и поцелуев в условиях карантина. Мы будем рады, если российские социальные ученые также присоединятся к процессу осмысления происходящих с нами событий как в виде небольших интеллектуальных зарисовок, так и в формате обычных академических статей. Увы, эпидемия с нами надолго, и еще дольше мы будем ощущать и осмыслять ее социальные последствия.

И. Н. Тартаковская

The Weeks that Could Have Changed the Pandemic Course: on the Conflict Between Health, Economic and Personal Rights

DOI: [10.19181/inter.2020.12.4.2](https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.4.2)

Ссылка для цитирования:

Героса А. Недели, которые могли изменить ход пандемии: о конфликте между здоровьем, экономикой и правами человека // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 4. С. 36–40. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.4.2>

For citation:

Gerosa A. (2020) The Weeks that Could Have Changed the Pandemic Course: on the Conflict Between Health, Economic and Personal Rights. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 12. No. 4. P. 36–40. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.4.2>

Alessandro Gerosa*

Based on the observation of the behavior of local and national governments during the pandemics and the underlying conflicts between different actors and visions, in this contribution I briefly expose some reflections on the necessary triangulation between health, economic and personal rights and the reasons of governments reluctance to implement the measures recommended by sanitary institutions.

Keywords: coronavirus; late capitalism; governments; health rights; personal freedom

The primacy of the right to capitalist accumulation

I live in Lombardy. In April, the month in which Italy experienced the harshest death toll¹, Lombardy counted alone almost one-tenth of the global deaths due to coronavirus (and more than half of the total Italian deaths), with academic

* Gerosa Alessandro — PhD, Researcher in Sociology, University of the Sacred Heart of Milan, alessandro.gerosa@unimi.it.

¹ Official data released by Italian Government. URL: <https://github.com/pcm-dpc/COVID-19> (accessed 23 September 2020).

research suggesting that the real death number of deaths to Covid-19 is much higher (Alicandro et al., 2020; Modi et al., 2020). The tragic primacy of Lombardy is the consequence of two epidemic focuses: the first centered in the province of Lodi, the second in the Val Seriana valley (province of Bergamo). The Lodi outbreak was promptly isolated, after the first ten cases, with 50'000 inhabitants under quarantine from the 21 of February. For Val Seriana, the 2 of March the Italian National Institute for health asked to apply an identical quarantine. However, both the local and national government remained inactive until the 8 of March, one week later, when the government decided to put all Lombardy (and the entire Italy only a few days after) under lockdown. It was too late. Meanwhile, the virus was already ravaging the entire region. The 19 of March Italians watched on television a long procession of military trucks full of coffins leaving the city of Bergamo to bring the corpses in other regions, as even the funeral industry had collapsed².

If political authorities immediately decided to put Val Seriana under lockdown as they did with Codogno, that week could maybe have changed the pandemic course in Italy significantly, but they did not. Why? Val Seriana, unlike the Codogno area, is one of the most productive areas in Europe³. It has hundreds of factories and thousands of workers, many of whom come every day from all the province and beyond using public transports. These should be excellent motivations to make even more urgent the implementation of a lockdown. Instead, they became the main reason that hindered it. The Lombard president of the General Confederation of Italian Industry himself stated the 7 of April in an interview⁴ that they firmly opposed it, in accord with the regional government. To sum up, we could say that a conflict between the right to health and to economic accumulation emerged, with governments delaying their choice.

Another week that could have changed the pandemic course, this time not in Italy but at the European level, happened shortly after. In the first half of March, while Italy was already greatly suffering from COVID19 outbreak and implemented the lockdown following the Chinese model, the rest of Western countries had the time to organize and prepare themselves. Instead, they developed a range of various strategies that had one common principle: to not act like Italy, to avoid the lockdown and its tragic economic consequences. Watching the news coming from European and American authorities powerless from my quarantine, I felt we Italians were like contemporary Cassandra: we knew what was about to happen, we knew they could avoid it, but we were cursed to remain unheard. We Italians tragically underestimated the plague, I thought, but we also were the first Western country to be hit by it. Before us, COVID19 was perceived as something far away,

² Coronavirus: Army takes Bergamo coffins out of Lombardy. URL: https://www.ansa.it/english/news/2020/03/19/coronavirus-army-takes-bergamo-coffins-out-of-lombardy_6903e8f3-c6d8-4a1c-909b-f415acf1a2b9.html (accessed 23 September 2020).

³ La rivista il Mulino: Why here? URL: https://www.rivistailmulino.it/news/newsitem/index/Item/News:NEWS_ITEM:5109 (accessed 23 September 2020).

⁴ "In Lombardia non si potevano fare zone rosse, non si poteva fermare la produzione": parla a TPI il presidente di Confindustria Lombardia. URL: <https://www.tpi.it/economia/confindustria-lombardia-zone-rosse-in-regione-intervista-presidente-bonometti-20200407580914/> (accessed 23 September 2020).

something belonging to the distant East Asian countries with the connected baggage of colonial stereotypes about poor sanitary and hygienic standards. However, now the epidemics were in the heart of Europe, showing all the fragility of a Western health care system and society to it. How could they not see the urgency to take the most severe measures to prevent the same outcome? Only a week later, the severity of the COVID19 diffusion converted in many cases the range of multifaceted strategies into a common lockdown, with a limited range of variation. Like for Lombardy, institutions implemented the lockdown only because the truth of the matter forced them to, avoiding it until they could deny the reality.

The necessary triangulation between health, economic and personal rights

In both cases, a violent conflict happened between actors, to establish the priority of the governmental agenda toward the COVID19 crisis. A conflict played on the trade-off between economic interest and health rights. On one side employers, industrialists and part of the civil society pushed to reopen as soon as possible all the productive activities while on the other side trade unions, health officers and other parts of civil society pushed to maintain the productive lockdown for a longer period. This situation could be well analyzed as a re-edition of the Marxian capital-labor conflict under the pandemic phase, as well as a challenge for the hegemony in the orientation of the necro-political bio-power of the state (Braidotti, 2007) that divides those who should live from the “expendable” individuals.

Another discussion has been particularly active, mainly in the academic and political debates. This other debate centered about the risks posed by the extraordinary limitations to personal freedom and rights implemented in this period, in the name of the fight against Covid-19. To summarize, it discussed the possibility that the current state of emergency, framing the adoption of these severe limitations as necessary for the common good, will allow an authoritarian turn and an exacerbation of the contemporary “society of control” (Deleuze, 1992) by the state. In this case, another conflict became evident, one between personal rights and freedom and the legitimacy of the state to limit them in the name of health safeguard.

Both these conflictual rifts are still in evolution, and the debate arisen about them is rich in contributions and potentially relevant outcomes. However, quite surprisingly, they remain almost impenetrable one to the other. To the contrary, I claim that it is necessary to intertwine the two different debates, performing a triangulation between health, economic and personal rights. The analytical benefits of such an operation would be great both in the sociological and in the public domain. On one side, for those involved in the capital-labor conflict, it is necessary to acknowledge the risks involved in the advocacy of the primacy of the right to health above everyone else, even if instrumental to opposing the capitalist pretension of safeguarding profits first. On the other side, to denounce the strengthening of the society of control and the potential elevation of the “state of exception”

(Agamben, 2005) as the new norm, if not accompanied by the concern for the great offence played by economic actors against these same limitations, translates into an unwilling help to them.

To consider only one of the two fields in this pandemic conjunction exposes to fearful consequences: in the first case to sacrifice freedom in the name of health safeguard, in the second to renounce to health safeguard and to help the primacy of the right of capitalist accumulation in the name of the protection of personal freedom.

A gamble with citizens' lives on stake

Another question that the two analyzed cases pose is why governments in many cases decided to delay the adoption of measures until they could. Indeed, far from being neutral actors' prey of the dominant forces in the conflict, governments are clearly active players, with their own agency and agenda. It becomes possible to answer this question only if the global scenario is taken into consideration with its contemporary developments. Many national economies have just recovered or are still recovering from the 2008 crisis, and late capitalism (Jameson, 1991) seems still in struggle to find a new productive paradigm capable of reaffirming its hegemony. In this context, the management of the measures to be adopted by governments became a gamble with their citizens' lives at stake: the winners are the ones capable of overcoming the pandemic contemporaneously avoiding to enact the most harmful measures for the economy, with a "bearable" amount of deaths. Governments abandoned this strategy only when it became clear that, without a lockdown or anyway stricter measures, the death toll would become unbearable. The gamble has shifted to a second timing: the prediction of the earliest moment by which it would become possible to reopen productive activities. These choices seem to be taken based on the awareness that economies are today fragile as giants with feet of clay and that, as everything suggests that this pandemic will accelerate the ongoing contradictions of late capitalism, the only way to mitigate the degree of demotion to be suffered in the international arena is to guess the best possible timing, following the ancient principle of transforming uncertainty into risk (Knight, 2012).

References

- Agamben G. (2005) *State of Exception*. Chicago: University of Chicago Press.
- Alicandro G., Remuzzi G., Vecchia C.L. (2020) Italy's First Wave of the COVID-19 Pandemic Has Ended: No Excess Mortality in May, 2020. *The Lancet*. Vol. 396. No. 10253. P. e27–e28. DOI: [https://doi.org/10.1016/s0140-6736\(20\)31865-1](https://doi.org/10.1016/s0140-6736(20)31865-1)
- Braidotti R. (2007) Bio-power and Necro-politics. *Springerin, Hefte fur Gegenwartskunst*. Vol. 13. No. 2. P. 18–23.
- Deleuze G. (1992) Postscript on the Societies of Control. *October*. Vol. 59. P. 3–7.
- Jameson F. (1991) *Postmodernism, or, the Cultural Logic of Late Capitalism*. Durham: Duke University Press.

Knight F. H. (2012) *Risk, Uncertainty and Profit*. Mineola: Courier Corporation.

Modi C., Boehm V., Ferraro S., Stein G., Seljak U. (2020) *How Deadly is COVID-19? A Rigorous Analysis of Excess Mortality and Age-Dependent Fatality Rates in Italy*. MedRxiv. DOI: <https://doi.org/10.1101/2020.04.15.20067074>

Received: 01.10.2020

**Недели, которые могли изменить ход пандемии:
о конфликте между здоровьем, экономикой и правами
человека**

DOI: 10.19181/inter.2020.12.4.2

Алессандро Героса

Героса Алессандро — *PhD*, приглашенный исследователь, Миланский католический университет, alessandro.gerosa@unimi.it.

Основываясь на наблюдениях за действиями муниципальных и национальных органов власти во время пандемии, автор обнаруживает конфликты, возникающие между различными акторами и их взглядами. Автор предлагает некоторые размышления о необходимой триангуляции между здоровьем, экономикой и правами человека, а также о причинах нежелания правительств соблюдать меры, рекомендованные санитарными учреждениями.

Ключевые слова: коронавирус; поздний капитализм; правительства; право на здоровье; личная свобода

Дата поступления: 01.10.2020

A Kiss is Just a Kiss? (Im)Possibilities of Being Present

DOI: 10.19181/inter.2020.12.4.3

Ссылка для цитирования:

Дёблер М.-К. Поцелуй — это просто поцелуй? (Не)возможности присутствия // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 4. С. 41–45. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.4.3>

For citation:

Döbler M.-K. (2020) A Kiss is Just a Kiss? (Im)Possibilities of Being Present. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 12. No. 4. P. 41–45. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.4.3>

Marie-Kristin Döbler*

Exemplified by the practices of kissing this article discusses modifications of presence due to the emergence of Sars-Cov-2 and what we can learn from observing broken routines: it touches upon the meaning of a kiss and other bodily practices; sketches that and how interactions as well as their perception change; and reflects about the role of relationships and social contexts for conducting and experiencing “being together”.

Keywords: physical/social presence; interaction; interpersonal contact; personal relationships; couples; kiss; body techniques

A kiss is just a kiss? Yes, it is. It is something natural, something ordinary or rather a constituent part of most of our lives: people routinely kiss their loved ones, children, partners, parents, friends — certainly in different ways. Thus, we can also say: No, a kiss never was and never is “just” a kiss. Instead it is a sign of affection, a constituent part of interaction orders such as welcome and farewell rituals, a fix element of rites de passage (van Gennepe, 2005), for instance, marriages, a symbol for being close (Man, 2017), and a certain, socio-historically embedded body technique (Mauss, 2010).

Currently, the significance and meaning of a kiss — and of other forms of closeness and corporeal copresence — altered, sometimes even dramatically, exposing

* Döbler Marie-Kristin — Researcher/Lecturer in the Institute of Sociology, Department of Social Sciences, Friedrich-Alexander University Erlangen-Nürnberg, Germany, marie-kristin.doebler@fau.de.

the relevance of contexts and situations (Goffman, 1963, 1971; Garfinkel, 1967): kissing is no longer a cause of individual but potentially also of public arousal; “to kiss, or not to kiss” became a medically relevant issue, a moral, perhaps even a juridical question, and a politically regulated act. For several people kisses are no longer ordinary elements of daily lives. Instead, some people scrutinise public kisses, some refrain from “unnecessary” kissing, i.e., they do not greet each other with a kiss, while others cannot kiss their loved ones as they please because they are spatially distant. The latter may additionally regret that they have never kissed in front of a civil servant at the end of a wedding ceremony because without relationships’ institutionalisation they are denied “valid reasons” to travel and the legitimacy to cross national borders. That is why one could observe couples and families holding hands, hugging and kissing across recently established fences, for instance, in the border region between Germany and Switzerland, until even these forms of “separated physical copresence” were stopped by states through extending the barriers (fig.1).

Fig. 1. Kiss across the fence

Public reactions to these political measures oscillate between horror, disbelief and appreciation, for instance, because governmental interventions employed by neighbouring states for regulating producible forms of physical copresence, associated spatial changes and police interferences with public-private-kissing remind of historical instances such as building the Berlin wall. Likewise, it contradicts

the intuition in the fight against an enemy which cannot be stopped at checkpoints: the Sars-CoV-2 virus. Nonetheless, populations' and health systems' protection as well as preventing the virus' spread seem to justify — at least for some — new or renewed forms of protectionism, among others, through sense-making about national territories, and even more the modification of public territories and “territories of the self” (Goffman, 1971); i.e., boundaries are (re-)done with effects upon (im)possibilities of being and becoming present.

In public, people are requested or compelled to keep a distance of at least two arm lengths and most people seem to stick to the newly established rules voluntarily or to apprehend the restructuring of life: perceivable, sometimes even tangible modifications are probably welcome in order to be safe and protect others; sometimes even drastic measures are accepted because individuals, collectives and states fear the virus, even more though the disease and the development of (medical) emergencies so far witnessable — often from a secure distance reaching one via media reports about unfamiliar contemporaries and distant parts of one's lifeworld (Schutz, Luckmann, 1973) — initially in China, later Italy or Spain.

Media's use, however, is not limited to connecting on an abstract level of information with distant parts of one's lifeworld (Schutz, Luckmann, 1973). Instead, mediated copresence is also the base for being together in times when “social distancing” is the order of the day. Most obvious, that is a category mistake: the virus can spread even among, e.g., strangers or enemies, i.e., among socially distanced people, as long as they are physically close, whereas spatial distance protects against contagious diseases; in medially based copresence one cannot get infected even in case of utmost social proximity. That is neither only recognized by partners in (long-)distance-relationships, including those with domicile in different countries, nor is it their only insight. Instead, in a much more general sense they know at least tacitly about the inequality of physical and social presence, the existence of different forms of copresence and their respective strengths or weaknesses. This means, they are accustomed with various (im)possibilities of being and becoming present (Döbler, 2020) such as being practiced in employing media for realising interactions, i.e., in creating copresence in form of (quasi) social situations through synchronisation via phone or video-call (Goffman, 1989; Döbler, 2019); they are familiar with the preconditions of focused encounters (Goffman, 1963, 1971) which are not limited to being physically present; and they are used to the temporal impossibility to kiss, hug, touch, as these bodily practices are limited to physical copresence (Döbler, 2020).

While (long-)distance-couples can take advantage of their previously acquired knowledge and skills, Corona and related measures question certainties and challenge routines: travel restrictions prevent them from realising accustomed mobility patterns, impacting, for instance, how long partners are unable to kiss. Likewise, probably all people face modified copresence-non-presence-ratios within all kinds of personal relationships, too. Thus, many people currently experience the possible harmfulness of too much copresence and of too much non-presence; they discover differences between physical and cognitive copresence; and face the necessity to redo boundaries of the self's territories (Goffman, 1971) and to (re-)

frame interactions (Goffman, 2010). Failing to establish new social orders for their everyday lives (Garfinkel, 1967) and for their personal, romantic relationships when being confronted with unexpected degrees of physical, i.e., it is a hyphen, not a dash: non-presence or copresence produced by the pandemic for an indefinite period of time most likely causes feelings of stress and distress; and either may prevent the realisation of kisses: non-presence makes it impossible, whereas too much copresence may impede the desire to kiss or the pleasure of kissing.

What is implied in the specific context of kissing and romantic (long-distance-) relationships depict far more general implications: reframing is a fix component of interactions in social situations, but in context of the Covid-19-pandemic it requires greater attention than usual; people interact with less confidence, as they have to cope with unpredictability, the failure or malfunction of recipe knowledge (Garfinkel, 1967; Schutz, 1946); interactions are or need to be conducted more consciously just as copresences are or need to be planned more carefully — something the (long-)distance-couples always have to do, depending on the spatial distance in varying extends, and, of course, for different reasons than it is done today. These couples' planning usually centre on mobility and the reestablishment of copresence with their partners, the oscillation between impossibilities and possibilities of kissing. Today, though, for many people it is the modified perception of the body and the medical emergency which shapes experiencing and observing kisses, while it is the false equation of social, cognitive, emotional and physical presence which impacts the (im)possibilities of interacting in general (Döbler, 2019, 2020).

As the virus infects bodies and materialises in bodily symptoms of a disease like fever or cough just as much as it infects social relationships and social life the current pandemic situation seems like a great “breaching experiment” for a sociologist. Among others, it illuminates the (re)creation of social order within pandemically created (im)possibilities of being and becoming copresent physically and socially through the appropriation of technologies, including medical artefacts, (specialist or specialised) knowledge and media infrastructures; it depicts the modification of socio-material assemblages (Latour, 2000; Mol, 2002); it makes functions, rules and changes to practices of everyday life and body techniques observable (Mauss, 2010); and it emphasises that a kiss is never just a kiss.

References

- Döbler M-K. (2019) Co-presence and Family: A Discussion of a Sociological Category and Conceptual Considerations / In: M. Halatcheva-Trapp, G. Montanari, T. Schlinzig (eds.) *Family and Space*. NY: Routledge. P. 11–22. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781351017954-2>
- Döbler M-K. (2020) *Nicht-Präsenz in Paarbeziehungen: Lieben und Leben auf Distanz*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-658-29448-9>
- Garfinkel H. (1967) *Studies in Ethnomethodology*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall.
- Goffman E. (1963) *Behaviour in Public Places*. NY: Free Press.
- Goffman E. (1971) *Relations in Public: Microstudies of the Public Order*. NY: Basic book publisher.
- Goffman E. (1989) *Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior*. NY: Pantheon Books.
- Goffman E. (2010) *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience*. 1st ed. Boston: North-eastern University Press.

Latour B. (2000) The Berlin Key or How to Do Words with Things / In: P. Graves-Brown (ed.) *Matter, Materiality and Modern Culture*. NY: Routledge. P. 10–21.

Man E. K.W. (2017) Kissing in Chinese Culture / In: E.K.W. Man (ed.) *Bodies in China*. Hong Cong: The Chinese University of Hong Kong Press. P. 73–84. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctvbtzns0.10>

Mauss M. (2010) *Gabentausch – Todesvorstellung – Körpertechniken*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften.

Mol A. (2002) *The Body Multiple. Ontology in Medical Practice*. L., Durham: Duke University Press. DOI: <https://doi.org/10.1215/9780822384151>

Schutz A. (1946) The Well-Informed Citizen. *Social Research*. Vol. 13. P. 463–478.

Schutz A., Luckmann T. (1973) *The Structures of the Life-World*. Evanston: Northwestern University Press.

van Gennep A. (2005) *Übergangsriten: (Les rites de passage)*. 3rd ed. Frankfurt/Main, NY: Campus Verlag.

Received: 10.10.2020

Поцелуй — это просто поцелуй? (Не)возможности присутствия

DOI: 10.19181/inter.2020.12.4.3

Мари-Кристин Дёблер

Дёблер Мари-Кристин — преподаватель Института социологии факультета социальных наук, Университет Фридриха-Александра в Эрлангене-Нюрнберге, Германия, marie-kristin.doebler@fau.de.

На примере практики поцелуев в этом эссе обсуждаются модификации (со)присутствия в связи с появлением Sars-Cov-2 и то, что мы можем узнать, наблюдая произошедшие «поломки повседневности». Эссе затрагивает значение поцелуя и других телесных практик и показывает, как меняются взаимодействия, а также их восприятие под влиянием пандемии. Автор размышляет о роли отношений и социальных контекстов для «совместности» и его переживания.

Ключевые слова: физическое/социальное присутствие; взаимодействие; межличностный контакт; личные отношения; пары; поцелуй; телесные техники

Дата поступления: 10.10.2020

Understanding Death and Grief in the Context of Pandemics — Challenges and Support in Response to COVID-19

DOI: 10.19181/inter.2020.12.4.4

Ссылка для цитирования:

Фанг Ч. Понимание смерти и горя в контексте пандемий — вызовы и поддержка в ответ на COVID-19 // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 4. С. 46–52. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.4.4>

For citation:

Fang C. (2020) Understanding Death and Grief in the Context of Pandemics — Challenges and Support in Response to COVID-19. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 12. No. 4. P. 46–52. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.4.4>

Chao Fang*

This article presents a preliminary inquiry into the impacts of COVID-19 on death, dying and bereavement. Adopting a sociological lens, this inquiry explores how social norms and values have shaped and been shaped by experiences of loss and grief amid COVID-19 outbreak. By examining relevant media and academic discourses, the author critically analyses the challenges confronted by those experiencing dying and grieving during this pandemic, and further envisages needs for better bereavement support moving forward. It finds that both individuals and collectives express diverse needs in response to COVID-19 related loss and grief. This highlights grief as a process of meaning-making, emphasising the importance of timely, holistic and continuous support. Further, the significance of socio-cultural environments also become evident. Ultimately, this article explores avenues for further developing bereavement support.

Keywords: COVID-19; pandemic; bad death; grief; bereavement support

* Fang Chao — PhD, Researcher in the Centre for Death and Society, University of Bath, UK, cf493@bath.ac.uk.

Introduction

The COVID-19 pandemic has claimed a significant number of lives worldwide. Many countries and regions have introduced strict social restrictions and/or lockdown measures to combat the virus outbreak. In the face of unprecedented challenges and uncertainties around loss, anxiety and social isolation, it is of particular importance to understand death and grief, and subsequently to guide timely support and appropriate responses to those who may be affected. As widely reported by media outlets, many people have lost their lives often in suffering, isolation and unexpectedly, as a result of the COVID-19 outbreak. Despite the nature of these individual deaths being “bad”, the idealisation of death can also be seen at a collective level. As such, how to respond to these deaths in the context of COVID-19 is not only an individual task but also a societal matter, requiring rigorous approaches for both individuals and society when seeking support to face and deal with loss and grief.

Bad and good deaths during COVID-19

Death and dying during the COVID-19 pandemic can be deeply distressing and often undignified, causing not only severe physical damage and mental distress to individuals but also disorder and dysfunction to society. The unprecedented levels of control and restriction imposed onto individuals by the authorities could further undermine people’s autonomy and the resources available to them. Such experiences are likely to violate predominant public and healthcare discourses about “good death” for individuals, which favours a pain-free and smooth dying process emphasising holistic wellbeing, family presence, autonomy and dignity (Meier et al., 2017).

Three types of bad deaths have been seen in this pandemic: painful, lonely and unexpected deaths. A painful death refers to a distressing process in which patients with the virus die with extensive physical deteriorations, discomforts and shortness of breath. Painful of this nature can be further escalated by forced separation between patients and their loved ones as a result of the strict prevention and control measures. The Telegraph in the United Kingdom, in which a victim “cried out for his family before dying alone, has recorded a tragic story¹. Death in this manner is essentially a lonely death, which may be broadly representative of the dying experience that many patients with COVID-19 and/or other terminal conditions may suffer. Lonely death is not only dying whilst physically alone but may also be the result from social isolation and inequalities (Seale, 2004). People from low-income backgrounds and ethnic minority groups have also been reportedly the worst hit communities by COVID-19 related deaths, questioning social responses and broader structures in the context of the pandemic (Bear et al.,

¹ Ward V. (2020) Coronavirus Survivor Describes Tragedy of Patient Who Cried out for His Family before Dying Alone. *The Telegraph*. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2020/04/07/coronavirus-survivor-describes-tragedy-patient-cried-family/> (accessed 1 August 2020).

2020). Furthermore, deaths linked to COVID-19 can be sudden and unexpected, thus challenging and shocking to those left behind. The unexpectedness is even more evident in the face of premature deaths, with the youngest victim to date aged only six weeks old². Child deaths are often considered untimely, unnatural therefore particularly bad, likely leaving the bereaved family and broader society struggling to justify the loss.

Despite “bad” deaths prevailing in these pandemic, “good” deaths have also been socially constructed. Heroic deaths have been constructed and promoted by media and public discourses during this pandemic, to honour healthcare and other essential workers (Atlani-Duault et al., 2020). The sacrifices of many other key contributors, who have lost their lives to save and help others, have also been honoured in their respective countries. The recognition of their professional identity and selfless spirit can offer meaningful reminders of hope and wholeness to society as an entity (Goren, 2007). As such, heroisation of deaths is a collective strategy to provide meaningful scripts to support individual losses and to reinforce social solidarity (Bennett, 2004).

Challenges and needs in facing grief and bereavement

Following the mass deaths seen during COVID-19, both individuals and society will inevitably confront a changed world without a loved one and a valuable member. During the difficult time of facing the loss of a loved one, whilst experiencing significant social constraints, bereaved people may find their needs for processing the emotional tensions associated with grief largely unattended. Thus, they may encounter difficulties when trying to make sense of their loss. The lockdown and social distancing rules imposed during COVID-19 have strongly suppressed individual autonomy. For bereaved people, even grieving for their loved one with others and through ceremonies may be difficult or impossible. Therefore, they may experience “unresolved grief”. From a sociological perspective, the meaning-making process for loss is disabled or disrupted by external restrictions during COVID-19. This sense of helplessness and meaninglessness in the face of loss is also associated with disenfranchised grief, for those whose loss and grief are not publicly acknowledged and thus little supported (Doka, 1989). Not only family members but also other social members, such as healthcare workers, are at risk of being denied the opportunity to grieve. Such disenfranchised grief, in the context of COVID-19, may be experienced distinctively by different people as a result of social neglects and suppressed individual autonomy under control measures.

Furthermore, the expression of grief is also needed by society to deal with mass deaths and crises in the face of this pandemic. Collective responses, such

² Sibthorpe C. (2020) Coronavirus: Newborn Baby Becomes “World’s Youngest COVID-19 Victim”. *Sky News*. URL: <https://news.sky.com/story/coronavirus-newborn-baby-becomes-worlds-youngest-covid-19-victim-11967230> (accessed 1 August 2020).

as national mourning in China, have been seen as a strategy to ease tensions of social traumas (Alexander, 2004). These collective responses are essentially a grieving process, assembling social members to face destruction and impairment and to reaffirm their conformity to society as an orderly and functional state. Collective grieving may sometimes become difficult and even impossible due to societies lacking the appropriate resources and structures to support these actions. As such, it is essential to ensure available channels for both society as a whole and its members to restore meanings and an equilibrium in a collective and symbolic sense.

Bereavement support in response to COVID-19

When cities are locked down and travel restrictions are enforced, it is greatly important to support bereaved people who may have to face their loss alone. At this difficult time, compounded with isolation and suppressed individual autonomy, it has become essential to continuously provide support and empower bereaved people to use available resources. Charities, governmental bodies, care providers and local communities have assembled a range of support resources, such as guidelines and hotlines, to provide bereaved people with useful language for dealing with their grief and bereavement. In addition to ensuring resources are available for bereaved people with different needs and from various backgrounds, it is particularly vital at this time to develop a more sympathetic and reciprocal environment. This would enable and motivate bereaved people to facilitate grieving and better make sense of loss. Good bereavement support also requires a wider scope of follow-up assistance post the outbreak. Given the largely “bad” nature of deaths during COVID-19, these bereaved people may have trouble in adjusting to loss in their ongoing lives (Valentine, 2009). It is important to ensure professional care, such as psychotherapy and medical treatments, are available where needed. Meanwhile, not all bereaved people will experience so-called complicated, abnormal or prolonged grief. Instead, bereaved people tend to show resilient responses, to keep functioning and carrying on with their lives in the face of loss, even if this loss is highly difficult to make sense of (Fang, 2020). Therefore, taking a more dynamic and interactive approach to bereavement support is important post the COVID-19 outbreak. This approach could enable bereaved people to not only rely on psychological and clinical frameworks but also draw upon other socially accessible tools, such as language, arts and other creative means, to reconstruct meaning in their ongoing lives (Walter, 1996).

Support is also needed to face and remember mass deaths and shared traumas in ongoing society. Collective grieving activities can often enable publicly acceptable emotions to recognise and integrate loss and crisis into the values and identities of society. Such activities are not necessarily temporary but can be repeated in relation to special tempo-spatial elements, such as annual

remembrances for the 9–11 terrorist attacks in New York. Similarly, significant locations and dates may be hallowed after the COVID-19 pandemic to collectively and continuously reconstruct the past and to reinforce a communal sense of belonging for the future of society. Therefore, how to manage and transform these symbols can play significant roles in reshaping the emotions of individual bereaved people and the public. Thus, allowing them to further negotiate and contest meanings for themselves as well as society as a whole. Such visible symbols may appear following the outbreak, presenting both opportunities and challenges for governments and communities to transform the collective pain and public emotions into a meaningful shared memory of social solidarity and collective confidence.

Conclusion

Based on the above discussion, two primary findings become evident. These are, that both individuals and collectives have diverse needs in response to deaths and losses as part of the meaning-making process and that socio-cultural environments play a significant role in this process. How to respond better to these fundamental needs is closely associated with the social environments in which they are situated. As such, better support for grief and bereavement requires a grief literate environment, to allow for mutual understanding and interdependent support both in individual bereaved people's day-to-day settings as well as in broader society (Breen et al., 2020). Based on a wider framework of compassionate communities, the emphasis on "grief literate" environments lies in the empowerment of communities in response to increasing professionalisation and inequalities in bereavement support (Kellehear, 2005).

To create a grief literate environment at different levels would require a rigorous approach during and post the COVID-19 outbreak. Local communities should continuously play a significant role in developing relevant resources and structures to better seek and negotiate appropriate means for dealing with loss. Further, a more inclusive and individualised approach is needed to develop community-based support, responding more directly to the diverse values of grief and bereavement for individuals from different social, religious, ethical, age and gender groups. Self-help groups in a non-psychotherapeutic setting could provide an invaluable model for mutual understanding and support among bereaved people with similar backgrounds and experiences. This model could also enable more context-specific grief literacy in wider compassionate communities and society. Meanwhile, support and guidance from both the public and professional resources, such as the government, social and health care professionals, are also indispensable. These more formalised support frameworks could complement and reinforce community-based support. This cooperation would allow for a "new" structure of bereavement support to form and grow in the changed world following COVID-19.

References

Alexander J. C. et al. (2004) *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley: University of California Press. DOI: <https://doi.org/10.1525/california/9780520235946.001.0001>

Atlani-Duault L. et al. (2020) Tracking Online Heroisation and Blame in Epidemics. *The Lancet Public Health*. Vol. 5. No. 3. P. e137–e138. DOI: [https://doi.org/10.1016/s2468-2667\(20\)30033-5](https://doi.org/10.1016/s2468-2667(20)30033-5)

Bennett S. (2004) Psychoanalytic Reflections on Heroism in a Time of Fallen Heroes. *Journal of Nervous and Mental Disease*. Vol. 192. No. 3. P. 171–177. DOI: <https://doi.org/10.1097/01.nmd.0000116530.23640.a3>

Breen L. et al. (2020) Grief Literacy: A Call to Action for Compassionate Communities. *Death Studies*. DOI: <https://doi.org/10.1080/07481187.2020.1739780>

Bear L. et al. (2020) "A Good Death" during the Covid-19 Pandemic in the UK: a Report on Key Findings and Recommendations. L.: London School of Economics and Political Science. URL: <http://eprints.lse.ac.uk/id/eprint/10414> (accessed 1 August 2020).

Doka K. J. (1989) *Disenfranchised Grief: Recognizing Hidden Sorrow*. Lexington: Lexington Books.

Fang C. (2020) Dynamics of Chinese Shidu Parents' Vulnerability in Old Age — A Qualitative Study. *Journal of Population Ageing*. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12062-020-09293-4>

Goren E. (2007) Society's Use of the Hero Following a National Trauma. *American Journal of Psychoanalysis*. Vol. 67. P. 37–52. DOI: <https://doi.org/10.1057/palgrave.ajp.3350013>

Kellehear A. (2005) *Compassionate Cities: Public Health and End of Life Care*. L.: Routledge.

Meier E. A. et al. (2017) Defining a Good Death (Successful Dying): Literature Review and a Call for Research and Public Dialogue. *American Journal of Geriatric Psychiatry*. Vol. 24. No. 4. P. 261–271. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jagp.2016.01.135>

Seale C. (2004) Media Constructions of Dying Alone: a Form of "Bad Death". *Social Science & Medicine*. Vol. 58. No. 5. P. 967–974. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2003.10.038>

Valentine C. (2009) Negotiating a Loved One's Dying in Contemporary Japanese Society. *Mortality*. Vol. 14. No. 1. P. 34–52. DOI: <https://doi.org/10.1080/13576270802591269>

Walter T. (1996) A New Model of Grief: Bereavement and Biography. *Mortality*. Vol. 1. No. 1. P. 7–25. DOI: <https://doi.org/10.1080/713685822>

Received: 06.10.2020

Понимание смерти и горя в контексте пандемий — вызовы и поддержка в ответ на COVID-19

DOI: 10.19181/inter.2020.12.4.4

Чао Фанг

Фанг Чао — PhD, научный сотрудник Центра «Смерть и общество», Университет Бата, Великобритания, cf493@bath.ac.uk.

В статье представлено предварительное исследование воздействия COVID-19 на восприятие смерти и переживаний по ее поводу. В рамках этого исследования рассматривается, как социальные нормы и ценности формировались и подвергались изменениям в результате переживаний утраты и горя во время вспышки COVID-19. Изучая соответствующие материалы в средствах массовой информации и в академическом дискурсе, автор критически анализирует проблемы, с которыми сталкиваются те, кто умирает и скорбит во время этой пандемии. В ходе исследования было обнаружено, что как у отдельных людей, так и у коллективов проявляются различные потребности в ответ

на потери и горе, связанные с COVID-19. В эссе показано, что горе представляет собой процесс осмысления, в котором подчеркивается важность своевременной, целостной и постоянной поддержки, а также социокультурной среды. Также в статье исследуются пути дальнейшего развития поддержки в случае утрат.

Ключевые слова: COVID-19; пандемия; тяжелая смерть; горе; поддержка в тяжелой утрате

Дата поступления: 06.10.2020

Электронное или бумажное? Специфика реализации практик чтения студентами и научными работниками¹

DOI: 10.19181/inter.2020.12.4.5

Ссылка для цитирования:

Чудова И. А. Электронное или бумажное? Специфика реализации практик чтения студентами и научными работниками // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 4. С. 53–72. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.4.5>

For citation:

Chudova I. A. (2020) Electronic or Printed? Peculiarities of Reading Practices of Students and Researchers. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 12. No. 4. P. 53–72. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.4.5>

Ирина Чудова*

В статье рассмотрены два способа реализации практики чтения учебной и профессиональной литературы — с электронных и бумажных носителей. В тексте приведены основания предпочтений чтения с экрана и бумажных текстов, раскрыты особенности реализации практик чтения и их восприятия в контексте обучения и научной работы с уточнением различий для разных ступеней в академической и научной среде, отдельно для студентов и для преподавателей и научных сотрудников. Описаны фактические возможности и инструментальные ориентиры, характерные для преобладающего в настоящее время экранного чтения, и значение, которое имеет чтение бумажных текстов для студентов (эстетические и кинестетические побуждения) и научных сотрудников (сакрализация книги, создание домашней библиотеки).

Ключевые слова: практики учебного и профессионального чтения; электронный и бумажный носитель; работа с текстом; гибридизация практик; сакрализация книги; быстрое и медленное чтение

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 19–011–00420 «Дифференциация практик учебного и профессионального чтения в научно-образовательной среде».

* Чудова Ирина — кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии, Новосибирский государственный университет, dauza@mail.ru.

Современные практики чтения отличает альтернативность способов реализации. Традиционному «пуристическому» пониманию чтения как чтения с бумаги (printed) возникает множество технологически более современных альтернатив (Tarulli, 2014: 299), электронные носители становятся все более распространенными, а случаи предпочтения бумажных текстов, приобретающие сегодня привкус «ретро», получают свои специфические обоснования. В фокусе нашего исследования — учебное студенческое и профессиональное научное чтение, которое реализуется во множестве вариаций: с экрана компьютера, ноутбука, телефона, планшета, а также как и прежде — в обращении к бумажным книгам и журналам. Перед сегодняшним читателем встает множество текстовых носителей, и для него нередко возникает выбор способа чтения, основу которого составляет дилемма электронное/бумажное.

В изучении чтения отмечают происходящие трансформации его характера, содержания и функции. Трансформацию связывают прежде всего с компьютеризацией, распространением интернета и цифровых носителей, указывая на изменения в области производства текстов для чтения, средств хранения и передачи информации (Гудова, 2011: 103). Аналитики говорят о взрывных переменах, которые принесло экранное чтение, задающее «новое, оригинальное и ранее неизвестное отношение к тексту» (Кавалло, Шартье, 2008: 41). В масштабе истории цифровая эра привносит изменения в то, как организованы тексты, как они распространяются и читаются (Сметанникова, Белоколенко, 2012: 5). При явной новизне экранное чтение исторически преемственно, так как включает технику обращения с текстом-свитком, цифровым аналогом которому становится развертывающаяся лента электронного текста, и ориентацию по структурным меткам, что достается в наследие от так называемой книги-кодекса. В экранном чтении совмещаются элементы чтения свитка и кодекса в исторически третьем варианте (Мангель, 2020; Шартье, 2009).

Выбранный в данном исследовании ракурс изучения чтения в качестве повседневных практик позволяет описать, как реализуется чтение сейчас, в существующих повседневных привычках и индивидуальных выборах, при организации чтения. Изучение чтения в терминах практик в российском контексте позволяет внести свой вклад в понимание потенциала методологии практик, с учетом того, что западные исследователи чтения проработали присущие данному ракурсу вопросы — среди них правила и приемы чтения, способы чтения и интерпретации прочитанного (Кавалло, Шартье, 2008). Ракурс практик открывает разнообразие возможных и типичных целей обращения к текстам и с текстами (Tarulli, 2014: 297). Обозначенное как практики, чтение возможно рассматривать с точки зрения его переплетения с другими практиками, такими как написание собственных текстов, составление конспектов и т.д. Понятие практик позволяет учитывать и социокультурный масштаб видения чтения, когда практики чтения встроены в более широкие контексты постиндустриального общества, контексты постграмотности и цифровых технологий (Маклюэн, 2005).

В данной статье освещен фрагмент исследования дифференциации практик учебного и профессионального чтения, реализованного сотрудниками и студентами отделения социологии экономического факультета Новосибирского государственного университета (НГУ) в 2018–2020 гг. Сбор информации был осуществлен методом полуструктурированного интервью, всего проведено 50 интервью со студентами бакалавриата и магистратуры НГУ различных направлений обучения и 30 интервью с преподавателями НГУ и научными сотрудниками НИИ СО РАН в возрасте до 40 лет², дополнительно проведены три фокус-группы со студентами бакалавриата и магистратуры НГУ. В рамках исследования была поставлена задача выявить специфику выбора и реализации практик чтения с электронных и бумажных носителей на разных этапах становления профессионала, от студенчества к работе в академической среде. Отметим, что практики чтения понимаются в исследовании комплексно — как обращение с текстом, использование его в учебном и рабочем процессе.

У наших респондентов, сегодняшних студентов и научных сотрудников, выбор способа чтения в ряде случаев был предопределен ситуацией, но существенно то, что в горизонте их опыта присутствуют экранное и бумажное чтение, стало быть, разные способы чтения так или иначе становятся предметом выбора³. Попробуем далее раскрыть, каковы понимание и реализация экранного чтения, а также предшествующего и сопутствующего ему бумажного чтения на примере практик чтения в академической среде: среди студентов и научных работников в ситуациях обучения, проведения научных исследований и преподавания.

Чтение с экрана: скорость, доступность, «простота»

Безусловным преимуществом электронных текстов перед бумажными читатели считают скорость доступа к ним. В частности, это хорошо заметно в отношении научной периодики, которая представлена в большом количестве агрегированных баз данных, а университет или НИИ обеспечивает учащихся или сотрудников специальным доступом, если это требуется.

Интервьюер: Журналы, книги какие-то?

Респондент: Быстрее их найти в базах данных, они же все у нас доступны через НГУ или через институт. Просто берешь и читаешь сразу, записываешь, все под рукой (экономист, кандидат наук).

² Гайды интервью студентов и научных работников различались по содержанию с учетом рода деятельности (обучение или работа), но в каждом из них вопросы касались типичных ситуаций чтения, существующих вариаций поводов, мест, способов чтения и форматов текстов.

³ В данном тексте под способами чтения будет пониматься различие чтения с экрана электронного устройства (компьютера, ноутбука, смартфона, ридера и т.д.) и чтения бумажных текстов, книг-кодексов в терминах Р. Шартье (Шартье, 2006). Более подробное различие, в частности между электронными носителями, на данном этапе исследования не производилось.

Можно сказать, что электронные тексты становятся воплощенной формой современной науки, когда с получением печатных текстов через библиотеку ассоциируются прежде всего архивные и в силу этого редкие источники, а все актуальное размещено в интернете.

*«Сохраняется [обращение к бумажным книгам, заказанным в библиотеке] но, уже в меньшей степени и, по сути, это вот именно для написания такого классического исторического труда, вот, а **современные исследования, которые я делаю, они уже, получается, больше с использованием новых технологий, баз данных и либо баз публикаций...**»* (историк, кандидат наук).

Скорость как таковая обладает высочайшей значимостью в информационном обществе, задает стиль и характер современной деятельности, в том числе научной, когда «быстрое» и оперативное чтение оказывается необходимым навыком ученого, что информанты понимают, начиная со студенчества:

*«**Ты должен уметь читать много, читать быстро...** осознавая, что ты читаешь, умея **переработать это в текст свой собственный**, сложить какую-то картинку, ну, для **ученого**, по крайней мере, это точно абсолютно необходимый навык»* (биолог, 2 курс магистратуры).

Цифровые носители отличает высокая вместительность, и многие из них, будучи переносными, мобильны. На языке теории Э. Гидденса, тексты «откреплены» в пространстве и времени (Giddens, 1990), что опять же сопряжено с их доступностью. Все это сообщает чтению с экрана привлекательность — и в состоянии информационного изобилия такие носители оказываются оптимальными, вытесняя бумажные тексты для чтения по особым случаям.

Респондент: На бумажных, наверное, процентов 10. Не больше. Может быть, даже немножко меньше.

Интервьюер: То есть все остальное Вы читаете с экрана?

*Р.: Просто потому что **он под рукой, в телефон вмещается больше книг, чем в мою сумку** [смеется] (экономист, кандидат наук).*

В попытке сопоставить практики чтения по используемому носителю в группах студенчества и научных сотрудников обратимся к систематизации их суждений на этот счет. Анализ высказываний студентов обнаруживает интересную особенность: преимущества электронных носителей студентами очерчиваются подробно, с акцентом на их несомненном перевесе, тогда как ученые рассуждают о двух вариантах носителей, электронном и бумажном, в сравнении, подчеркивая различия и значимость каждого из способов чтения.

Студентами практики учебного чтения, по всей видимости, воспринимаются в качестве составляющей метапрактики пользования интернетом,

задающей способ существования в современном информационном обществе. Представление о том, что фактически любой текст доступен онлайн (а если он не доступен, то доступен некий его аналог по интересующей тематике), становится для студентов сегодняшнего дня повсеместным:

*«Я знаю, что я могу **любую** книгу — легально, нелегально, — но найти в интернете»* (социолог, магистратура).

Подчеркнем, что предпочтение электронного носителя для чтения описывается студентами всегда с использованием прагматического словаря, в терминах все той же доступности и скорости. В их репликах речь идет не столько о *чтении* как таковом, сколько об *использовании* текста в тех или иных целях. Так, неоднократно упоминается удобство обращения к электронному тексту во время занятия:

*«В электронном варианте, потому что так **быстрее** по ключевым словам найти, потому что **в учебнике нет такой полезной функции, как Ctrl + F, не можешь так быстро искать**»* (филолог, 3 курс, фокус-группа).

*«Для **подглядывания** удобнее телефон и ноутбук, в зависимости от того, что мы делаем. Если где-то на паре, проще на телефоне, если дома, так с компьютера почитать»* (математик, 2 курс).

Одной из существенных примет чтения с экрана студенты называют «простоту», подразумевающую доступность, скорость, мобильность: тексты на электронном носителе находятся под рукой в любой момент, и это имеет своим эффектом столь привлекательную для студентов минимизацию физических усилий для достижения текста.

*«Чаще всего это электронные, в виду того, что это **быстро и легко найти, не нужно куда-то идти**»* (юрист, 3 курс).

*«Если это бумажная книга, ее нужно носить с собой, потому что а вдруг вот у меня появилось время, я могу почитать. С электронными носителями **все в разы проще**. Я понимаю, что вот у меня есть ссылка, она всегда в доступе, потому что программа есть в интернете, заходишь, по ссылке переходишь, вот тебе файл. **Он скачался, сидишь себе читаешь**»* (социолог, 4 курс).

Показательно, что в условиях «тотального» интернета даже электронный поиск, не отягощенный физическими перемещениями, может восприниматься студентом как специальное усилие. Можно сказать, что в целом студенты (особенно младших курсов) предпочитают предоставленные преподавателем готовые тексты самостоятельному поиску в интернете.

«[О списке литературы от преподавателя] там даже есть ссылки, **повезло, что он оставлял даже ссылки** на эти произведения, хотя обычно такого не бывало. Обычно **приходилось самому искать** все, что нужно, **вбивать** в гугле уже названия» (филолог, 2 курс).

Наиболее масштабным усилием по получению доступа к текстам становится для студентов поход в библиотеку, о чем часто они говорят с неудовольствием, как о вынужденном мероприятии. Очевидно, что такой вес усилию посещения библиотеки задает именно наличие доступных экранных текстов, и само по себе это во многом объясняет снижение частоты обращения к услугам библиотек со стороны не только студентов, но и научных работников.

«Ну а **зачем ходить туда далеко, если можно все взять в интернете**» (юрист, 4 курс).

Более взрослые читательские группы, как правило, имеют в своем опыте регулярные походы в библиотеку в прошлом и лишь в некоторых случаях — в настоящем. Высказывания про малую востребованность библиотеки сегодня позволяют судить о преобладании в группе ученых чтения с экрана, пусть и не столь явно манифестируемом, как у студентов.

Один из существенных признаков, отвечающих свойствам практик как концептуальной идеи и понятия, можно увидеть в описании удобства электронных источников. Это удобство на языке теоретиков практик описывается как гибридизация, она заключена в совместимости экранного чтения с рядом смежных практик, когда чтение перетекает в письмо и обратно, учебная активность типа конспектирования или устных ответов на занятия реализуется непосредственно за счет чтения и наряду с ним. Для ситуаций обучения эта особенность электронных источников имеет существенное значение.

«Да, я **выписываю**⁴ то, что мне нужно, порой текст бывает слишком обширный, чтобы во время семинара по нему **перебегать**⁵, поэтому я себе **выписываю что нужно**. Вот, и в этом **есть удобства электронного ресурса, потому что ты можешь оттуда копировать и это куда проще, чем переписывать, и легче напечатать маленькую выдержку, цитату конкретную...**» (историк, 4 курс).

Отметим, что практики чтения с экрана в корне меняют позицию читателя, превращая его в активного комбинатора текстов, читатель получает «право

⁴ Примечательно, что словоформа «выписываю» применена здесь в значении «копирую в отдельный файл», что иллюстрирует запаздывание языка по отношению к практикам.

⁵ Заметим, что информант использует слово «перебегать» при работе с текстом на занятии, что, на наш взгляд, передает специфику практик учебного чтения сразу в нескольких свойствах. Во-первых, это отсылает к скорости, быстрому перемещению по электронному тексту и соответствует упомянутой выше оперативности и фрагментарности как приметам экранного чтения. Во-вторых, в «перебегать» схвачена лагирующая активность студента — как в безбрежном пространстве онлайн-текстов, так и в отношениях «студент — преподаватель».

компоновать и разбивать на части текстовые единицы, которые он желает прочесть, и даже придать им внешний вид по собственному желанию» (Шартье, 2009). Радикальный взгляд на чтение с экрана предлагает в нем видеть не столько чтение, сколько создание собственного текста (Маркова, 2013: 13). Выходит, экранное чтение реализуется во многом именно как работа с текстом, и эта работа предполагает разное содержание для студентов и ученых. В учебном чтении работа с текстом означает в первую очередь создание опорных конспектов, информативных «нарезок», соединение различных фрагментов текстов с ориентацией на использование их в учебе, для ученых же работа связана прежде всего с созданием собственных текстов для публикаций. Конечно, это разделение условно, оно призвано подчеркнуть, что чем выше образовательная ступень, тем вероятнее восприятие электронного текста (и текста как такового) как инструмента и материала для создания публикации.

«Когда ты что-то читаешь, ты одновременно и пишешь; но можно писать в телефон, можно писать в тетрадку, можно писать в вордовский документ, да, а можно писать сразу себе в память. И хотелось бы научиться делать это более осознанно, профессионально, качественно...» (филолог, аспирантура).

Экранное чтение привлекает своей интерактивностью (Сметанникова, Белоколенко, 2012: 6), дает возможности различных вариантов манипуляций с текстами — например, фиксацию заметок в телефоне во время прочтения текста. При этом комбинации практик чтения и письма могут выходить за рамки операции с цифровым устройством. Возможны ситуации, когда конспекты прочитанного с экрана составляются студентом вручную — в качестве тактики запоминания. Преподаватели называли иной вариант комбинации практик — распечатку наиболее интересных текстов и последующую работу с ними как с бумажными⁶. Отметим, что обращение к бумаге при чтении и письме обосновывается как рациональными соображениями, так и привычкой. Подобное совмещение практик дает основания полагать, что чтение с бумаги не вытеснено экранным, но сочетается с ним.

Интервьюер: А почему делал конспекты?

*Респондент: Это потому что нужно представлять себе вот эти большие молекулы, **нужно научиться их запоминать рукой**, скажем так, чтобы они быстрее рисовались (биолог, 2 курс).*

*«Да, единственное что, **если совсем интересное**, и я понимаю, что это можно использовать, **то распечатываешь это**, выделяешь*

⁶ «Превращение» электронного текста в бумажный для работы с ним можно трактовать как способ адаптации нового формата к знакомому, что особенно важно для представителей эры кодекса. По Марковой, «электронный текст не осязаем, он визуален и становится чувственным при распечатывании его на бумаге, то есть при превращении из электронного в печатный» (Маркова, 2013: 7–8).

фломастером, шрифтом и так далее, для того чтобы это все-таки не потерялось. Ну, и складываешь в папочку» (социолог, кандидат наук).

Обобщая, отметим, что чтение с экрана, созвучное самой цифровой эпохе, отличаются скорость и «простота», удобство при создании собственных текстов, поэтому данный способ чтения явно преобладает как среди студентов, так и среди научных сотрудников. Однако более пристальное рассмотрение практик чтения позволяет обнаружить прецеденты «выхода» к бумаге в качестве дополнения экранного чтения.

Предпочтение «бумаги»: возможно ли?

Рассмотрим случаи предпочтения бумажных источников. В свете распространения электронных устройств они теряют популярность, но в то же время именно в условиях выбора способов чтения могут актуализироваться преимущества печатных текстов. При анализе сопредставленности в настоящем этих способов чтения исследователи констатируют состязание двух разных культур, кодекса и экрана, и заостряют их противостояние (Шартье, 2009; Кавалло, Шартье, 2008: 43). Утверждается, что экранное чтение будет теснить бумажное до того момента, пока последнее не займет свою собственную нишу (как, скажем, произошло с кино и театром) (Маклюэн, 2003: 197).

Для нас принципиально суждение, что «электронный текст ставит под вопрос само понятие “книга”» (Шартье, 2006: 232). Дело в том, что практика чтения с экрана имеет дело с текстами, размер которых неосязаем — в отличие от материальной конкретности бумажного издания, книги, и в этом смысле неочевиден для читателя. Ставший виртуальным, текст обретает особенную подвижность и пластичность, легко корректируется и меняет форму, но параллельно с этим размывается его определенность, утрачивается его законченность (Шартье, 2009). Фрагментарность в таком случае как свойство современности оказывается присуща как практикам чтения, обращения к текстам (*работы с текстами*), так и самим текстам. Остаются ли в таком случае поводы для чтения «бумаги»?

Обращение к бумажным источникам в процессе обучения зачастую предусмотрено программами курсов и библиотечной инфраструктурой, университет встречает первокурсников выдачей комплекта бумажных учебников, и лишь часть из них оказывается востребованной. В этой ситуации студентам вменяют опыт чтения бумажных учебников и методических пособий, и опыт «бумаги» не может считаться в полном смысле выбором, но представляет собой данность, ритуал посвящения в учебный процесс.

*«На первом-втором курсе нам в начале года говорили, что нам **нужно брать учебники**, я шла в библиотеку — брала учебники. Вот. В итоге **я посмотрела, что они у меня стоят на полке в общаге, и я их не трогаю***

либо я ищу то же самое в электронном варианте» (филолог, 3 курс, фокус-группа).

В процессе обучения сохраняется институциональное влияние на способ чтения, транслируемое преподавателями, выдвинутыми ими требованиями и осуществляемым контролем. Неоднократно встречены случаи, когда преподаватели ориентируют студентов на совмещение, чтение как бумажных, так и электронных источников, вероятно, исходя из соображений удобства доступа и наличия материалов в бумажном виде. Итак, нельзя сказать, что студенты, обучаясь, не имеют выбора, с какого носителя читать, но этот выбор предопределен повсеместностью чтения с экрана и в некоторых случаях институциональным влиянием (в сторону чтения бумажных текстов). В таком случае инициативу обращения к бумаге в первую очередь резонно искать в среде ученых, преподавателей.

О том, что происходит выбор между способами чтения от ситуации к ситуации, свидетельствуют высказывания научных работников. Особенно интересен упомянутый в цитате ниже респондентом вариант «противопоставления» «желательное vs. удобное», показывающий, что оценка способов чтения производится в двух непересекающихся смысловых категориях и что обращение к бумажным текстам осуществляется не из прагматических соображений (!).

«Желательно бумажные, но, практически удобнее PDF-файл, есть волшебный инструмент Ctrl+ F, по которому я могу найти любую интересующую меня деталь текста, поиск по слову, да, загоняешь какой-нибудь термин, и по этому термину уже там смотришь и выбираешь, т.е. это чтение такими быстрыми фрагментами происходит. Бумажная, она удобнее, если ты с книгой хорошо знаком, если она принадлежит тебе лично и у тебя есть карандашные пометки, и ты ориентируешься внутри этой книги... у меня лежит бумажная книжка, она вся прочитана-перечитана, и она же лежит в формате PDF» (филолог, аспирантура).

Вероятно, предпочтение бумажных текстов обосновано тем, что чтение бумажных источников позволяет осуществить глубинное «вчитывание», тогда как электронные источники располагают к быстрому темпу реализации практики и соответствующему способу постижения текста. Приведенное выше высказывание показывает, что профессиональное чтение научных работников реализуется и как экранное, и как бумажное, и оно различается в зависимости от намерения читающего — написание собственных текстов или «осмысление». Профессиональное чтение словно бы распадается на регистры действия и мысли, на активность и рецептивность во время реализации практик чтения.

«Когда я пишу, я копирую цитаты с источника в электронном виде, чтобы так вот не переписывать, но когда мне нужно не переписывать,

а когда мне нужно переосмыслить, я вот обращаюсь к бумажному тексту» (филолог, аспирантура).

Исследователи практик чтения очертили эту разницу электронных и бумажных текстов через диапазон авторского участия: обозначить свое присутствие в бумажном издании можно весьма сжато, лишь на полях или на пустых листах книги, тогда как электронный текст с его возможностями вставлять комментарии, копировать и перемещать фрагменты намного более явно располагает к участию в тексте (Шартье, 2006: 33). Неслучайно одна из современных формулировок практики чтения звучит как взаимодействие с текстом во множестве форматов (Tarulli, 2014: 297). В то же время восприятие бумажной книги отличается особой целостностью, читатель преодолевает фрагментарность текста, ощущая текст в руках (Мангель, 2020: 180): стало быть, открывает лучшую возможность к его осмыслению. Аналитики характеризуют экранное чтение как освоение «бесконечной ткани текста», которая не схватывается восприятием как завершенное, в то время как чтение с бумаги, пусть и прерывное, позволяет ухватить целостную завершенность отдельного высказывания, воссозданную материально (Шартье, 2006: 225).

Электронные тексты и экранное чтение преобладают в повседневном обиходе ученых, когда речь идет о написании собственных публикаций, однако практически каждый респондент, занимающийся преподаванием, упоминает чтение (с) бумаги как непременную часть подготовки к занятиям.

«Текст читаю, классически, у меня сохраняются эти навыки, которые еще появились в университете, когда я учился, то есть я читаю с карандашом, как правило, отмечаю, ну, поскольку книга моя, отмечаю важные для меня места, могу делать там с помощью стикеров какие-то закладки, вот и эти, так сказать, разделы потом остаются для меня важными с точки зрения повторения перед лекциями уже на следующий год и т.д.» (историк, кандидат наук).

Книга как предмет и идея, по всей видимости, наделяется учеными особым значением, что будет подробнее рассмотрено далее. Мы обнаруживаем, что бумажные тексты, как правило, не попадают в горизонт выбора студентов, но вмещаются им учебными обстоятельствами, тогда как для ученых выбор способа чтения актуален и бумажные тексты выигрывают в ситуациях «осмысления» читаемого.

Эстетические, тактильные и прочие впечатления студентов от чтения бумажных текстов

Рассмотрим далее основания обращения к чтению бумажных текстов, книг, которые были упомянуты студентами, с тем, чтобы уточнить, как в целом воспринимается ими такой способ чтения. В то время как чтение с экрана

реализуется студентами фактически ежедневно в учебном процессе, чтение бумажных текстов как таковое случается сравнительно редко и сопряжено в студенческом восприятии с какими-либо особенными, не рутинными случаями. Обращение студента к бумажным текстам и книгам, как представляется, имеет не инструментальную направленность, а эмоциональное значение — в частности, сюда попадают случаи чтения, ориентированные на взаимодействие: книга как подарок или даже книга как место символической «встречи» студентов-читателей разных лет обучения.

*«В основном онлайн, конечно. То есть даже я иногда **радуюсь — девушка дарит книгу бумажную**, но все равно все-таки удобнее читать мне вот лично на телефоне или на компьютере»* (информационные технологии, 4 курс).

*«Если что-то выбираешь читать для себя, то это либо электронный формат, ну, там не знаю, на электронной книге, на ноутбуке каким-то образом... А вот если **в подарок, то, ну, конечно, издание какое-то красивое**»* (экономист, 4 курс, фокус-группа).

*«Все методички исписаны у историков, вот это **невероятное чувство, когда ты понимаешь, что это было в чьих-то других руках**, когда ты видишь отношение к этому человеку, это **восхитительно**»* (историк, 3 курс, фокус-группа).

Для сегодняшнего студента-читателя характерен «чувственный» ориентир при обращении к бумажным текстам — *эстетический (красота) и кинестетический (ощущение)*, описание чтения бумажного источника построено в терминах ощущений — в основном речь идет о тактильных удовольствиях, впечатлениях от прикосновения к бумаге и книге. Употребление словоформы «приятное» в отношении бумажных книг часто встречается в репликах студентов разных образовательных ступеней.

*«По органической химии... нам нужно в один момент посмотреть том первый, потом том третий, потом том второй, это вот такая вот стопочка, это неудобно, **поэтому электронный носитель да, здесь он выигрывает. А если ты просто в общежитии, то, конечно, я беру бумажные вариант, потому что они приятнее**»* (биолог, 2 курс).

*«Мне просто всегда приятней **держать книгу в руках и читать физический источник**, чем электронный, но вот да, в силу специфики методических пособий, которые очень сложно взять в библиотеке, потому что напечатано штук пять на сто человек... **поэтому приходится читать PDF-ку**, ну, и в силу специальности, что тебе нужен специализированный сайт и так называемые форумы... то есть в основном получается электронная версия, да»* (информационные технологии, 4 курс, фокус-группа).

*«Стараюсь читать на бумаге. Есть у меня электронная книга хорошая, живет уже очень долго, но **мне некомфортно с нее читать**. Если я читаю, то это все равно не то»* (историк, магистратура).

Вопреки обозначенным тенденциям, чтение бумажных текстов читателями-студентами порой обосновывают не только тактильными побуждениями, но также и рационально — меньше вреда для здоровья и лучшего восприятия с бумаги. Возможно, подобные рационализации укрепляют и поддерживают тактильные пристрастия.

*«Больше стараюсь пользоваться печатной литературой. Потому что вот это ощущение книги в руках, бумаги, это как-то **лучше понимаешь и воспринимаешь с бумажной литературы**»* (историк, 3 курс, фокус-группа).

*«От электронных устройств очень сильно садится зрение и устают глаза, поэтому, ввиду этого, **приходится ходить и брать книги**»* (юрист, 3 курс, фокус-группа).

Повод к размышлению предоставляет упоминание об удобстве чтения бумажных или электронных текстов, поскольку мнения заметно отличаются для читателей-студентов разных специальностей: показательно, что студенты-филологи удобными считают бумажные тексты, студенты факультета информационных технологий к удобным относят исключительно электронные. Мы можем сделать вывод, что представления об удобстве и вреде для здоровья относительноны и привязаны к привычному способу чтения (студенты факультета информационных технологий в силу специфики своего обучения фактически не встречаются с бумажными текстами, студенты-филологи имеют дело с художественной литературой, которая традиционно читается «в бумаге»). Соображения удобства обнаруживают свою подвижность и связь с привычкой.

*«Ну, либо с планшета, либо с печатных книг. Ну, конечно, печатные книги я предпочитаю больше — **это удобнее** и нравится мне больше, и обычно я их просто беру в библиотеке... поскольку, во-первых, это **как-то тактильно приятно**, во-вторых, это легче читать благодаря тому, что **не так напрягаешь глаза**, и еще немаловажный фактор, что книга никогда не разряжается, ее можно в любом прочесть... и в маршрутке. Это удобно и, не знаю, все равно как-то текст не так скачет, ну и можно там пометочки какие-то аккуратненько сделать»* (филолог, 4 курс).

*«Да, телефон. Экран. И я, просто там есть режимы разные же цветные, я обычно включаю серый, т.е. белый текст на сером, и в этом режиме как бы не сильно светит в глаза, ну, и минимальная яркость... **я верю, что это меньше света в глаза**, чем если включить свет и читать бумажную книгу»* (программист, 4 курс).

Суммируя мнения студентов об отношении к бумажным текстам, укажем сравнительную редкость этих обращений на фоне явного преобладания в опыте экранного чтения, однако маркируем наиболее устойчивое впечатление студентов от бумажного формата — он приятнее тактильно и эстетически, а также может восприниматься как более удобный, менее вредный для здоровья и т.п.

Значение бумажных носителей для научных работников. Сакрализация Книги

Что касается представлений о чтении бумажных текстов у научных работников, заметно их отличие от студентов: для них речь идет не столько о тактильном удовольствии, сколько о значимости книги как феномена, не так важны ощущения от контакта с материалом, из которого сделана книга, как видение самой идеи Книги. Мы вновь обнаруживаем, что книги как бумажные носители в их классической форме кодекса предназначены, на взгляд академически подкованных читателей, для более глубокого чтения, осмысления, запоминания.

*«Еще когда мне хочется посмотреть на какую-то **проблему в широком свете, более глобально, более стратегически, то и бумажная литература, я крайне люблю, приветствую**» (физик, после аспирантуры).*

Рискнем обозначить отношение к чтению бумажных текстов в качестве реализации определенной ценности: вероятно, Книга воплощает само Знание. Отношение к бумажной книге имеет оттенок сакральности для читателей-ученых⁷, что также отмечают российские антропологи — исследователи практик чтения. Они уточняют, что книги, представленные в виде экранного текста, не имеют подобного символического значения, их доступность, что примечательно, лишает их ценностно окрашенной редкости (Алексеевский, 2014: 60–62). Подобное отношение к книге распространено в группе образованных и урбанизированных россиян, которые являются трансляторами книжной и читательской культуры, согласно исследованиям Б. Дубина и А. Зоркой. Авторы также привлекают внимание к наличию домашних библиотек как свидетельству причастности к книжной культуре и связывают его наличие с установками на высшее образование (Дубин, Зоркая, 2008: 61–62).

В нашем исследовании также проявилась тема домашней библиотеки, которая в целом сигнализирует о символическом отношении к бумажным

⁷ Стоит сделать оговорку, что подобная сакрализация характерна не для всех научных работников. Стойко предпочитающие электронные источники, что примечательно, солидаризируются со студентами: *«И студентам, и нам тоже удобен поиск, там не всю прочитывать, а некий поиск осуществить по электронному документу. Даже если в книге прочитал определенную главу, это ее в книжке нужно снова ее найти, если нет закладки, а тут все набираешь, и вот оно, за что ты там зацепился в таком большом материале, сразу видно»* (экономист, кандидат наук).

книгам, когда стремление читать печатные тексты сочетается со стремлением их иметь в собственности. Многие ученые и особенно те, кто занимается преподаванием, не без гордости говорили о присутствии фундаментальных, классических работ по своей специальности в домашней библиотеке. Существенно, что практики чтения «бумаги» в таком случае организованы как регулярное обращение и перечитывание уже известных текстов — для актуализации в памяти знаний и очередного переосмысления.

*«Если мы говорим про **крупную публикацию, я стараюсь покупать бумажный носитель**» (историк, кандидат наук).*

Интервьюер: Какие такие книги вызывают желание... то есть это какие-то особые книги, Вы их покупаете в бумажном виде?

*Респондент: Наверное, да, **которые я знаю, что перепрочитаю, еще раз перепрочту** (экономист, кандидат наук).*

Отметим, что некоторые студенты старших курсов также ориентированы на покупку книг и создание библиотеки — что может быть причислено к тем составляющим практик чтения, которые формируются и закрепляются по мере прохождения образовательных ступеней.

*«**Всю литературу я стараюсь иметь в бумажной книге. Стараюсь покупать** или, если нет возможности, где-то брать в библиотеке или где-то еще» (историк, магистратура).*

*«Считаю, что **некоторая настольная библиотека у человека должна быть из книжек**, так скажем, для него, которые он считает самыми **важными, удобными**» (математик, 4 курс, фокус-группа).*

При прохождении ступеней обучения и становлении в профессии личная библиотека «перечитываемых» книг становится востребована. Личная библиотека бумажных книг может быть рассмотрена и как компонент идентичности ученого, в том числе идентификации с теми авторами и текстами, которые, вероятно, формируют основы мышления и суждения в выбранной ученым области.

*«Знаете, все-таки когда у тебя есть бумажный текст, и ты как-то думаешь о чем-то, ты его так берешь, открываешь, **мысль по-другому идет, она как-то лучше, что ли, усваивается, лучше закрепляется, и контакт с самим автором становится более весомым, так сказать**» (филолог, аспирантура).*

*«**Для преподавания — бумажные учебники**, уже изданные, «**классическая литература**», книжки дома лежат... у меня в библиотеке она есть, **необходимый минимум для физика... для написания**»*

диссертации — электронный носитель — **базы статей** *elibrary*, сайты журналов» (физик, кандидат наук).

Символическое значение чтения бумажных книг и обладания ими в группе ученых сопровождается эмоциональным отношением, приобретенные бумажные книги зачастую отнесены к категории «любимое»⁸. Можно предположить, опираясь на собранные материалы, что максимальный градус пристрастия к бумажным изданиям присущ ученым-гуманитариям, но в целом остается характерным для ученых всех направлений.

«Вообще “Экономикс” и по макро-, и по микроэкономике. Там понятно, что формул нет, в основном слова и примеры, но интересно. Моя любимая книга еще с бакалавриата. Я ее даже себе купила, она у меня в бумажном виде есть [смех]» (экономист, кандидат наук).

«Бумажный [текст] должен быть зачитан, мне кажется, без этого филолог не состоится, без глубокого такого, тактильного погружения в текст, то есть книжку хочется помять, погрызть, пописать по ее краям, какие-то заметки сделать, что-то выписать» (филолог, аспирантура).

Таким образом, можно говорить о символической ценности бумажной книги, Книги как идеи и знания, в связи с чем особенное значение для учебного приобретает домашняя библиотека и обладание бумажным текстом с периодическим обращением к нему (перечитыванием, переосмыслением).

В своих интервью научные работники порой позиционировали себя как эксперты по тенденциям в практиках чтения, предложенные ими идеи позволили нам выдвинуть предположение о разбиении практик чтения на две модальности: *быструю и медленную*, и это разбиение имеет основу в разнице способов чтения, экранном и бумажном. Если для быстрого чтения характерна динамичная работа с текстом, чему отвечают возможности электронных текстов, то для медленного — вдумчивое восприятие прочитанного, тщательное осмысление и внутренний диалог с автором, что позволяет сделать бумажный текст. Подобные выводы созвучны взглядам специалистов в области чтения о том, что «экранное чтение пока не заменяет, не подменяет чтения с печатного листа, а дополняет его, особенно, если имеется в виду вдумчивое чтение-размышление» (Сметанникова, Белоколенко, 2008: 6).

⁸ Предпочтение «любимого» в бумажном варианте встречается также в высказываниях студентов, однако, что принципиально, по отношению к художественной, а не научной литературе: *«Если ты любишь, то обязательно, чтобы он у тебя на полке, чтобы ты взял, ты перечитал, а не скачивал где-то там, рылся»* (историк, 3 курс, фокус-группа);

«Что касаемо художественной литературы именно для саморазвития и для чтения самой, а не где-то там в учебе, то я привыкла покупать литературу бумажную, потому что... есть определенные авторы и определенные произведения, которые читают не все, которые мне нравятся, поэтому мне приходится заказывать, либо тут срывается такой собственнический характер, когда ты чувствуешь, что вот это мне нравится, это мое» (социолог, 3 курс, фокус-группа).

Бумажная книга, печатный текст в таком случае оказываются воплощением медленного чтения, и сакрализация «бумаги» в устах ученых часто имеет привкус ностальгии по доцифровым временам.

«Книга больше вдохновляла, и это было связано с тем, что как раз концентрация на ней была сильнее, спокойнее ты ее читал, спокойнее обдумывал это все, сейчас это все на ходу в очень сжатые сроки, и вот это влияние тоже информационных технологий, по сути уже какой-то у меня складывается стереотип чтения, что я не могу позволить себе над одним текстом очень долго сидеть, работать, вот эта культура применения баз данных, она уже как бы тебя заставляет... попала в руки тебе какая-то качественная литература, она тебе горизонты расширяет, в этом польза-то, мышление становится шире и глубже, и т.д. И эту функцию книга, конечно, всегда выполняла, сейчас с изменением этого типа мышления, чтения, когда оно становится таким **очень коротким и т.д., вот это расширение сознания, вдохновение, как-то оно стало теряться в моем случае» (историк, кандидат наук).**

Практики чтения ученых ярко дифференцированы по типичным ситуациям, отличающимся по используемому носителю: чтение с экрана в большей степени связано с написанием публикаций и мониторингом активности коллег по научному цеху, чтение бумажных текстов, когда таковое происходит, оказывается зачастую связанным с преподавательской подготовкой, дающей возможность освежить и обдумать фундаментальные идеи в области интересов ученого. Типу читаемого источника, по всей видимости, может соответствовать как манера реализации практик чтения, так и мотивация к чтению, и именно в случае с книгой как бумажным изданием актуализуются представления о Книге как источнике знания.

Вытеснение или сочетание способов чтения

В изучении бумажного vs. электронного чтения интерес представляют попытки прогнозирования вытеснения или сочетания двух этих форматов чтения, сосуществующих в настоящем. Так, по данным исследований 10-летней давности, представители студенчества, а также молодые специалисты с высшим образованием принадлежали к числу наиболее активных новаторов, прибегающих к чтению научной литературы через интернет (Дубин, Зоркая, 2008: 33). В целом чтение деловой и профессиональной литературы, в отличие от художественной, казалось максимально расположенным к переходу в электронный формат. В нашем исследовании мы обнаруживаем сочетание вариантов, чтение электронных и бумажных источников, пусть и с преобладанием электронных, и это совмещение выглядит как принципиальное — как минимум для преподавателей. Есть основания согласиться с суждением М. Гудовой, считающей, что при сохранении ранее возникших

форм организации практик добавились новые актуальные формы (Гудова, 2011: 102). Аналитики отмечают, что перемены в практиках совершаются постепенно, медленнее всевозможных технических революций (Шартье, 2009), поэтому можно предвидеть дальнейшее сокращение практик чтения бумажных текстов в контексте смены поколений. Как показывает наше исследование, нынешнее студенчество, ограничивающееся в основном кинестетическими мотивами в восприятии книг, вряд ли в полной мере продолжит традиции чтения бумажных текстов, но, вероятно, все-таки сохранит такой способ чтения для особых ситуаций.

Преподаватели во многом ответственны за организацию обучения, в которой представлено чтение в различных формах и способах, что, на взгляд аналитиков чтения, способствует развитию разнообразных способов получения знания и восприятия информации. Процессы, посредством которых читатель, сознательно или бессознательно, наделяет текст неким смыслом, зависят не только от семантики этого текста, но и от материальных форм, в которых он воплощен, распространяется и воспринимается. Следовательно, важно сохранить возможность обращения к текстам в их разных, замещающих друг друга формах (Шартье, 2006: 224). Известны случаи намеренного обращения к бумажной книге, которые стимулирует преподаватель в качестве задания:

«[Бумажные] книги, да, крупный формат, я их заставляю читать, потому что понимаю, насколько сейчас у современного поколения меняется... методология чтения в принципе радикально меняется, то есть они все меньше читают крупных текстов, все больше быстро на носителях, там, на планшете, телефоне, кто-то на ноутбуке, и это все урывками, и кто-то ленится, пытается найти какие-то видеокурсы, если связано с этим текстом, и я вижу, что им прямо тяжело читать большие книги от корки до корки» (историк, кандидат наук).

В то же время чтение электронных текстов — крайне современный и востребованный вариант реализации практик чтения, и он может пониматься как нуждающийся в развитии в процессе обучения специальным компетенциям, в частности по поиску, идентификации качества и пригодности текстов (Сметанникова, Белоколенко, 2012: 6). В целом в условиях информационного изобилия текстов различных жанров в интернете задача формирования академического стиля письма становится крайне насущной, актуальной для студента как потенциального ученого.

Завершая рассмотрение вопроса о чтении с электронных и бумажных носителей, укажем, что выбор между ними связан с несколькими обстоятельствами. В частности, выбор определен способом работы с текстом: электронный носитель открывает возможности скоростного поиска и «нарезки» цитат, бумажный текст удобен для осмысления прочитанного. Кроме того, имеет значение ситуация: студент в учебном процессе может быть сориентирован на чтение бумажных текстов университетом или преподавателем, однако электронное чтение оставляет за собой приоритет ввиду его

скорости и доступности; преподаватель зачастую создает себе возможность чтения бумажных текстов для подготовки к занятиям, однако при написании собственных работ ученый прибегнет к чтению статей в электронных базах.

В процессе изучения практик чтения нами обнаружено различие в обоснованиях обращения к бумажным текстам в группах студентов и ученых: «ощущенческие и эстетические» побуждения характерны именно для студентов, глубинное прочтение и обладание Книгой отмечается в качестве типичного для ученых. Кроме того, ярко выражен инструментальный словарь описания практик чтения электронных текстов, что созвучно идее «быстрого» чтения, практикуемого учеными в ситуациях написания статей. «Медленное», оно же вдумчивое и сакрально-ориентированное чтение бумажных текстов (Книги) соседствует с «быстрым», то есть оперативным и интерактивным чтением с экрана, причем в группе ученых эта сопредставленность носителей и способов чтения более явно выражена и отрефлексирована, чем у студентов.

Анализ дает основания согласиться с тем, что для учебного и профессионального чтения верно утверждение «не о конкуренции печатного и электронного текстов и исчезновении бумажной книги, а об их взаимодополняемости и сосуществовании» (Маркова, 2013: 8). Согласно полученным материалам, можно утверждать, что преобладание электронных носителей не абсолютно и полное вытеснение электронными текстами бумажных вряд ли произойдет в скором времени.

Литература

- Алексеевский М. Д.* Домашние библиотеки в современной России: практики хранения и систематизации прочитанных книг // Вестник Марийского государственного университета. 2014. Т. 15. № 3. С. 55–63.
- Гудова М. Ю.* Современное чтение как деятельность, культурная практика и социальный институт // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. 2011. № 30 (245). Вып. 22. С. 100–104.
- Дубин Б. В., Зоркая Н. А.* Чтение в России — 2008. Тенденции и проблемы. М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2008.
- Кавалло Г., Шартье Р.* Введение // История чтения в западном мире от Античности до наших дней / Пер. с фр. М. Руновой, Н. Зубкова, Т. Недашковской. М.: ФАИР, 2008. С. 9–52.
- Маклюэн М.* Галактика Гуттенберга: Становление человека печатающего / Пер. с англ. И. О. Тюриной. М.: Академический проект: Фонд «Мир», 2005.
- Маклюэн М.* Понимание медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева. М., Жуковский: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2003.
- Мангель А.* История чтения / Пер. с англ. М. Юнгер. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2020.
- Маркова Т. Б.* Чтение как составная образа жизни: бумажная книга и/или электронный текст // Библиосфера. 2013. № 4. С. 7–15.
- Сметанникова Н. Н., Белоколенко М. В.* Читатели нового поколения и новая культура чтения // Чтение в эпоху постмодерна. Библиотечное дело. 2012. Т. 180. № 18. С. 2–8.
- Шартье Р.* Письменная культура и общество / Пер. с фр. И. Стаф. М.: Новое издательство, 2006.
- Шартье Р.* Читатель в постоянно меняющемся мире // Иностранная литература. 2009. № 7. С. 184–191. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2009/7/chitatel-v-postoyanno-menyayush-hemnya-mire.html> (дата обращения: 10.08.2020).

Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990.

Tarulli L. Pleasure Reading: Exploring a New Definition // Reference & User Services Quarterly. 2014. Vol. 53. № 4. P. 296–299. DOI: <https://doi.org/10.5860/rusq.53n4.296>

Дата поступления: 06.09.2020

Electronic or Printed? Peculiarities of Reading Practices of Students and Researchers

DOI: 10.19181/inter.2020.12.4.5

Irina Chudova

Chudova Irina — Candidate of Sociology, Associate professor, Department of Sociology, Novosibirsk State University, dauza@mail.ru.

This article examines two ways to practice reading of educational and professional literature of students and researchers in terms of electronic and printed forms of reading. The text structures the bases of preferences of reading from the screen and paper texts, reveals the peculiar features of reading practices and their perception in the context of learning and scientific work, specifying the differences for different levels of academic and scientific environment, separately for students and researchers, including postgraduates and teachers. It describes the actual features and instrumental guidelines that are typical for the prevailing screen reading in the present and senses that reading printed texts has for students (aesthetic and kinesthetic motives) and researchers (sacralizing the book, making a home library).

Keywords: educational and professional reading practices; electronic and printed text; working with text; hybridization of practices; sacralizing books; fast and slow reading

References

- Alekseevskij M. D. (2014) Domashnie biblioteki v sovremennoj Rossii: praktiki hraneniya i sistemizatsii pročitannykh knig [Home libraries in modern Russia: practices of storage and systematization of books read]. *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Mari state University]. Vol. 15. No. 3. P. 55–63. (In Russ.)
- Cavallo G., Chartier R. (2008) Vvedenie [Introduction]. *Istoriya chteniya v zapadnom mire ot Antichnosti do nashih dnei* [History of reading in the Western world from Antiquity to the present day] / Transl. by M. Runovaj, N. Zubkov, T. Nedashkovskaya. M.: FAIR. P. 9–52. (In Russ.)
- Chartier R. (2006) *Pis'mennaya kul'tura i obshchestvo* [Written culture and society] / Transl. by I. Staf. M.: Novoe izdatel'stvo. (In Russ.)
- Chartier R. (2009) Chitatel' v postoyanno menyayushchemsya mire [A reader in an ever-changing world]. *Inostrannaya literatura* [Foreign literature]. No. 7. P. 184–191. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2009/7/chitatel-v-postoyanno-menyayushchemsya-mire.html> (accessed 10 August 2020). (In Russ.)
- Dubin B. V., Zorkaya N. A. (2008) *Chtenie v Rossii — 2008. Tendencii i problemy* [Reading in Russia — 2008. Trends and problems]. M.: Mezhhregional'nyj centr bibliotechnogo sotrudnichestva. (In Russ.)
- Giddens A. (1990) *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press, 1990.
- Gudova M. Yu. (2011) Sovremennoe chtenie kak deyatel'nost', kul'turnaya praktika i social'nyj institute [Modern reading as an activity, cultural practice, and social institution]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Kul'turologiya* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philosophy. Sociology. Culturology]. No. 30 (245). Iss. 22. P. 100–104. (In Russ.)

Manguel A. (2020) *Istorija chtenija* [A history of reading] / Transl. by M. Junger. SPb.: Izd-vo Ivana Limbaha. (In Russ.)

Markova T. B. (2013) Chtenie kak sostavnaya obraza zhizni: bumazhnaya kniga i/ili elektronnyj tekst [Reading as part of a lifestyle: a paper book and/or an electronic text]. *Bibliosfera* [Bibliosphere]. No. 4. P. 7–15. (In Russ.)

McLuhan M. (2005) *Galaktika Guttenberga: Stanovlenie cheloveka pechatajushhego* [The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man] / Transl. by I. O. Tjurina. M.: Akademicheskij proekt: Fond "Mir". (In Russ.)

McLuhan M. (2003) *Ponimanie media: Vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: The Extensions of Man] / Transl. by V. Nikolaeva. M., Zhukovskij: Kanon-Press-C, Kuchkovo pole. (In Russ.)

Smetannikova N. N., Belokolenko M. V. (2012) Chitateli novogo pokoleniya i novaya kul'tura chteniya [Readers of the new generation and the new culture of reading]. *Chtenie v epohu postmoderna. Bibliotечноe delo* [Reading in the postmodern era. Library science]. Vol. 180. No. 18. P. 2–8. (In Russ.)

Tarulli L. (2014) Pleasure Reading: Exploring a New Definition. *Reference & User Services Quarterly*. Vol. 53. No. 4. P. 296–299. DOI: <https://doi.org/10.5860/rusq.53n4.296>

Received: 06.09.2020

Чей это ребёнок? Проблема конструирования и деконструирования родственных уз на рынке донорских гамет

DOI: 10.19181/inter.2020.12.4.6

Ссылка для цитирования:

Ларкина Т. Ю. Чей это ребёнок? Проблема конструирования и деконструирования родственных уз на рынке донорских гамет // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 4. С. 73–92. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.4.6>

For citation:

Larkina T. Yu. (2020) Whose Child is This? The Problem of Constructing and Deconstructing Kinship Bonds on the Donor Gamete Market. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 12. No. 4. P. 73–92. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.4.6>

Татьяна Ларкина*

Изобретение и последующее совершенствование технологий человеческой репродукции позволяют людям управлять репродуктивными рисками, преодолевать бесплодие и увеличивать альтернативность репродуктивного выбора. Медицина открыла доступ мужчинам и женщинам к программам сохранения биогенетического материала на перспективу, ДНК-тестам на установление отцовства и услугам по составлению генетического паспорта для выявления потенциальных заболеваний и генетических особенностей. Однако вспомогательные репродуктивные технологии, такие как донорство половых клеток и суррогатное материнство, нарушают привычную целостность репродуктивного процесса и изменяют обыденное представление людей о родстве как общности биогенетического материала. Специфика рынка донорских гамет и суррогатного материнства заключается в том, что для его функционирования и легитимации оказывается значимым одновременное конструирование и деконструирование родственных связей между донорами, реципиентами репродуктивных благ или услуг и ребёнком, рождённым с применением методов вспомогательной репродукции.

Автор статьи, основываясь на результатах социологического исследования рынка донорских половых клеток, показывает, как работники репродуктивного бизнеса координируют различные элементы собственной деятельности (технические, эмоциональные, правовые, финансовые и пр.), чтобы разрешить проблему неоднозначного определения родственных связей между

* Ларкина Татьяна — магистрантка факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», tyularkina@edu.hse.ru.

участниками донорских программ. Медицинские специалисты и представители репродуктивных агентств участвуют, с одной стороны, в деконструировании родства между донором гамет и ребёнком и, с другой стороны, в создании и поддержании родственных уз между родителями — получателями донорских половых клеток и ребёнком, с которым у них нет общих генов. Эмпирическую базу исследования составляют девять экспертных интервью с сотрудниками медицинских клиник и агентств репродукции Москвы и Санкт-Петербурга.

Ключевые слова: новые исследования родства; вспомогательные репродуктивные технологии; донорство гамет; рынок половых клеток; конструирование родства; лечение бесплодия

Амбивалентность вспомогательных репродуктивных технологий

Достижения репродуктивной медицины, в числе которых одной из контрольных отметок является рождение первого ребёнка «из пробирки» в Великобритании в 1978 году, сделали возможным лечение бесплодия и способствовали образованию рынка суррогатного материнства, донорских гамет¹ и эмбрионов. Обратная сторона медали технологического прогресса в репродукции человека — проблема коммодификации телесных благ и услуг, порождение неоднозначности в определении родства между участниками программ вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ).

Вынашивание ребёнка, донорские половые клетки и эмбрионы обладают моральным статусом в глазах людей, но в современных реалиях они превращаются в предметы рыночного обмена. Американский социолог Вивиана Зелизер отмечает, что установление денежных эквивалентов для сакральных, символически значимых явлений и объектов не протекает гладко: «Культурное сопротивление вовлечено в рыночную форму обмена определенных элементов социального порядка (а именно тех, что связаны с человеческой жизнью, смертью и эмоциями) создает в торговле этими элементами структурные источники напряжения и неоднозначности» (Зелизер, 2014: 263). Специфика рынка суррогатного материнства, донорских половых клеток и эмбрионов заключается в том, что в его функционировании и легитимации существенную роль играют одновременные процессы образования и нарушения родственных связей между донорами, реципиентами телесных благ или услуг и ребёнком, рождённым при помощи ВРТ².

¹ Гаметы — репродуктивные клетки организмов, размножающихся половым путём. Мужские гаметы называются сперматозоидами, а женские — яйцеклетками. В этой статье автор использует слово «ооцит» в качестве синонима слова «яйцеклетка».

² К примеру, социологи из НИУ ВШЭ приходят к выводу, что сотрудники клиник лечения бесплодия и агентств суррогатного материнства придают легитимный статус коммерческому суррогатному материнству в России за счет деконструирования родства между суррогатной матерью и ребёнком (Душина и др., 2016).

Современная генетика предлагает ряд опций: ДНК-тесты на установление отцовства, составление генетического паспорта человека для распознавания у него возможных заболеваний и генетических особенностей. Перед зачатием ребёнка потенциальные родители могут пройти генетическое обследование для того, чтобы определить и предупредить риски рождения у них нездорового ребёнка. Клиники репродуктивной медицины предоставляют мужчинам и женщинам услуги по сохранению их биогенетического материала, или, как это преподносят работники одной медицинской организации, услуги по «*биострахованию репродуктивной функции*».

Пациенты прибегают к криоконсервации половых клеток и эмбрионов в целях профилактики и предотвращения бесплодия, например, перед курсом химиотерапии или операцией по удалению детородных органов. Как утверждают сотрудники медицинских организаций, эта услуга востребована у мужчин, которые рискуют утратить фертильность из-за приема анаболиков или увлечения опасными для здоровья занятиями. Заморозка биогенетического материала актуальна для женщин, откладывающих рождение ребёнка ради построения карьеры, поскольку с возрастом их шансы достичь беременности с собственными яйцеклетками уменьшаются. Кроме того, стрессовое воздействие на организм способно вызвать раннюю менопаузу у представительниц женского пола. Персональное хранение спермы распространено шире, нежели хранение яйцеклеток, на то есть весомые причины — разница в стоимости и технологической сложности исполнения услуг. Так или иначе, криоконсервация гамет и эмбрионов дает «*возможность иметь генетически собственных детей*» (муж., генеральный директор медицинской клиники, Москва).

Казалось бы, родство без всяких сомнений можно определить через наличие у индивидов общего биогенетического вещества. Однако вспомогательные репродуктивные технологии изменяют такое представление людей о родстве (Carsten, 2004: 163), нарушают целостность репродуктивного процесса (рождение ребёнка возможно без полового акта) и расщепляют биологическое материнство на гестационное и генетическое (Hammons, 2008; Ragoné, 1996). С одной стороны, работники репродуктивного бизнеса заинтересованы в передаче генетического материала от родителей к ребёнку, для чего они развивают методы лечения бесплодия без привлечения донорских гамет и создают криобанки, в которых мужчины и женщины имеют возможность сохранять собственный биогенетический материал. С другой стороны, медицинские специалисты и представители агентств репродукции реализуют программы донации половых клеток, где родителями ребёнка становятся заказчики услуги, не имеющие с ним генетического родства. Возникает вопрос: как в ситуации доминирующего представления о родственной связи как о наличии общих генов (Ткач, 2013; Schneider, 1980) возможно осуществление программ донорства яйцеклеток и спермы?

В этой статье отражены результаты социологического исследования, цель которого — выявить способы и характер участия сотрудников медицинских клиник и репродуктивных агентств в конструировании и деконструировании родства на рынке донорских гамет. В эмпирическую базу исследования входят девять экспертных интервью, проведенных в 2016 году в Москве и Санкт-Петербурге. В трех случаях беседа проходила с двумя информантами, а не с одним. В интервью приняли участие руководители организаций, специализирующихся на донорстве половых клеток, и их заместители, репродуктологи, менеджер агентства репродукции, координатор программ донорства яйцеклеток и суррогатного материнства, пресс-секретарь банка репродуктивных материалов³.

Компании, имеющие отношение к донорству половых клеток, можно разделить на три группы. В первую группу входят фирмы-посредники, или агентства репродукции, у которых нет лицензии на осуществление медицинской деятельности. Они выступают связующим звеном между заказчиком донорского репродуктивного материала, донором половых клеток и медицинской клиникой. Состав второй группы образуют медицинские организации, самостоятельно реализующие программы донации гамет от начала и до конца. В третьей группе — лечебные учреждения — исполнители медицинских процедур. Они не формируют собственную базу донорского репродуктивного материала, не подбирают доноров гамет для пациентов с диагнозом «бесплодие» и не проводят между ними сделок, а лишь обеспечивают медицинское сопровождение программ донорства спермы и яйцеклеток. Работники медицинских компаний из третьей группы обычно не задействованы в разработке ценностного насыщения⁴ услуги донорства яйцеклеток и спермы. Они не опосредуют обмен половыми клетками между людьми. В эмпирической выборке их нет, в отличие от организаций из первых двух групп.

Анализ интервью с представителями репродуктивного бизнеса был произведен в три этапа. Вначале осуществлено открытое кодирование данных: определение тем, затронутых информантами. Затем — осевое кодирование, которое «стимулирует размышления о связях между концепциями и темами и поднимает новые вопросы» (Ньюман, 1998: 104). На этом этапе возникает целостная картина того, как устроен рынок услуг вспомогательной репродукции и как организована с точки зрения различных акторов процедура донорства гамет. Наконец — выборочное кодирование, прицельный анализ ключевых сюжетов исследовательского проекта, по завершении которого становится понятно, как сотрудники медклиник и агентств репродукции дискурсивно комментируют и легитимируют коммерциализированное донорство половых клеток.

³ Точного списка медицинских клиник и агентств репродукции в открытом доступе не обнаружено, но неполный их перечень можно найти на информационном портале по проблемам бесплодия и вспомогательным репродуктивным технологиям «Пробирка» (<http://www.probirka.org>) и напрямую через интернет-поисковики.

⁴ Под ценностным насыщением имеется в виду, что компании из третьей группы не создают рекламу для привлечения доноров и реципиентов гамет, не описывают услуги ВРТ на сайте клиники, фреймируя тексты определенными образом.

Родство в социальных науках вчера и сегодня

Антропологи и социологи рассматривают родство как принцип организации социальной жизни. Историю исследований этого феномена условно можно разделить на два периода — классический и современный. Принято считать, что период классических исследований родства берет начало в XIX столетии с работ Льюиса Моргана и продолжается до середины XX века (Levine, 2008; Peletz, 1995; Schneider, 1972). Классические исследования родства сфокусированы на изучении структур и функций родства, роли этого феномена в интеграции и стабильности сообществ; их концептуализация задана в терминах десцента (счета родства по крови / происхождению) и альянса (счета родства по браку) (Levine, 2008: 376–377).

В 1960-е годы социальные антропологи Родни Нидхэм, Эдмунд Лич, Дэвид Шнайдер предпринимают успешные попытки переосмыслить теорию родства структурно-функционалистского толка. Отдельно можно отметить Д. Шнайдера как наиболее видного критика классических теорий родства (Carsten, 2004; Levine, 2008: 376; Peletz, 1995). Его заслуга состоит в том, что он сместил акцент с исследования функций и структур родства на значения и смыслы, которые люди вкладывают в понятие кровнородственных отношений. В своих работах Д. Шнайдер разворачивает критику биологизированного подхода к изучению родства и опровергает тезис о том, что родственная связь основана исключительно на фактах природы (Schneider, 1980). В работе «Американское родство: счёт культуры» антрополог показывает, что американцы в описании представлений о родстве необязательно имеют в виду естественное положение дел, даже когда они апеллируют к биологии (Schneider, 1980). Информанты в принципе могут не употреблять в речи слово «родство», а рассказывать о пережитом ими опыте и излагать идеи родственной связанности в собственных категориях. Стало быть, категория родства, введенная и операционализированная социальным ученым, может не только не совпадать с категориями информантов, но и не улавливать какие-то важные элементы социальной реальности. Поэтому делом антрополога или социолога становится выяснение того, как информанты сами определяют родство (например, «кто такой родственник?», «какого человека можно назвать родным?»).

Современные исследования родства (new kinship studies) были инициированы изобретением новых методов вспомогательной репродукции человека, демографическими сдвигами и изменениями моделей брака и репродуктивного поведения, распространением практик репродуктивного туризма и междоусыновления или удочерения. В их развитии сыграли роль не только технические и социальные трансформации, но и теоретические идеи постструктурализма и конструктивизма, которые стали популярны во второй половине XX века. Например, французский социолог Пьер Бурдьё усматривает в индивидуе агента, способного к стратегическому планированию и стратегическим действиям. Индивид может использовать имеющиеся у него ресурсы, чтобы создавать различные смыслы и упорядочивать свою жизнь. Потому структуры родства не столь четкие и жесткие, как они видятся

структуралистам или структурным функционалистам (Бурдые, 2001; Peletz 1995: 351). Для приверженцев новых исследований родства родственная связь не является чем-то самоочевидным и не может быть сведена к наличию общих генов. Родство — это социальные отношения, обладающие ковким, эластичным и переменным характером, а это значит, что критерии родства могут переосмысливаться и изменяться с течением времени и под давлением различных обстоятельств (Nordqvist, 2011; Nordqvist, 2014).

Изучение феномена родства в стенах медицинских центров и агентств репродукции позволяет эксплицировать процессы конструирования и деконструирования родственных уз, которые могут быть не слишком заметны в ситуациях, когда мужчины и женщины обзаводятся детьми без медицинской или иной помощи и продолжают всю свою жизнь быть для них единственными родителями. Кроме того, вспомогательные репродуктивные технологии открывают этнографическое окно, через которое социальный исследователь может увидеть представления носителей различных культур о том, что конституирует личность и родственность (Edwards, 2006: 131), гендер и национальность (Butler, 2002; Carsten, 2004).

Донорство половых клеток в России

«Непапа», или донор спермы

Основным источником правового регулирования программ донорства гамет в России является Приказ Министерства здравоохранения РФ от 30.08.2012 N 107н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению». Нормативный акт определяет требования к отбору доноров половых клеток. Ими могут стать мужчины и женщины *«в возрасте от 18 до 35 лет, физически и психически здоровые, прошедшие медико-генетическое обследование»*. Медицинские клиники и агентства репродукции могут вводить дополнительные требования к мужчинам и женщинам, желающим донировать свои половые клетки. Компании, предоставляющие услуги донорства яйцеклеток и спермы, составляют каталоги доноров репродуктивного материала, в которых указывают информацию *«о внешних данных донора (рост, вес, цвет глаз, цвет волос, форма носа, ушей и иные), а также результатов медицинского, медико-генетического обследования донора, его расы и национальности»*. Ряд организаций расширяют анкетные данные доноров ооцитов и спермы их фотографиями, аудиозаписями голоса, мини-сочинениями; при запросе потенциальных родителей могут выдать дополнительную информацию о доноре гамет, например об их детских увлечениях или оценках в школьном аттестате.

Донация мужских половых клеток — это длительное и трудозатратное предприятие. Мужчины проходят медицинское обследование не только до попадания в программу донорства спермы: они продолжают сдавать лабораторные анализы во время участия в ней. Медицинские компании

вкладывают немало временных, денежных, человеческих ресурсов в процесс отбора доноров спермы, поэтому они заинтересованы в том, чтобы мужчины систематически посещали клинику для сдачи биогенетического материала и присутствовали на заключительном этапе обследования. Так, медклиники проводят строгий отбор доноров спермы и по параметрам состояния здоровья, и по параметрам социальной надёжности или ответственности.

«Есть этап, связанный с анкетными вещами, когда отсеиваются какие-то “экстремалы”, бомжи и прочее» (муж., генеральный директор медицинской клиники, Москва).

По оценкам информантов, вознаграждение донора за одну полноценную порцию спермы составляет в среднем 1500–5000 рублей. Мужчины по-разному мотивированы донировать половые клетки: кто-то приходит в репродуктивный банк с целью заработать денег; кто-то намерен помочь людям одолеть бездетность; кем-то движет желание *«распространиться»*, то есть оставить после себя как можно больше потомков.

Сотрудники медицинских клиник и агентств репродукции выделяют три категории людей, которые обращаются за донорской спермой: 1) разнополые пары с мужским фактором бесплодия; 2) одинокие женщины, которым не удалось найти партнера, а для них донорство спермы — это возможность обрести ребёнка; 3) однополые женские пары. Руководитель одной из медицинских клиник считает важным разнообразие *«ассортимента»* донорского репродуктивного материала, поскольку оно обеспечивает пациентам альтернативность выбора и позволяет удовлетворить их запросы на определенные параметры донора. К примеру, российская медицинская организация за счет сотрудничества с зарубежным банком спермы увеличивает собственную донорскую базу. Несмотря на то, что зарубежные порции спермы стоят дороже ввиду затрат на их транспортировку и валютного курса, обширная донорская база приводит к увеличению потока российских клиентов.

Сегодня в России нет единого национального реестра доноров спермы, который бы аккумулировал донорские базы всех организаций, предоставляющих данный вид услуги вспомогательной репродукции. Приказом Министерства здравоохранения РФ⁵ не урегулировано число детей, которые могут быть рождены от одного донора спермы. Между тем сотрудники медицинских клиник и спермобанков самостоятельно ограничивают использование донорской спермы для снижения рисков кровосмешения внутри человеческой популяции, когда количество детей, рождённых от одного донора-мужчины, превышает некоторое число (это число может варьироваться от организации к организации). Например, объединение специалистов репродуктивной медицины «Российская Ассоциация Репродукции Человека» ориентирует

⁵ Приказ Министерства Здравоохранения РФ от 30.08.2012 № 107н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению».

медицинские компании на следующую цифру: «Рождение 20 детей от одного донора на 800 тысяч населения региона является основанием для прекращения использования этого донора для реципиентов этого региона» (Вспомогательные..., 2007: 26). Отсутствие единого реестра доноров спермы делает невозможным контроль над числом детей, рождённых от одного донора-мужчины, за пределами одного медицинского учреждения. Однако некоторые клиники и банки спермы сотрудничают друг с другом и создают общий список доноров половых клеток внутри партнерской сети. Кроме того, они стараются продать донорскую сперму в другие регионы, если в собственном регионе объем продаж биогенетического материала достиг верхней допустимой отметки.

«Немама», или донор яйцеклеток

Технологическое развитие репродуктивной медицины диверсифицирует методы лечения бесплодия и приводит к распространению коммерческих услуг вспомогательной репродукции. Донорство ооцитов и суррогатное материнство стали возможными с возникновением экстракорпорального оплодотворения (ЭКО), то есть процедуры оплодотворения яйцеклетки сперматозоидом вне женского организма. Витрификация (метод сверхбыстрой заморозки биологических материалов) и криопротекторы высокого качества делают реальным продолжительное хранение ооцитов с их последующим размораживанием и применением в программах ВРТ. Банкам донорских незамороженных яйцеклеток характерна динамичность: одни женщины приходят в программу донорства гамет, другие женщины уходят из нее ввиду различных жизненных обстоятельств или по той причине, что «уже свою роль в качестве донора выполнили» (жен., координатор программ ВРТ в агентстве репродукции, Санкт-Петербург). Тем временем донация замороженных ооцитов не требует синхронизации менструальных циклов донора гамет и пациентки, не вынуждает женщин стоять в листе ожидания до тех пор, пока потенциальные родители не выберут именно их репродуктивный материал.

За последние годы увеличилось предложение на рынке донорских яйцеклеток: возросло количество специализированных организаций и доноров яйцеклеток. Если же донорство спермы — прерогатива медицинских клиник, то донорством яйцеклеток занимаются не только медицинские учреждения, но и так называемые агентства репродукции, отвечающие за организационную, немедицинскую сторону дела. Как отмечает директор петербургского агентства репродукции, в начале становления рынка донорства женских гамет предложение было сильно ограничено. Поэтому в основе подбора донора яйцеклеток главным образом лежали критерии, обеспечивающие наибольшую вероятность наступления беременности (резус-фактор), а не наибольшую внешнюю схожесть с реципиентом половых клеток. На сегодняшний день потенциальные родители могут узнать обширные данные о донорах ооцитов и выбрать нужную женщину, исходя из различных характеристик.

«Сейчас можно позволить себе какой-то параметр роста-весовой задать, потому что девушек больше, можно и на это обращать внимание» (жен., исполнительный директор агентства репродукции, Санкт-Петербург).

Доноры ооцитов — это женщины в возрасте от 18 до 35 лет. Правда, медицинские клиники и агентства репродукции нередко предпочитают выбирать женщин до 30 лет, если у тех нет донорского опыта. По наблюдениям работников репродуктивного бизнеса, среди доноров яйцеклеток преобладают одинокие женщины, для которых участие в программе донации репродуктивного материала служит финансовой поддержкой, и женщины в декретном отпуске, у которых есть время регулярно посещать врача.

«Но не могу сказать, что это какой-то очень низкий социальный слой, потому что все-таки нашу деятельность нельзя рассматривать как постоянный доход» (жен., исполнительный директор агентства репродукции, Санкт-Петербург).

Мотивацией женщин участвовать в донации гамет служит и экономический интерес, и желание совершить альтруистический поступок, а также и то, и другое одновременно. Но донорство яйцеклеток не обеспечивает женщинам постоянную занятость, поскольку потенциальные родители могут долгое время не выбирать их из донорской базы, а репродуктивное здоровье женского организма — истощаемый ресурс.

Наиболее популярным или востребованным донором ооцитов оказывается та женщина, которая обладает хорошими внешними данными, имеет красивых, здоровых детей и большой фолликулярный запас яичников, а при использовании ее яйцеклеток наступает беременность.

«Гармоничная фигура. Это не плоские модели, а именно девушка с хорошей грудью, тонкой талией, ну, и со всем остальным. Это та девушка, про которую даже я могу сказать, что это красивая девушка. В ней нет чего-то бросающегося в глаза, просто это красивая, очень женственная, милая и приятная» (жен., координатор программ ВРТ в агентстве репродукции, Санкт-Петербург).

Сотрудники медицинских клиник и агентств репродукции вводят ограничения по количеству донорских программ, в которых может участвовать женщина, или советуют донорам яйцеклеток следовать рекомендациям медицинских специалистов — сдавать гаметы до 3–10 раз. Если внутри одной организации действует учет донорских циклов, то невозможно точно знать, сколько раз женщина донировала половые клетки в других клиниках и агентствах. Донор ооцитов может скрывать информацию об участии в иных донорских программах. Как замечают информанты, сложно проконтролировать этот аспект ввиду отсутствия единого реестра доноров, анонимности донорских программ и большого количества компаний на рынке.

Пересборка родства в программах вспомогательной репродукции человека

Как уже было отмечено, донация половых клеток провоцирует неопределённость в восприятии людьми родственных связей, поэтому действия участников донорской программы и сотрудников медицинских клиник и агентств репродукции направлены на избавление от этой неопределённости. Представители репродуктивного бизнеса, с одной стороны, формируют фотобанк доноров гамет, при помощи которого заказчики репродуктивного материала воссоздают желаемые параметры потенциального ребёнка через их соответствие фенотипическим характеристикам донора. С другой стороны, в некоторых медицинских организациях и репродуктивных агентствах сотрудники не рекомендуют пациентам подбирать донора гамет по фотографии. По мнению информантов, заказчики репродуктивного материала могут искать в ребёнке черты донора, а такое занятие способно дестабилизировать их эмоциональный комфорт. Игнорирование фотографий доноров яйцеклеток и спермы содействует дистанцированию семей, обратившихся к услугам репродуктивной медицины, от доноров половых клеток. Итак, работникам организаций, специализирующихся на донации гамет, необходимо преодолевать амбивалентный характер родства, возникшего в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий. Для этого они направляют усилия на образование родственных уз между пациентами или клиентами и детьми, зачатыми искусственным путём, и на нарушение родственной связи между донорами и детьми, рождёнными при помощи их репродуктивного материала.

Медклиники и агентства репродукции предоставляют потенциальным родителям анкеты доноров половых клеток, в которых стандартно содержится информация о фенотипических признаках (цвете глаз, цвете и структуре волос, чертах лица, группе крови), росте, весе, национальности, уровне образования донора гамет. В профиле доноров-женщин дополнительно может быть прописан опыт их участия в программах донорства яйцеклеток. Политика анонимности медицинских клиник и репродуктивных агентств влияет на наличие права у потенциальных родителей посмотреть фотографии донора половых клеток. Например, для заказчиков гамет могут быть открыты только детские фотографии доноров, реже — и детские, и взрослые. Сотрудники репродуктивных компаний могут и вовсе не предоставлять фотографии доноров пациентам (клиентам). При этом информанты считают, что фотография — своеобразный карьерный лифт, который позволяет быстрее включить репродуктивный материал мужчин и женщин в программы лечения бесплодия с применением донорских ооцитов или спермы. Шаблонного набора характеристик, прописанных Минздравом России⁶, недостаточно для подбора донора гамет по критерию схожести с пациентом.

⁶ Приказ Министерства Здравоохранения РФ от 30.08.2012 № 107н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению».

«...Потому что это дает возможность им быстрее попасть в донорскую программу, потому что анонимность: цвет глаз, цвет волос, рост — и, по сути, достаточно узкая такая картинка возникает. А когда человек приходит к нам и по нашей базе данных может посмотреть фотографии, то он, конечно же, может подобрать наиболее подходящий тип кандидата по фенотипу, по похожести, внешней похожести с кем-то из родственников. Иногда получается, что даже на кого-то из супругов похожи кандидаты — в этом, конечно, большое преимущество» (жен., генеральный директор агентства репродукции, Санкт-Петербург).

По наблюдениям работников медицинских клиник и агентств репродукции, сходство фенотипических признаков донора и реципиента половых клеток — основной критерий выбора донорского репродуктивного материала, реже — сходство их личностных качеств и способностей. В данном случае подобность биосоциальных параметров донора гамет и пациента служит фундаментом для конструирования родственной близости приобретателя гамет с ребёнком, зачатый с помощью этих гамет, обеспечивает иллюзорную преемственность биогенетического вещества между поколениями родственников. Такой принцип подбора донора половых клеток исходит из представлений людей о родстве как общности генов и обусловленной ими похожести родственников друг на друга. И неважно, что какие-то способности не передаются через гены от родителей к детям, важно, что так считают члены общества.

«Для [семейных пар с мужским фактором бесплодия] важно, чтобы донор был максимально похож на супруга, потому что в идеале никто, кроме пациентов и их лечащих врачей, никто в будущем не должен знать и догадаться, что это ребёнок не биологический, а рожден с помощью донорской спермы. Для этого [донор] подбирается по каким-то объективным характеристикам. Это группа крови, <...> чтобы была у ребёнка такая группа крови, цвет глаз, цвет волос, генетические характеристики тоже, то есть генетически унаследованная характеристика, которую надо подобрать» (муж., руководитель банка репродуктивных материалов, Москва).

Существуют другие логики подбора донора яйцеклеток или спермы. Например, потенциальные родители могут выбирать самого красивого и здорового донора гамет, чтобы улучшить фенотипические и физиологические качества ребёнка. Бывает, что пациентов первым делом интересует психологический портрет донора половых клеток, на основе чего они строят предположения о будущем поведении ребёнка, его характере и возможных проблемах из-за этого. Для заказчицы ооцитов, ведущей долгую борьбу с бесплодием, достижение долгожданной беременности становится важнее ее внешнего сходства с донором яйцеклеток, хотя значимым остается соответствие донора яйцеклеток ее национальной или этнической принадлежности.

«Там уже в принципе им не имеет значения внешнее сходство, они ориентируются на группу крови. Ну, естественно, чтобы она была, если они славяне, чтобы она была славянка. И там уже единственная цель — достижение желанной беременности. Там уже не вглядываются в разрез глаз, форму губ» (жен., координатор программ ВРТ в агентстве репродукции, Санкт-Петербург).

Эмпирические исследования Чарис Томпсон показывают, что пациентки через этническую близость с донором гамет формируют родственную связь с ребёнком и нормализуют свое участие в программах экстракорпорального оплодотворения (Thompson, 2001; Carsten, 2004). В этой связи примечательны дебаты о возможностях применения вспомогательных репродуктивных технологий в Израиле. Еврейство определяется по материнской линии, поэтому ребёнок, появившийся на свет при помощи донорской спермы нееврейского мужчины, признается полностью евреем. Более того, детям, рождённым от разных женщин, но от одного донора спермы, разрешается вступать в брак, ведь они не считаются родными. Напротив, донорство яйцеклеток еще недавно активно проблематизировалось в общественно-политическом дискурсе Израиля (Carsten, 2004: 157).

При конструировании родительства важны и гендерные различия. Существенная разница между мужчинами и женщинами состоит в наборе способов, посредством которых они образуют родственную связь с детьми, иначе говоря, выполняют родительские функции. Женщины реализуют материнство в виде передачи генетического кода ребёнку (генетическое родство), вынашивания и рождения ребёнка (гестационное родство), грудного вскармливания (лактационное родство) и опеки ребёнка (социальное родство) (Исупова, 2014: 382; Ткач, 2013: 52). Мужчины осуществляют отцовство только через генетическое и социальное родство. Фрагментация биологического материнства на генетическое и гестационное создает люфт для манипуляций над конструктором родства. Так, работники репродуктивного бизнеса и участники программы донации ооцитов дискурсивно принижают значимость генетической связи ребёнка с донором яйцеклетки, но преувеличивают его гестационное родство с реципиентом гамет⁷. Вдобавок они подчеркивают наличие эмоциональной близости матери с ребёнком в период его вынашивания.

«[Доноры ооцитов] пытаются сказать, что это не их ребёнок. Для женщины, наверное, психологический момент в том, ребёнок он ее или не ее, является, что она его вынашивает. Все-таки ребёнок мой, когда я его вынашиваю. То же самое и для пациенток, которые обращаются к нам за донорами. Да попробуй женщине, которая выносила этого ребёнка, сказать, что он не ее!» (жен., исполнительный директор агентства репродукции, Санкт-Петербург).

⁷ В случае суррогатного материнства происходит дискурсивное умаление значимости гестационной связи ребёнка с суррогатной матерью, но преувеличение его генетического родства с бесплодной женщиной или супружеской парой с женским фактором бесплодия (Душина и др., 2016).

Кажется важным, что у женщин есть преимущество перед мужчинами в количестве способов установления родственной связи с ребёнком. Через реализацию того или иного типа родства человек может выстраивать свою нормативную гендерную идентичность, утверждать себя в материнстве или отцовстве. Недоступность той или иной вариации родственной связи с ребёнком, очевидно, может по-разному проблематизировать феминность или маскулинность человека.

«Часто для супругов это безумно тяжело, сразу так скажу, женщине согласиться на донорство яйцеклетки намного проще, потому что она сама выносит этого ребёнка, для нее он, как минимум, будет ее потому, что она его выносила. Мужчинам же, которые знакомы с медициной и биологией, намного сложнее, потому что это не его потомство, он прекрасно понимает. Поэтому в основном приходят жены без супругов, потому что им очень тяжело. Редко когда приходят супруги: там по-разному бывает, иногда сидят в уголочке, не могут связать двух слов, потому что им может быть стыдно, сложно» (муж., руководитель банка репродуктивных материалов, Москва).

Беременность и роды являются существенным элементом женской идентичности (Исупова, 2014), а мужская идентичность тесно связана с фертильностью (Кон, 2009). Возможность реализовать генетическое родство для мужчины более значимо, чем для женщины, поскольку только так он может создать биологическую родственность с ребёнком и нормативно утвердить мужскую идентичность. Исходя из этого, можно предположить, что вопрос об ограничении контакта доноров гамет с реципиентами его репродуктивных клеток и детьми стоит острее в случае донации спермы, а не яйцеклеток⁸. Донор ооцитов в меньшей степени чувствует связанность с ребёнком и в меньшей степени угрожает целостности семьи реципиентов, чем донор спермы. Поэтому у сотрудников медицинских клиник и агентств репродукции нет необходимости так жестко лимитировать контакт донора ооцитов с заказчиками гамет и ребёнком, как в деле с донором спермы.

Информанты склонны интерпретировать производство родственных уз «в пробирке» через биоматериал супруга в паре как более легитимный, нежели через биоматериал анонимного донора спермы.

«Но родители, которые сейчас обращаются за донорами, они используют сперму любимого мужа, да, это уже как бы ребёнок их семьи изначально» (жен., исполнительный директор агентства репродукции, Санкт-Петербург).

Примечательно, что ни один из информантов не упомянул, что подобным образом бесплодный мужчина может устанавливать родственную связанность

⁸ Это допущение справедливо для культурного контекста России, но никак не Израиля.

с ребёнком от донора спермы. Но в любом случае работники репродуктивного бизнеса признают бесплодных пациентов или клиентов родителями ребёнка. Остальных участников программы ВРТ, будь то доноры гамет или суррогатные матери, они рассматривают как помощников. Однако этих дискурсивных приемов недостаточно, чтобы нарушить генетическое родство между детьми и репродуктивными «ассистентами».

Так, специалисты компаний репродукции обесценивают усилия, которые мужчины и женщины предпринимают при донации половых клеток. Это заглушает или подавляет символическую близость доноров гамет с детьми «в пробирке».

«Все-таки поделиться яйцеклетками попроще. <...> Так же, как и кровью» (жен., заместитель директора агентства репродукции, Москва).

Коммерциализация отношений между донорами репродуктивного материала и потенциальными родителями производит подобный эффект.

«Оплодотворили, не оплодотворили — это, извините, уже не ваше дело. Ваше дело — сдали, получили [деньги]» (муж., генеральный директор агентства репродукции, Санкт-Петербург).

Стоит отметить, что в таком виде донорство гамет ценностно противоречиво. Чтобы продать яйцеклетки и сперму, нужно деконструировать родство между донором и ребёнком. А чтобы деконструировать родство между донором и ребёнком, нужно объективировать донора и коммодифицировать его репродуктивные блага. В свою очередь объективация человека и коммодификация репродуктивных благ встречают сопротивление со стороны членов общества. Но возможность бесконфликтной организации донорства половых клеток — отдельный предмет разговора, выходящий за рамки этой статьи.

Молчание — золото?

В России официально разрешены анонимные и неанонимные программы донорства половых клеток. Заказчики гамет могут выбрать неизвестных им ранее мужчин или женщин в качестве неанонимных доноров из базы репродуктивных материалов в специализированных компаниях или привести своего знакомого / свою знакомую в медклинику. Но работники репродуктивного бизнеса указывают на подводные камни в донации половых клеток от знакомого человека: неизвестны перспективы развития отношений между реципиентами и донорами гамет. Знакомые реципиентов репродуктивного материала могут рассекретить информацию о реальном происхождении ребёнка, что вызовет его стигматизацию со стороны окружения из-за его «полукровности» или «искусственности».

Анонимные программы предоставляют возможность сделать процедуру донации половых клеток менее напряженной и менее опасной для всех участников программы ВРТ. Однако рассказывать или не рассказывать ребёнку, родственникам и знакомым о его происхождении — индивидуальное дело родителей. Рене Алмелинг пишет, что в условиях развития медицинских технологий женщина становится «пионером морали». Например, появление ультразвукового исследования (УЗИ) ставит женщину в ситуацию выбора, когда она должна решить, нужно ли ей знать информацию, полученную в результате УЗИ, или нет, и как на нее реагировать (Almeling, 2015: 426). В случае донорства половых клеток «пионерами морали» оказываются родители, чей ребёнок был рожден благодаря вкладу донора яйцеклеток или спермы.

Существует несколько причин, почему заказчики гамет утаивают информацию о том, каким образом у них появился ребёнок. Во-первых, мужчины переживают диагноз «бесплодие» как удар по их маскулинности. Поэтому гетеросексуальные семьи предпочитают скрывать факт обращения к донору спермы. Во-вторых, люди полагают, что ребёнок будет меньше любить негенетических родителей по сравнению с тем, как если бы они были ему генетически родными (Levine, 2008: 384). Однако социологические данные показывают, что отношение детей к негенетическим, приемным родителям не всегда безальтернативно негативное. Дети склонны отдавать приоритет биогенетическому родству тогда, когда не сформирована диффузная солидарность между ними и приемными родителями. Напротив, наличие теплых отношений с усыновителями приводит к тому, что дети именно их воспринимают «настоящими» родителями (Carsten, 2004).

Работники медклиник и агентств репродукции помогают пациентам или клиентам в борьбе с их страхами и переживаниями, беря на себя эмоциональную работу по выстраиванию дискурса новой родственной связи.

«Я постоянно говорю: “Вы здесь были, всё, забудьте, что вы здесь были. На самом деле это ваш ребёнок, никого другого”» (муж., врач-репродуктолог в медицинской клинике, Москва).

Мужчины и женщины, донирующие репродуктивный материал, также могут испытывать сомнения и опасения. Например, доноры спермы...

«...обычно боятся, чтобы их никто не видел. Вот эти моменты важны, что не предоставим ли мы кому-то информацию именно об этом человеке. Почему это важно? Потому что он потом никак не сможет доказать, что данная женщина не имела с ним обычного полового контакта и не подала на алименты. Ну, каким образом? Никаким. Ему надо идти, узнавать участвовала ли женщина, через соц. сети вопросы поднимать. Ну, это очень сложно» (жен., репродуктолог в медицинском институте, Санкт-Петербург).

Специалисты репродуктивных компаний устанавливают порядок оказания услуги донорства гамет так, чтобы сохранить границы приватности доноров

и обеспечить им эмоциональную безопасность. Этот порядок приобретает устойчивость благодаря его воплощению в материальности и нормативно-правовой обеспеченности (Тевено, 2000; Тевено, 2004). Донация репродуктивного материала скрыта от постороннего взгляда в тщательно регулируемом приватном пространстве — в «мужских комнатах» (помещениях для сдачи донорской спермы), что превращает сперму из сексуального в более безопасный и менее двусмысленный клинический объект (Nordqvist, 2011: 1666).

Донору гамет нежелательно знать, сколько от него было рождено детей. По мнению сотрудников медклиник и репродуктивных агентств, это знание сопряжено с негативными в морально-эмоциональном плане последствиями для донора гамет. Кроме того, количество сданных порций спермы не равно числу рождённых детей, а количество циклов в рамках программы ооцитов может не соответствовать числу наступлений беременности, тем более — числу рождённых детей. Но не во всех организациях действует табу на разглашение донорам половых клеток информации том, сколько детей рождено с помощью их биогенетического материала. Трудно отрицать, что ребёнок является генетически родственным донору половых клеток. Анонимизация донора ослабляет его связанность с отпрыском, но интенсифицирует сближение пациентов или клиентов с ребёнком.

Заключение, но не медицинское

Технологии человеческой репродукции помогают нефертильным или субфертильным людям побороть бездетность и стать родителями долгожданного ребёнка. Однако донорство половых клеток, эмбрионов и суррогатное материнство порождают неоднозначность в определении родственных связей между пациентами, проходящими лечение бесплодия, донорами репродуктивного материала или суррогатными матерями и детьми, появившимися на свет в результате применения методов ВРТ. Когда в культуре доминирует представление о родстве как о биогенетической общности, а на основе знания о генетических корнях люди выстраивают свое представление о родстве (Carsten, 2004; Schneider, 1980), смысл услуг по донации клеток нуждается не только в медицинском обосновании, но и в социальной легитимации с учетом возникающих противоречий. Поэтому конструирование и деконструирование родства со стороны работников репродуктивных агентств и клиник становится значимым моментом в обеспечении связи между позиционированием коммерческой услуги на репродуктивном рынке для клиентов и миром обыденных представлений о родстве.

Представители репродуктивного бизнеса ведут дискурсивную работу по обособлению доноров гамет от потенциальных родителей и детей, зачатых «в пробирке» или посредством искусственной инсеминации, поддерживают политику анонимности и конфиденциальности в программах донации гамет, сегментируют процесс репродукции человека и коммерциализируют его этапы, помогают как донорам спермы и ооцитов, так и потенциальным родителям управлять эмоциональным напряжением. Политика приватности

перенаправляет дискурсивно обслуживаемые отношения в разряд родственно-квалифицируемых для клиентов и ребёнка, рождённого с помощью ВРТ.

Люди могут по-разному создавать, разрушать и осмысливать родство. Специалисты медклиник и агентств репродукции технологически воссоздают комбинированные формы родства, признают за заказчиками донорского биогенетического материала право на материнство и отцовство, а также прилагают дискурсивные усилия по воодушевлению своих клиентов на принятие родительской роли. Исследование обнаруживает несколько подходов к образованию родственной связи между бесплодными пациентами и искусственно зачатыми детьми. Во-первых, подбор донора половых клеток по принципу схожести с пациентом делает возможным восстановление (имитацию) генетического родства. Во-вторых, кровнородственная связь с ребёнком может быть осмыслена через парциальное родство: ребёнок наполовину состоит из генетического материала супруга или супруги пациента. В-третьих, женщины — реципиенты ооцитов выстраивают родство с ребёнком через вынашивание и роды; они наделяют эмоциональной важностью период их близости с ребёнком во время беременности. В-четвертых, родство может быть задано через практики заботы, воспитания и опеки в отношении ребёнка.

Действительно, работники организаций, оказывающих услуги репродуктивной медицины, могут предлагать способы конструирования и деконструирования родства, отличные от тех, что используют доноры и реципиенты репродуктивных благ. Более того, представители медклиник и агентств репродукции собирают родство из разных компонентов при реализации диаметрально противоположных программ ВРТ — суррогатного материнства и донорства ооцитов. В любом случае они, опираясь на смысловые ресурсы общей культуры, оперируют этими компонентами так, чтобы заказчики репродуктивных услуг как клиенты специфического рынка сумели обнаружить себя в качестве родителей.

Литература

Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001.

Вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ) (рекомендации для врачей) // Общероссийская общественная организация «Российская Ассоциация Репродукции Человека». СПб., 2007. С. 1–61.

Душина А. Д., Керша Ю. Д., Ларкина Т. Ю., Проворова Д. Д. Легитимация коммерческого суррогатного материнства в России // Экономическая социология. 2016. Т. 17. № 1. С. 62–82. DOI: <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2016-1-62-82>

Зелизер В. Человеческие ценности и рынок: страхование жизни и смерть в Америке XIX века // Классика новой экономической социологии / Сост.: В. В. Радаев, Г. Б. Юдин. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2014. С. 260–283.

Исупова О. Г. Роды как ценность в интернет-дискурсе субфертильных женщин о донорстве яйцеклеток и суррогатном материнстве // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12. № 3. С. 381–396.

Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009.

Ньюман Л. Анализ качественных данных // Социологические исследования. 1998. № 12. С. 101–114.

Тевено Л. Какой дорогой идти? Моральная сложность «обустроенного» человечества // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 3. С. 87–111.

Тевено Л. Организованная комплексность: конвенции координации и композиция экономических образований // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. С. 19–42.

Ткач О. «Наполовину родные»? Проблематизация родства и семьи в газетных публикациях о вспомогательных репродуктивных технологиях // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11. № 1. С. 49–68.

Almeling R. Reproduction // Annual Review of Sociology. 2015. Vol. 41. P. 423–442. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-073014-112258>

Butler J. Is Kinship Always Already Heterosexual? // Differences: A Journal of Feminist Cultural Studies. 2002. Vol. 13. № 1. P. 14–44. DOI: <https://doi.org/10.1215/10407391-13-1-14>

Carsten J. After Kinship (New Departures in Anthropology). Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Edwards J. Reflecting on the “Euro” in “Euro-America” Kinship: Lithuania and the United Kingdom // Acta historica universitatis Klaipedensis / Ed. by V. Čiubrinskas, R. Sliužinskas. Klaipėda: Institute of Baltic Sea Region History and Archaeology, 2006. P. 129–136.

Hammons S. A. Assisted Reproductive Technologies Changing Conceptions of Motherhood? // Affilia. 2008. Vol. 23. № 3. P. 270–280. DOI: <https://doi.org/10.1177/0886109908319119>

Levine N. Alternative Kinship, Marriage, and Reproduction // Annual Review of Anthropology. 2008. Vol. 37. P. 375–389. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.anthro.37.081407.085120>

Nordqvist P. Bringing Kinship into Being: Connectedness, Donor Conception and Lesbian Parenthood // Sociology. 2014. Vol. 48. № 2. P. 268–283. DOI: <https://doi.org/10.1177/0038038513477936>

Nordqvist P. Choreographies of Sperm Donations: Dilemmas of Intimacy in Lesbian Couple Donor Conception // Social Science & Medicine. 2011. Vol. 73. № 11. P. 1661–1668. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2011.09.033>

Peletz M. G. Kinship Studies in Late Twentieth-Century Anthropology // Annual Review of Anthropology. 1995. Vol. 24. № 1. P. 343–372. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.an.24.100195.002015>

Ragoné H. Chasing the Blood Tie: Surrogate Mothers, Adoptive Mothers and Fathers // American Ethnologist. 1996. Vol. 23. № 2. P. 352–365. DOI: <https://doi.org/10.1525/ae.1996.23.2.02a00090>

Schneider D. M. American Kinship: A Cultural Account. Chicago: University of Chicago Press, 1980. DOI: <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226227092.001.0001>

Schneider D. M. What Is Kinship All about // Kinship studies in the Morgan centennial year. 1972. Vol. 21. № 3. P. 32–63. DOI: <https://doi.org/10.1037/e596452011-004>

Thompson C. Strategic Naturalizing: Kinship in an Infertility Clinic // Relative Values: Reconfiguring Kinship Studies / Ed. by S. Franklin, S. McKinnon. Durham: Duke University Press, 2001. P. 175–202. DOI: <https://doi.org/10.1215/9780822383222-007>

Дата поступления: 08.11.2020

Whose Child is This? The Problem of Constructing and Deconstructing Kinship Bonds on the Donor Gamete Market

DOI: 10.19181/inter.2020.12.4.6

Tatyana Larkina

Larkina Tatyana — Master's student, Faculty of Social Sciences, HSE University, tyularkina@edu.hse.ru.

Invention and subsequent development of human reproduction technologies allow people to manage reproductive risks, overcome infertility and widen alternative reproductive choice.

Medicine has given men and women the access to programmes of saving biogenetic material, DNA-tests for identifying paternity and services for creating a genetic passport which identifies potential diseases and genetic peculiarities. However, assisted reproductive technologies, such as donorship of sex sells and surrogate motherhood, are violating the familiar integrity of reproductive process and changing the usual perception of kinship as sharing of biological substance. A distinguishing feature of the market for gamete donation and surrogate motherhood lies in the importance of both construction and deconstruction of kinship between donors, recipients of reproductive goods and services and a baby, who is born with the help of the ART methods (assisted reproductive technologies).

Basing on the results of sociological research of donor sex sells market, the author of the article shows us how members of reproductive business coordinate different parts of their work (technical, emotional, legal, financial etc.), in order to solve the controversial problem of defining kinship between the participants of the donor programmes. On the one hand, medical specialists and representatives of reproductive agencies take part in destroying the kinship between a gamete donor and a baby, and on the other hand, they participate in creating and supporting kin ties between parents received donor sex sells and a baby, who doesn't have common gens with them. Empirical study base consists of expert interviews with the employees of medical clinics and reproductive agencies in Moscow and Saint Petersburg.

Keywords: new kinship studies; assisted reproductive technologies; gamete donation; market for gamete donation; kinship making; fertility treatment

References

- Almeling R. (2015) Reproduction. *Annual Review of Sociology*. Vol. 41. P. 423–442. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-073014-112258>
- Bourdieu P. (2001) *Prakticheskij smysl* [Practical Reason]. SPb.: Aletejya. (In Russ.)
- Butler J. (2002) Is Kinship Always Already Heterosexual? *Differences: A Journal of Feminist Cultural Studies*. Vol. 13. No. 1. P. 14–44. DOI: <https://doi.org/10.1215/10407391-13-1-14>
- Carsten J. (2004) *After Kinship (New Departures in Anthropology)*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dushina A. D., Kersha Yu. D., Larkina T. Yu., Provorova D. D. (2016) Legitimaciya kommercheskogo surrogatnogo materinstva v Rossii [Legitimation of Commercial Surrogacy in Russia]. *Ekonomicheskaya sociologiya* [Journal of Economic Sociology]. Vol. 17. No. 1. P. 62–82. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2016-1-62-82>
- Edwards J. (2006) Reflecting on the “Euro” in “Euro-America” Kinship: Lithuania and the United Kingdom. *Acta historica universitatis Klaipedensis* / Ed. by V. Čiubrinskas, R. Sliužinskas. Klaipėda: Institute of Baltic Sea Region History and Archaeology. P. 129–136.
- Hammons S. A. (2008) Assisted Reproductive Technologies Changing Conceptions of Motherhood? *Affilia*. Vol. 23. No. 3. P. 270–280. DOI: <https://doi.org/10.1177/0886109908319119>
- Isupova O. G. (2014) Rody kak cennost' v internet-diskurse subfertil'nyh zhenshhin o donor-stva jajce-kletok i surrogatnom materinstve [Childbirth as a Value in the Internet Discourse of Subfertile Women about Egg Donation and Surrogacy]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Studies]. Vol. 12. No. 3. P. 381–393. (In Russ.)
- Kon I. S. (2009) *Muzhchina v menyayushchemsya mire* [Man in the Changing World]. M.: Vremya. (In Russ.)
- Levine N. (2008) Alternative Kinship, Marriage, and Reproduction. *Annual Review of Anthropology*. Vol. 37. P. 375–389. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.anthro.37.081407.085120>
- Neuman L. (1998) Analiz kachestvennyh dannyh [Qualitative Data Analysis]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12. P. 101–114. (In Russ.)

Nordqvist P. (2011) Choreographies of Sperm Donations: Dilemmas of Intimacy in Lesbian Couple Donor Conception. *Social Science & Medicine*. Vol. 73. No. 11. P. 1661–1668. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2011.09.033>

Nordqvist P. (2014) Bringing Kinship into Being: Connectedness, Donor Conception and Lesbian Parenthood. *Sociology*. Vol. 48. No. 2. P. 268–283. DOI: <https://doi.org/10.1177/0038038513477936>

Peletz M. G. (1995) Kinship Studies in Late Twentieth-Century Anthropology. *Annual Review of Anthropology*. Vol. 24. No. 1. P. 343–372. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.an.24.100195.002015>

Ragoné H. (1996) Chasing the Blood Tie: Surrogate Mothers, Adoptive Mothers and Fathers. *American Ethnologist*. Vol. 23. No. 2. P. 352–365. DOI: <https://doi.org/10.1525/ae.1996.23.2.02a00090>

Schneider D. M. (1972) What Is Kinship All about. *Kinship studies in the Morgan centennial year*. Vol. 21. No. 3. P. 32–63. DOI: <https://doi.org/10.1037/e596452011-004>

Schneider D. M. (1980) *American Kinship: A Cultural Account*. Chicago: University of Chicago Press. DOI: <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226227092.001.0001>

Thevenot L. (2000) Kakoj dorogoj iditi? Moral'naya slozhnost' "obustroennogo" chelovechestva [Which Road to Follow? The Moral Complexity of an "Equipped" Humanity]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 3. No. 3. P. 87–111. (In Russ.)

Thevenot L. (2004) Organizovannaya kompleksnost': konvencii koordinacii i kompoziciya ekonomicheskikh obrazovaniy ["Organized complexity: conventions of coordination and composition of economic entities"]. *Zapadnaya ekonomicheskaya sociologiya: Hrestomatiya sovremennoj klassiki* [Western Economic Sociology: Reader of Contemporary Classics]. M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya. P. 19–42. (In Russ.)

Thompson C. (2001) Strategic Naturalizing: Kinship in an Infertility Clinic. *Relative Values: Reconfiguring Kinship Studies* / Ed. by S. Franklin, S. McKinnon. Durham: Duke University Press. P. 175–202. DOI: <https://doi.org/10.1215/9780822383222-007>

Tkach O. A. (2013) "Napolovinu rodnye"? Problematizaciya rodstva i sem'i v gazetnyh publikacijah o vspomogatel'nyh reproduktivnyh tekhnologiyah ["Half-Akin?" Problematization of Parenthood and Family in Newspaper Publications on Reproductive Technologies]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noj politiki* [Journal of Social Policy Studies]. Vol. 11. No. 1. P. 49–68. (In Russ.)

Vspomogatel'nye reproduktivnye tekhnologii (VRT) (rekomendacii dlya vrachej) [Assisted Reproductive Technologies (Recommendations for Doctors)]. *Obshcherossijskaya obshchestvennaya organizaciya "Rossijskaya Associaciya Reprodukcii Cheloveka"* [All-Russian public organization "Russian Association of human Reproduction"]. SPb., 2007. P. 1–61. (In Russ.)

Zelizer V. (2014) Chelovecheskie cennosti i rynek: strahovanie zhizni i smert' v Amerike XIX veka [Human Values and the Market: The Case of Life Insurance and Death in 19th-Century America]. *Klassika novoj ekonomicheskoy sociologii* [Classic of New Economic Sociology]. M.: Izd. dom NIU VSHE. P. 260–283. (In Russ.)

Received: 08.11.2020

Факторы успеваемости в представлении участников образовательного процесса: средние школы в Республике Мали

DOI: 10.19181/inter.2020.12.4.7

Ссылка для цитирования:

Камара И., Траоре И. Факторы успеваемости в представлении участников образовательного процесса: средние школы в Республике Мали // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 4. С. 93–113. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.4.7>

For citation:

Camara I., Traore I. (2020) Factors of Academic Performance in the Perception of Participants in Education: Secondary Schools in the Republic of Mali. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 12. No. 4. P. 93–113. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.4.7>

Ишака Камара*, Ибрагим Траоре**¹

В этой статье мы представляем результаты анализа факторов успеваемости учеников средних школ в Республике Мали на примере государственной школы (Торокоробугу Б в городе Бамако) и общинной школы (Катьёрни Кадиоло в регионе Сикассо). Исследование призвано ответить на вопрос: каковы представления участников образовательного процесса о факторах, влияющих на успеваемость учеников? Для ответа на этот вопрос мы анализировали их высказывания о связи между внешними и внутренними характеристиками школы и уровнем успеваемости учеников. В результате мы детализировали роль отдельных объективных факторов (характеристики класса, школы и учителя) и субъективных характеристик ученика (его любви к школе и самооценки) в их воздействии на академическую успеваемость учеников.

В исследовании был использован метод полуструктурированного интервью. Выборка составила 444 человека, в том числе 112 учителей средней

* Камара Ишака — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии и антропологии, Университет литературы и гуманитарных наук Бамако, camarai2000@yahoo.fr.

** Траоре Ибрагим — кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры педагогики, Университет литературы и гуманитарных наук Бамако, mussotra@yahoo.fr.

школы, 56 административных работников в сфере образования (директоров школ и советников по образованию) и 276 учеников.

Ключевые слова: академическая успеваемость; ученик; средняя школа; неполное среднее образование; эффекты школы; эффекты класса; эффекты ученика; индивидуальные способности

Введение: образовательная ситуация в Республике Мали

С момента обретения Республикой Мали независимости (22 сентября 1960 года) начался процесс масштабного реформирования системы образования. Требовалось в короткие сроки подготовить квалифицированные кадры для средней и высшей школы. Важную роль в этом процессе сыграла реформа 1962 года, которая стала началом формирования малийской школы при первой Республике. В ходе этой реформы были построены новые школы, подготовлены учителя, предоставлено необходимое оборудование. Вследствие государственного переворота, организованного военными 19 ноября 1968 года, многие демократические преобразования, происходившие в стране, были приостановлены. Отразилось это и на образовании: с 1969 года началось сокращение прав и социальных льгот, предоставляемых учителям (репрессии против синдикализма, несвоевременная выплата заработной платы, злоупотребления в отношении учителей, принудительное увольнение с работы и др.).

Однако в этот же период школа способствовала укреплению профессиональной подготовки учеников за счет их участия в трудовой деятельности, что было отражено в программе аграризации средней школы. Она реализовывалась с 1970 года как экспериментальная программа Педагогического института общего образования в Сикассо, а с 1975 года была введена во всех общеобразовательных школах.

Следующий этап реформирования системы школьного образования начался в 1994 году, в период Третьей Республики, когда в стране была запущена программа приватизации образования путём создания общинных школ. В 1996 году была подготовлена новая десятилетняя Программа развития образования для планового и стратегического изменения системы образования в Мали на период с 1998 по 2008 год. Эта реформа учебной программы, направленная на внедрение интегрированного подхода¹, основанного на компетенциях, была призвана решить проблему повышения качества начального и среднего образования. Низкое качество образования отражалось

¹ Интегрированным подходом, основанным на компетенциях, является методология построения учебных программ в соответствии с логикой компетенций, основанная на стратегическом и интегративном подходе к целям, задачам и средствам обучения с точки зрения результатов и процессов. Этот метод призван стать ответом на ряд опасений, высказанных должностными лицами системы образования, учителями, родителями, учениками и партнерами по развитию. Все они стремятся к тому, чтобы школа отныне была связана с реалиями жизни меняющегося общества и ученика, агента своего собственного обучения.

в неактуальной учебной программе, реализация которой не соответствовала ожиданиям общества и запросам на инновации в образовании. В 2008 году была принята система «бакалавр — магистр — кандидат наук» (БМК).

Эти реформы значительно улучшили доступ жителей Мали к образованию. В 2017–2018 учебном году общий коэффициент зачисления в первый цикл неполного среднего образования² в Мали в целом оценивается в 76,1%, а во второй цикл — в 54,6% (Enquête..., 2017: 30–34). На первый цикл обучения чаще зачислялись мальчики, чем девочки, но разрыв постепенно сокращался (Enquête..., 2017: 34). В то же время положительной динамике угрожает постоянно растущее число учеников, которые проводят более года в одном классе или отчисляются из школы до конца девятого класса (Tendances..., 1998). При этом процент отчислений в первом цикле обучения несколько ниже, чем во втором цикле: 34,3% против 49,5% (Enquête..., 2017: 36).

Экономической и политической столицей Мали является Бамако, численность населения которого составляет 2 156 690 жителей (Enquête..., 2017: 25). В городе находятся две академии обучения³: академия левого берега, состоящая из 8 инспекций по неполному среднему образованию⁴, и академия правого берега, включающая в себя в свою очередь 7 подобных инспекций, в том числе инспекцию Торокоробугу Б, которая была включена в данное исследование. Эти академии осуществляют национальную политику в области образования через инспекции по неполному среднему образованию, которые занимаются мониторингом школ в соответствующих округах (Banque, 2005: 31).

Регион Сикассо расположен на крайнем юге страны, его население составляет 2 625 919 человек (по данным на в 2009 г.). Регион состоит из 7 округов и 147 коммун (Recensement..., 2009). В его школьную инфраструктуру входят 8 инспекций по неполному среднему образованию, 3 педагогические академии, 39 дошкольных учреждений, 3 337 классные комнаты, 7 институтов подготовки учителей и 3 института профессиональной подготовки. Инспекция по неполному среднему образованию Кадидоло расположена

² Неполное среднее образование в Мали является компонентом подсистемы начального образования. Это уникальный девятилетний блок, включающий два начальных класса (первый и второй год), два класса способностей (третий и четвертый год), два класса консолидации (пятый и шестой год) и три класса ориентации (седьмой, восьмой и девятый годы). Первый цикл охватывает первые шесть классов и заканчивается получением сертификата о начальном образовании. Второй цикл включает следующие три класса и заканчивается получением сертификата о неполном среднем образовании. Третий цикл обучения в средней школе длится еще три года и завершается экзаменом, после которого учащийся получает диплом, дающий возможность поступать в высшие учебные заведения.

³ Академия обучения является инстанцией для реализации политики министерства на региональном уровне. Она координирует образовательную деятельность (на уровне начального и неполного среднего образования) и работает в тесном сотрудничестве с местными властями, в частности с Региональной ассамблеей.

⁴ Инспекция по неполному среднему образованию является надзорной структурой и локальным органом по реализации политики в области образования. Она способствует обновлению образовательных программ и методов и участвует в образовательной деятельности, непрерывном обучении, исследованиях, производстве учебных материалов и, в более общем смысле, оживлении школьной жизни. Наряду с качеством обучения, подготовкой учителей и повышением их квалификации инспекция также предоставляет местным властям техническую поддержку, в частности в отношении обеспечения доступа в школу и оплаты содержания учеников.

в регионе Сикассо. В ее состав входят 39 государственных школ, 5 частных школ и 69 общинных школ, в том числе общинная школа Катъёрни (Projet..., 2003: 39).

Несмотря на вышеупомянутые инновации в школах, одних изменений в системе образования недостаточно для значительного повышения успеваемости учеников. Качества неполного среднего образования все еще недостаточно для обеспечения выпускникам устойчивых навыков чтения. Наблюдаются слабые результаты на государственных экзаменах и сильные расхождения в уровне образования выпускников. Поэтому важно проводить исследования для того, чтобы лучше понимать объективные и субъективные факторы, влияющие на успеваемость в средней школе.

Представленная статья направлена на изучение факторов успеваемости учеников в вышеупомянутых школах с позиции различных участников образовательного процесса (учителей, администраторов, учеников). В первой части рассматриваются теория и методология исследования, кратко описываются подходы к изучению успеваемости и формирование выборки. Вторая часть посвящена качественному анализу интервью с работниками школ и учениками.

Теоретико-методологические основания исследования: две концепции академической успеваемости

В целом существует две концепции академической успеваемости, которые дополняют друг друга: детерминистская и индивидуалистическая.

Первый подход, сторонниками которого являются Пьер Бурдьё, Жан-Клод Пассерон (Bourdieu, Passeron, 1970: 196), Кристиан Бодело и Роше Эстабле (Baudelot, Establet, 1971), связывает академическую успеваемость с культурным багажом, который ученики накопили во время социализации в определенных социальных группах. Эта теория социального происхождения учеников показывает, что механизмы отбора, действующие в школах и применяемые в них методы обучения, ориентированы на учеников из обеспеченных семей. Следовательно, академическая успеваемость — это запланированный результат в зависимости от режима функционирования общества. Одна категория образовательных институтов предназначена для того, чтобы формировать лидеров бизнеса, другая — на тех, кто станет ремесленниками, сельскохозяйственными рабочими. В целом система образования приносит пользу преимущественно ученикам из материально благополучных семей благодаря их общекультурному наследию — изначально большему, чем у учеников из малообеспеченных семей.

Второй подход, сторонниками которого являются Рэймонд Будон (Boudon, 1973) и Мари Дюру-Белла (Duru-Bellat, 2003), основан скорее на переменных, связанных с будущим, социальными и школьными проектами, а также на рациональной способности отдельных учеников принимать решения. Между учениками существуют индивидуальные различия, независимо от их материального положения или географического происхождения,

независимо от того, находятся ли они в выгодном или неблагоприятном положении.

В целом первый подход подчеркивает связь между социальными ролями, ценностями и ожиданиями общества, а второй подразумевает идею индивидуального присвоения и трансформации школьной среды, в которой действует ученик.

Методические аспекты исследования

В данной работе под *академической успеваемостью* мы понимаем уровень школьных успехов, основанный на прогрессе ученика по трем измерениям: преподаваемые предметы, конструктивные отношения и поведение, и понимание мира.

Социально значимыми факторами успеваемости любого ученика являются:

- 1) способность достигать хороших результатов в обучении и сформировать определенный ресурс (Bourdieu, Passeron, 1970);
- 2) возможность посещать учебное заведение и пользоваться условиями обучения (Beck, Murphy, 1998);
- 3) обучение под руководством хорошо подготовленного, опытного учителя, который регулярно проводит занятия и выбирает подходящие методы обучения (Bressoux, 2006);
- 4) умение правильно оценивать свое положение в группе (как однородной, так и неоднородной), позитивно оценивать одноклассников (Kerckhoff, 1986);
- 5) способность проявлять инициативное поведение, стремление к лидерству и успеху (Pinto, 2014).

Можем ли мы изучать влияние этих факторов по отношению к ученикам из Бамако и Сикассо? Или мы собираемся открывать другие объективные и субъективные факторы?

Метод интервью, который применялся в исследовании, дает респондентам возможность свободно выражать свое мнение о факторах успеваемости в средней школе и позволяет узнать их личный опыт. Этот подход придает большее значение различным аспектам педагогических практик и подчеркивает важность убеждения, эмоции для объяснения факторов успеваемости, рассматривая их как различные существенные факторы. Максимально варьируя профили интервьюируемых (в зависимости от пола, статуса, места жительства, участия в образовательном процессе), мы действовали по принципу снежного кома и максимального насыщения информации.

Выборка составила 444 человека, в том числе 112 учителей средней школы, 56 администраторов (директоров школ и советников по образованию) и 276 учеников. Выбор этих категорий респондентов обусловлен их непосредственным участием в образовательном процессе. С представителями этих групп были проведены индивидуальные полуструктурированные интервью лицом к лицу, чтобы никакое миметическое поведение или психологическое давление не могли помешать сбору информации. Средняя продолжительность одного интервью составила один час.

Беседы касались существующей связи между характеристиками учебного заведения, класса, учителя и ученика и успеваемостью в средней школе. Перед началом интервью мы убедились в том, что страхи собеседника исчезали и между нами устанавливались доверительные отношения. Мы прерывали респондента только для того, чтобы затронуть новые темы или использовать методы переформулирования темы (перезапуск, контроль, углубление), создавая иллюзию диалога, но не вступая в диалог. Интервью с учениками и учителями проводились в школах, с директорами и советниками по образованию — дома или в офисах.

Исследование проходило в 2018 году в двух средних школах: в государственной школе Торокоробугу Б в городе Бамако и муниципальной школе Катъёрни Кадиола в регионе Сикассо. Выбор этих двух населенных пунктов и школ оправдан тем фактом, что государственная городская школа финансируется государством, в то время как семьи и общины за свой счет обеспечивают деятельность муниципальной школы в сельской местности. Исследование проводилось с учениками второго цикла. Выбор второго цикла обусловлен тем, что он охватывает 7–9 классы и завершается получением диплома о неполном среднем образовании.

Оценка ключевых характеристик образовательного процесса с точки зрения успеваемости

Переполнение классов

То, что ученик приобретет в школе, в определенной степени зависит от особенностей организации процесса обучения (Barahinduka, 2010). Например, для государственной школы Торокоробугу Б характерно переполнение классов, разделенные классы и обучение в две смены, что отражает низкую способность приема в этой школе. В отличие от стандарта ЮНЕСКО, предусматривающего не более 15–20 учеников в классе (Rapport..., 2007: 129), классы этой школы чаще всего превышают допустимую норму: в одном классе здесь могут учиться 60 и больше учеников. Это переполнение частично объясняется временным закрытием многих школ в центре и на севере страны из-за постоянной угрозы безопасности учащихся. Эта угроза привела к тому, что политические власти Мали предоставили каждому ученику из этих регионов возможность перевода в городскую или пригородную школу по своему выбору, за исключением частных учреждений. Это вынужденное политическое решение призвано защитить ни в чем не повинных учеников и жертв кризиса безопасности. Вследствие этого классы, численность учеников в которых и так превышает допустимую норму, продолжают увеличиваться, что вынуждает администрацию школы разделить учеников на две группы: одна группа приходит утром, а другая начинает уроки после обеда, часто с одним и тем же учителем. Помимо сокращения времени обучения, эта практика удлиняет рабочее время учителя и способствует понижению качества преподавания. Администратор государственной школы Торокоробугу Б отмечает:

«В одном седьмом классе можно насчитать около 118 учеников, они туда приходят в 7 часов 30 минут утра вместо 8:00 часов для того, чтобы сэкономить время. Уделяют там 30 минут преподаванию гражданского и нравственного воспитания, 30 минут – физики и химии, 30 минут – также домашней экономике, 1 час – английского языка и естественных наук, 3 часа – французского языка и математики, 1 час 30 минут – истории и географии. Кроме того, учителя ограничивают контрольные работы до минимума, поскольку проверка домашнего задания займет все время подготовки к уроку» (администратор, государственная школа Торокоробуго Б, Бамако, 39 лет).

Недостатки инфраструктуры школы

Государственные стандарты предусматривают не менее 6 часов преподавания французского языка, 2 часа преподавания английского языка и естественных наук, 5 часов преподавания математики, 3 часа преподавания истории и географии, 1 час преподавания химии, гражданского и морального образования и домашней экономики (Données..., 2010: 19). Но в действительности эти стандарты не всегда соблюдаются из-за работы учителей в две смены, что вынуждает их сокращать время преподавания так называемых «неосновных» предметов, несмотря на то, что эти предметы являются частью обязательной программы. Другой администратор в государственной школе Торокоробуго Б сообщает:

«Наши учителя сосредотачиваются на таких основных предметах, как математика, французский язык, история или география, то есть предметы с высоким коэффициентом» (администратор, государственная школа Торокоробуго Б, Бамако, 52 года).

Как правило, «неосновные» предметы, такие как химия, гражданское и нравственное воспитание, домашняя экономика, преподаются случайным образом или в случае объявленного визита советников по образованию. Такая некачественная подготовка лишает ученика возможности посещать обязательные занятия. Кроме того, она вынуждает учителей сокращать количество контрольных работ, классной и внеклассной работы, что могло бы подготовить учеников к сдаче экзаменов в конце цикла:

«Да, у нас есть две группы учеников, которые чередуются: одна приходит утром, а вторая – после обеда. С таким количеством учеников, как у нас, учителя максимально ограничивают контрольные работы и домашние задания для того, чтобы лучше подготовить следующий урок» (администратор, государственная школа Торокоробуго Б, Бамако, 39 лет).

Деление классов на две группы подчеркивает острый недостаток инфраструктуры и в общинной школе Катъёрни, условия которой не позволяют

принять всех учеников. Такое деление означает, что два учителя проводят два разных урока в одном помещении, чтобы обеспечить детям равные шансы на обучение. Например, в то время как одна из групп проводит урок декламации, другая занимается чтением. Тишина в одной группе не обязательно соответствует тишине в другой. Внимание всего класса может быть привлечено к учителю, но не обязательно к своему, детям приходится разрываться между голосами двух взрослых, некоторые ученики стремятся отвечать на вопросы другого класса. Таким образом, у учеников возникают трудности с концентрацией на своих заданиях.

Контроль за образовательным процессом

Не только особенности классов, но и особенности школы могут влиять на успеваемость. По словам Дени Мёрэ (Meuret, 2000), характеристики школы (посещение школы советником по образованию, наличие учебников, посещение учеником дошкольного учреждения) способствуют большей эффективности школы, чем ожидалось исходя из их особенностей (уровня образования, социального происхождения поступающих учеников). Согласно аналогичной логике, Ван Зантен (van Zanten, 2008) определяет характеристики школы как ее эффективность и способность поднять средний уровень своих учеников.

В средней школе Мали (в том числе в государственной школе Торокоробугу Б и в общинной школе Катьёрни) образовательный комитет, состоящий из учителей и должностных лиц из числа руководства, составляет окружение директора учреждения. Комитет включает в себя директора и его заместителя, а также советников по образованию, таких как советник по педагогической ориентации, советник-специалист, советник по спорту, советник по учебным программам, советник по общим вопросам и советник по вопросам дошкольного образования. Основная миссия этих советников состоит в том, чтобы помочь учителям стать эффективными преподавателями, а учащимся — более успешно учиться:

«Они делают все, что могут, для того чтобы оставаться внимательными к условиям обучения учеников, а также к условиям осуществления профессии учителя, директора и руководящего состава базовых школ» (администратор, общинная школа Катьёрни, Сикассо, 34 года).

Однако советники редко посещали те школы, которые были отобраны для проведения исследования:

«Успешным окончанием любого цикла обучения ученик во многом обязан персоналу, руководству, учителям, но особенно советникам по образованию. К сожалению, эти советники не всегда преданы и бескорыстно служат государству. Мы редко видим их здесь. Начинающим учителям и стажерам они не помогают, как следовало бы» (ученик 9 класса, государственная школа Торокоробугу Б, Бамако, 16 лет).

Анализ посещений школ показывает, что советники по образованию не осуществляют должный контроль за учителями как в общинной школе Катъёрни, так и в государственной школе Торокоробугу Б. Причина этого заключается в том, что, во-первых, советников недостаточно для охвата всех школ, а во-вторых, многие советники — это бывшие учителя, которые не всегда имеют специальную подготовку в области повышения педагогической грамотности. Очень часто они назначаются на эту должность по критерию возраста, а не обязательно в соответствии со своими навыками. Из-за этой профессиональной неподготовленности советников многие директора школ предпочитают направлять некоторых из них к тем учителям, которые имеют некоторый опыт в маскировке недостатков школ. В то же время молодым преподавателям и стажерам не уделяется должного внимания.

Директора школ и учителя назначаются директором инспекции по неполному среднему образованию, соответственно все они находятся в одинаковой иерархической зависимости от директора данной инспекции. Эта система негативно влияет на тех директоров, которые не имеют большого авторитета у своих коллег. Администратор государственной школы Торокоробугу Б рассказал, как:

«Одна учительница в моей школе плохо готовится к урокам. Она показывает мне свою тетрадь по подготовке уроков только тогда, когда она этого хочет. Когда я упрекнул ее и пригрозил уволить ее, она ответила так: оставьте меня в покое, начальник, если не ваша школа, то меня возьмет другая» (администратор, государственная школа Торокоробугу Б, Бамако, 44 года).

Отсутствие четкого статуса вынуждает многих директоров воспринимать свою директорскую функцию как дополнительную работу, что не дает какого-либо продвижения по служебной лестнице, а лишь является формой индексного бонуса. Это приводит к тому, что они могут ограничиваться административным контролем тетради учителя как свидетельством качества подготовки к уроку.

Такое положение дел характерно и для общинной школы Катъёрни. Помимо зависимости от локальной юрисдикции со стороны города (в лице мэра) в отношении зданий, оборудования и их использования, школа подчиняется также в вопросах обучения директору инспекции по неполному среднему образованию. Это двойное подчинение может быть важным фактором в анализе академической успеваемости в сельской местности.

Обеспеченность учебниками

Наряду с фактором контроля за школой со стороны советников по образованию важным фактором успеваемости учеников также является наличие учебников. К сожалению, в общинной школе Катъёрни учебников мало или их просто нет. В одном классе два, три или даже четыре ученика могут сообща пользоваться одним и тем же экземпляром. Отсутствие учебников приводит

к тому, что учитель адаптирует свою стратегию обучения к имеющимся условиям, в частности выбирает методы преподавания, связанные с работой с классной доской. Внеклассное использование учебников становится невозможным, что ставит под угрозу успеваемость ученика. По словам ученика девятого класса из общинной школы Катъёрни:

«Недостаток учебников является причиной снижения уровня образования в Мали. За все школьные годы, до девятого класса, я никогда не дочитывал одну книгу полностью. Все, что я читал, сводится к обзорам курсов, которые я написал собственноручно и которые часто полны ошибок. Учебники по естественным наукам, по истории или по географии и по химии предназначены только учителям. Если увидите ученика с учебником, это потому, что у него богатые родители. Или один из его родителей — учитель или член какой-нибудь администрации, и он подарил ему этот учебник» (ученик, общинная школа Катъёрни, Сикассо, 16 лет).

Похожую ситуацию описывает ученик седьмого класса из государственной школы Торокоробугу Б:

«Нас трое, даже четверо человек, которые используют учебник французского языка в классе. Даже некоторые учителя не имеют доступа ко всем учебникам. Я часто вижу, как они дают уроки с помощью своих старых тетрадей. В конце курса все учебники собираются и хранятся в кабинете директора. Чтобы читать и писать, нам этого достаточно, совершенство придет со временем» (ученик, государственная школа Торокоробугу Б, Бамако, 14 лет).

Дошкольное образование учеников как уровень подготовки к школе

Анализ интервью показывает, что в общинной школе Катъёрни подавляющее большинство учеников не посещали дошкольные учреждения (ясли, детские сады) из-за высокой ежегодной стоимости расходов на пребывание в них (90 000 франков⁵ КФА равно 137,20 евро на ребёнка в год), в том числе расходы на обучение и трехразовое питание в столовой составляют 40 000 франков КФА., что равняется 60,98 евро для каждого ребёнка. Несмотря на всю значимость для развития ребёнка, ясли и детский сад остаются роскошью для малышей из малообеспеченных семей, где часто не хватает средств даже на трехразовое питание. Этот первичный уровень образования — привилегия для детей из семей бизнесменов и интеллектуалов, посещение дошкольных учреждений становится маркером социального положения. К счастью, такое, по сути, частное дошкольное образование пока не является

⁵ Франк африканского финансового сообщества: это название двух общих валют (франк финансового сообщества в Африке и франк от финансового сотрудничества в Центральной Африке), унаследованных от французской колонизации и используемых 14 африканскими странами, которые частично составляют зону франка. Денежная единица франк КФА (Африканского финансового сообщества) имеет фиксированный паритет по отношению к евро (1 евро равно 655957 франков АФС), гарантированный Францией.

обязательным, поэтому многие родители в Мали ждут достижения возраста зачисления в школу (7 лет), чтобы отправить детей в учебное заведение:

«Здесь редко можно увидеть, как родители отправляют своих детей в детский сад. Дети не ходят в школу, пока им не исполнится семь лет. В любом случае детский сад стоит дорого» (советница по образованию, общинная школа Катъёрни, Сикассо, 48 лет).

Личностные характеристики учителей

Наряду с предшествующим посещением дошкольного учреждения такой фактор, как личностные характеристики учителя (пол, место жительства, статус, уровень образования и непрерывность профессиональной подготовки), определяет успеваемость ученика. Согласно Мари Дюру-Белла (Duru-Bellat, 2001), ученики со сходными характеристиками прогрессируют в зависимости от качеств учителя, у которого они обучаются.

В нашей выборке спонтанно оказались преимущественно учителя мужского пола (94 мужчины против 18 женщин). Во многом это связано с социальной ситуацией и с социокультурными представлениями и задержкой в валоризации женского труда, что препятствует мобильности женщин в этой сфере. Согласно распространенному в Бамако и Сикассо мнению, учительницы больше озабочены социальной сферой, чем профессиональной деятельностью, они постоянно покидают рабочее место по причинам обручения, крещения, брака, дородовой консультации, отпуска по беременности и по родам или болезни детей. Следовательно, время, потраченное на эти социальные обязанности, имеет для них приоритет над временем, отведенным на обучение. Это трудно задокументировать, но мы предполагаем, что это может негативно сказываться на качестве преподавания.

Также может быть установлена зависимость успеваемости учеников от места жительства учителя. Городские учителя составили большую часть нашей выборки (75%), в то время как учителей из сельской местности было значительно меньше. Это связано с возможностями трудоустройства и профессиональной мобильности, предлагаемыми городом. Некоторые учителя занимаются побочными видами деятельности, дают частные уроки, доход от которых позволяет им покрывать ежедневные расходы в ожидании зарплаты. Предназначенные главным образом для учеников из богатых семей, эти частные уроки предполагают ежемесячные выплаты, которые варьируются от 5 000 франков КФА (7,62 евро) до 10 000 франков КФА (15,24 евро) за каждого ребёнка. Благодаря этим урокам некоторые учителя получают доход вдвое больше зарплаты, в связи с чем могут отказываться от своих обычных уроков, чтобы обеспечить такие внеурочные занятия:

«Родителям советуют перевести своих детей на частные уроки дома — от первого года начальной школы до двенадцатого класса почти по всем предметам, таким как французский язык, математика, физика, химия, биология, философия. Мне больно из-за того, что некоторые учителя

спешат с классной работой для того, чтобы пойти и провести эти уроки дома. Так поступает наш учитель по математике» (ученица, государственная школа Торокоробуго Б, Бамако, 16 лет).

Кроме того, только учителя — государственные служащие соглашаются работать в отдаленных районах. В то же время многие учителя, работающие в общинной школе Катьёрни, стремятся переехать в город, а не продолжать работать в сельских школах. Причины этого различны: низкая зарплата в размере около 35 000 франков КФА (53,36 евро) в месяц, несвоевременная выплата этой зарплаты, ее нерегулярная выплата и/или выплата не деньгами. Некоторые учителя (особенно в сельской местности) вынуждены заниматься подработкой, продавать сельскохозяйственную продукцию или мясо выращенных животных, чтобы обеспечить проживание.

«Если это действительно так, что зарплата — это право и средство к существованию, выплата которого должна производиться вовремя, почему наши учителя уже более тридцати месяцев сидят без оплаты?» (учитель 7 класса, общественная школа Катьёрни, Сикассо, 31 год).

Таким образом, если в городской школе много учителей, то в сельской школе обучающего персонала не хватает. Недостаток учителей может стать важным фактором при анализе успеваемости учеников.

Профессиональный статус учителей

Статус остается важным фактором для того, чтобы показать связь между характеристиками учителя и успеваемостью ученика. Учителя, принявшие участие в нашем исследовании, представлены тремя категориями. Первая — самая многочисленная (51 человек) — это учителя, принятые на постоянную должность государством и занимающие в соответствии с этой должностью определенную ступень в административной иерархии. Таким образом, эти учителя являются постоянными государственными служащими. Вторую категорию составляют учителя, работающие по контракту (34 человека), который они заключают с государственным работодателем: государственными школами, государственными администрациями и национальными общественными учреждениями. Третья категория — учителя, работающие по контракту, который они заключают с муниципалитетом⁶ (27 человек). Этот контракт, в принципе, является договором частного права. Такие учителя обычно нанимаются на работу местными властями и школами.

⁶ Муниципалитет является подчиненной властью: он расположен на более низком уровне, чем центральная власть и регионы. С географической точки зрения муниципалитет — это самый близкий к гражданину уровень власти. Это также автономная власть, которая действует ежедневно на всех граждан, проживающих на подчиненной ей территории: 1) или «как реле» для решений, принимаемых на других уровнях власти (регионы, центральное государство); 2) или как «автономный местный орган власти», гарант демократических прав и обязанностей жителей.

Учителя-контрактники не новое явление в системе образования Мали. С 1990-х годов контрактизация и территориализация педагогической профессии определялась мэрией⁷, советами округов⁸ и региональными ассамблеями⁹ в найме педагогических кадров для базового и неполного среднего образования. Тем не менее в последние годы изменились методы отбора работников-контрактников. В настоящее время этим занимается Национальная дирекция местного самоуправления, наем осуществляется по конкурсу, к которому допускаются только выпускники учебных заведений, таких как Институт подготовки учителей, что способствует профессионализации учителей.

Учителя-контрактники отличаются от учителей, занимающих государственные должности, тем, что их нанимают напрямую и они не сдают вступительный экзамен на государственную службу. Наем контрактников не приводит к их официальному оформлению, они не имеют никакой академической степени.

В отличие от учителей-контрактников по линии государства, их коллеги-контрактники по линии муниципалитета, могут быть перемещены на работу только в пределах этой местности. Кроме того, они не могут воспользоваться учебным отпуском. Это создает у большинства учителей-контрактников по линии муниципалитета ощущение, что их воспринимают как учителей второго сорта, из-за чего им не удается проявить себя и сделать преподавание профессией, а не хобби.

По нашему наблюдению, в седьмом и восьмом классах преобладают учителя-контрактники по линии государства, в то время как в девятом классе доминируют учителя находящиеся на государственной службе. Это подтверждают слова администратора государственной школы Торокоробугу Б:

«Обычно классы более низкого уровня отдаются учителям-контрактникам. В девятом классе мы более требовательны, потому что нас оценивают на этом уровне» (администратор, государственная школа Торокоробугу Б, Бамако, 34 года).

Этот комментарий иллюстрирует позицию многих администраторов школ. Они считают, что их работа будет оцениваться по результатам вступительного экзамена в среднюю школу. Отсюда тенденция направлять более опытных учителей в девятый класс для того, чтобы получить лучшие оценки. Такая практика может показаться проблематичной, поскольку широко распространено мнение, что школьное будущее учеников формируется в классах более низкого уровня.

⁷ Мэрия: обозначает здание, где расположены офис мэра и муниципальные административные службы и где обычно заседает муниципальный совет.

⁸ Совет округа — орган местного самоуправления, состоящий из членов, избираемых муниципальными советниками на пятилетний срок. Совет округа определяет основные направления развития округа. Он обсуждает и принимает планы развития и контролирует их выполнение.

⁹ Региональная ассамблея обеспечивает выполнение задач Национальной ассамблеи в конкретном регионе. Это также место для обсуждений и дебатов, выводы которых доводятся до сведения Бюро и Пленарной ассамблеи региональными должностными лицами и генеральным секретарем парламента.

Профессиональная подготовка учителя

Кроме того, наблюдаются различия в подготовке учителей. Большинство в нашей выборке составили учителя, имеющие свидетельство о профессиональной квалификации (56 человек). За ними следуют учителя — обладатели диплома о среднем образовании (30 человек)¹⁰, учителя — обладатели свидетельства о техническом образовании (18 человек). Часть учителей (8 человек) имеют неполное среднее образование. Соответственно, они могут не обладать необходимой квалификацией. По этой причине некоторые из них проходили краткосрочное обучение (от двух недель до трех месяцев) в рамках стратегии альтернативного набора учителей. Учительница девятого класса в государственной школе Торокогобугу Б отмечает:

«Учителя по этой стратегии готовятся 13 академиями из 15 на территории страны, то есть без двух академий Бамако. Это академии Кайес, Кита, Кати, Куликоро, Сикассо, Кутиала, Сегу, Сан, Мопти, Дуэнца, Томбукту, Гао и Кидаль. В ходе приема контрактников на государственную службу и через местные сообщества было выявлено более 2000 фальшивых дипломов. Большинство фальсифицировали дипломы о среднем образовании, свидетельства о профессиональной квалификации или свидетельства о техническом образовании. Но никакого решения по этому поводу принято не было» (учительница 9 класса, государственная школа Торокогобугу Б, 38 лет).

В то же время национальные стандарты требуют того, чтобы преподаватели были выпускниками учебных заведений для специализированной подготовки педагогов. Обучение в институтах подготовки учителей бывает двух типов: с дипломом о получении фундаментального образования (4 года обучения после окончания 9 класса) и с дипломом о получении среднего образования (2 года обучения после окончания 12 класса). Столь короткое обучение может отрицательно сказаться на качестве преподавания и передачи знаний и навыков.

Успеваемость учеников в средней школе также связана с необходимостью непрерывной подготовки учителей. Большинство учителей из нашей выборки участвовали в непрерывной подготовке (78 человек), никогда не участвовали 34 информанта. Один учитель восьмого класса из школы Торокогобугу Б жалуется:

«Интеграция новых коммуникационных технологий, таких как компьютер, видеоконференции и другие, в систему образования требует обучения и переподготовки, что не всегда происходит во многих школах

¹⁰ Диплом о среднем образовании в Мали и ряде франкоязычных стран Африки (Буркина-Фасо, Нигер, Сенегал и т.д.) имеет двойную характеристику: он свидетельствует о получении среднего образования и открывает доступ к высшему образованию. Его получение связывают со сдачей государственного экзамена в выпускном классе.

Мали, подобных моей» (учитель 8 класса, государственная школа Торокоробугу Б, Бамако, 49 лет).

Задачами данной подготовки являются помощь в реформировании системы образования и постоянная адаптация профессиональных навыков учителей к современным условиям обучения. Учителя, их инструкторы и многие администраторы средней школы, как государственной, так и общинной, понимают, что политика, лежащая в основе их работы, неясна. Это отсутствие ясности отражается в противоречии между задачами, содержанием и допустимыми методами подготовки, что также может сказываться при анализе успеваемости учеников.

Индивидуальные характеристики учеников и их отношение к школе

Помимо вышеперечисленных объективных факторов, при анализе успеваемости в средней школе важны эффекты индивидуальных характеристик учеников. Например, любовь к школе и чувство собственного достоинства увеличивают шансы ученика на успех. Столкнувшись с нечестным поведением, оскорблениями и физическим насилием, ученик может уйти из школы, что негативно влияет на его представление о самом себе. Таким образом, для успеваемости в учебе он должен сначала позитивно вписаться в учебный коллектив чувствовать одобрение, быть понятым, поддержанным и уважаемым.

К сожалению, как в государственной школе Торокоробугу Б, так и в общинной школе Катъёрни многие ученики обоих полов ненавидят школу по указанным причинам:

«Я мало посещаю уроки с тех пор, как один учитель побил и оскорбил меня в присутствии моих одноклассников. Когда я выхожу в школу утром, я прихожу во дворец безработных и сижу там. Потому что каждый раз, когда я вижу его, я думаю об этом, когда он дает нам еще один урок» (ученик, общинная школа Катъёрни, Сикассо, 15 лет).

Ученица девятого класса из государственной школы Торокоробугу Б сказала:

«В настоящее время я ненавижу учителей. Поскольку я отказалась от авансов от моего учителя французского языка, он занижает мои оценки. Даже у моих соседей, которым я даю свои черновики, оценки лучше, чем у меня. Кроме того, он уговорил других учителей причинить мне неприятности. Я попросила отца отправить меня в другую школу, но он не спешит это делать. Я уверена, что не буду продолжать учиться в этой школе, даже если меня выгонят из дома» (ученица, государственная школа Торокоробугу Б, Бамако, 16 лет).

Такие поведенческие отклонения отражают социальный и профессиональный статус отдельных учителей, уровень их подготовки и степень

готовности к профессии. Эти отклонения приводят к сложному отношению ученика к школе и учителям.

В целом все эти явления не оправдывает борьбы за успеваемость в школе. Успеваемость в школе является результатом действия объективных и субъективных факторов.

Обсуждение результатов

В исследовании выявлены точки зрения участников образовательного процесса на объективные и субъективные факторы успеваемости учеников в средних школах. К объективным факторам относятся характеристики учителей (их пол, место жительства, статус, уровень образования и непрерывность профессиональной подготовки), характеристики учебных учреждений (посещение школы советником по образованию, наличие учебников) и характеристики классов (переполнение классов, разделение класса на две группы, обучение в две смены). Субъективные факторы представлены характеристиками самих учеников (их любовь к школе и чувство собственного достоинства).

Хорошо управляемая школа — это школа, в которой весь персонал (директор и учителя) выполняет все свои обязанности и реализуются процедуры, необходимые для контроля и мониторинга этих обязанностей. С этой точки зрения может быть полезна работа советника по образованию, поскольку контроль над управлением педагогическими процессами и задачами, выполняемыми учителями (подготовка уроков и оценка учеников) и директорами (назначение учителей в классах, проверка присутствия учителей и их готовности к урокам, отслеживание успеваемости учеников и анализ причин их неуспеваемости), чаще всего не осуществляется. Требуется регулярное посещение школ для получения информации, позволяющей своевременно оценивать выполнение этих задач. В любом случае советник по образованию, регулярно посещающий директоров школ и учителей, с большей вероятностью, чем кто-либо другой, имеет шанс проконтролировать соблюдение установленных стандартов и сообщить в вышестоящие инстанции о трудностях в школе. Важность такого посещения школ частично подтверждает Бруно Сушо (Suchaut, 2002), согласно которому в учреждениях, где есть иерархический руководитель (в том числе советник по образованию), посещающий классы, выше успеваемость учеников. Подобные визиты побуждают директора и учителей уважать образовательные принципы, обеспечивающие качественную работу. Хотя следует признать, что метод назначения советников по образованию (по старшинству, а не по наличию необходимых навыков) и недостаточное их количество могут снизить эффективность их деятельности в большом школьном округе, таком как Торокоробугу Б.

Демографический взрыв и напряженная экономическая и политическая ситуация в стране приводят к переполнению классов. Нехватка мест представляет собой серьезную проблему для государственных и общинных школ,

в которых обучаются не менее 100 учеников в одном классе. Это вынуждает пересматривать методы преподавания и влияет на мотивацию учителей, которым в таких условиях становится сложно эффективно готовить и проводить уроки, оценивать учеников и проверять их работы. Это частично объясняет оценки, которые не отражают истинный уровень учеников.

Обучение в классах, разделенных на две части, помимо трудностей с концентрацией учеников и недостатка учебных материалов, сопровождается также проблемами с организацией учебного пространства и оборудованием классов посадочными местами. А необходимость организации обучения в две смены лишает детей возможности заниматься в школе внеклассной деятельностью (например, ходить в творческие кружки), ограничивая школьную жизнь уроками в классе. В результате во внеучебное время ученики предоставлены сами себе, что неблагоприятно сказывается на учебе. Подобные наблюдения отражены в некоторых документах x Конференции министров образования и правительств франкоязычных стран (Diagnostic..., 2010).

Однако Жан-Пьер Жарусс и Ален Мангя не разделяют это мнение и отказываются связывать успеваемость учеников с размерами классов (Jarousse, Mingat, 1989). Прежде всего, авторы подчеркивают необходимость поощрять независимое обучение. Ориентированное на ученика, такое независимое обучение учитывает как культурный контекст, так и образовательные задачи. Исследователи приходят к выводу, что обучение в две смены и обучение в разделенных классах позволяют максимально использовать преподавательский состав и имеющиеся ресурсы, чтобы значительно снизить затраты на обучение.

Мы полагаем, что характеристики учителей связаны с их уровнем академической и профессиональной подготовки. Результаты нашего исследования соотносятся с идеями Джошуа Дэвида Ангриста и Виктора Лави (Angrist, Lavy, 2001) и показывают, что учителя, прошедшие начальную и последующую подготовку в специализированных центрах или университетах, помогают ученикам достигать лучших результатов. Это связано с тем, что результативность учеников требует от учителя глубокой подготовки и способности нести ответственность как за обучение, так и за воспитание детей. Эта ответственность делает преподавание профессией, которой необходимо учиться. При отсутствии начальной и непрерывной подготовки учитель демонстрирует низкое качество преподавания, что ставит под угрозу достижение целей школы. Непрерывная профессиональная подготовка позволяет учителю постоянно совершенствовать свои способности передавать навыки, знания и опыт в течение всего срока преподавания.

Знания, полученные в ходе подготовки, необходимо постоянно поддерживать. Однако существует и противоположное мнение, согласно которому успеваемость ученика не зависит от непрерывной подготовки учителя (Eléments..., 2006; La formation..., 2006). В любом случае преподаватель, прошедший подготовку, как начальную, так и непрерывную, имеет некоторое преимущество, хотя содержание этой подготовки может иметь свои пределы.

Заключение

Настоящее исследование направлено на выявление связи между некоторыми объективными (характеристики школы, класса и учителя) факторами окружающей среды, субъективными факторами (личными характеристиками ученика) и успеваемостью в средней школе в представлениях самих участников образовательного процесса. Анализ, проведенный на данных по двум школам (государственной и муниципальной), помог выявить факторы, которые могут объяснить различия в успеваемости между школами.

Результаты исследования показывают, что учреждения с малыми возможностями для приема учеников сталкиваются с трудностями при попытке обеспечить непрерывность образования до конца девятого класса: переполнением классов и необходимостью обучения в две смены и/или с разделением пространства класса на два учебных процесса, не имеют достаточного количества аудиторий, посадочных мест для учеников и учебных материалов, не подвергаются достаточному контролю со стороны советников по образованию. Данная ситуация усугубляется временным закрытием многих школ в центре и на севере страны из-за небезопасной обстановки.

Исследование также позволило предположить, что существует связь между полом, местом проживания, статусом, уровнем подготовки учителя и успеваемостью ученика в средней школе. Например, было показано, что учителя мужского пола работают лучше, чем учителя женского пола, потому что учителя-женщины уделяют больше времени социальным мероприятиям (выполнению семейных обязанностей, посещению религиозных мероприятий), чем преподаванию. Учителя в муниципальных школах преподают лучше, чем учителя в городских и пригородных учреждениях, поскольку последние зачастую покидают свои обычные уроки для того, чтобы проводить платные частые уроки дома. В то же время многие учителя в муниципальных школах стремятся переехать в город, а не продолжать работать в сельских школах. Причинами этого являются низкий уровень заработной платы и ее несвоевременная или нерегулярная выплата. Кроме того, в государственных и муниципальных школах в девятые классы направляют более опытных учителей с целью достижения лучших результатов. Это связано с тем, что работа школьных администраторов, по их мнению, оценивается на основании сдачи вступительного экзамена в десятом классе.

Наконец, исследование выявило связь между личностными характеристиками ученика (его любовью к школе и самооценкой) и его успеваемостью в средней школе. Результаты показывают, что некоторые ученики в школах (как в государственной, так и в муниципальной) негативно относятся к школе из-за нечестного поведения, оскорблений и физического насилия со стороны отдельных учителей.

Литература

Angrist J. D., Lavy V. Does Teacher Training Affect Pupil Learning? Evidence from Matched Comparisons in Jerusalem Public Schools // Journal of Labor Economics. 2001. Vol. 19. № 2. P. 343–369. DOI: <https://doi.org/10.1086/319564>

Banque M. Enquête sur le suivi des dépenses dans le secteur de l'éducation jusqu'à destination. Rapport final. 2005.

Barahinduka E. Les déterminants de l'efficacité des enseignants. Le cas du test cantonal à la fin de la scolarité primaire au Burundi. Thèse de Doctorat en Sciences de l'Éducation non publiée. Dakar: Université Cheikh Anta Diop, 2010.

Baudelot C., Establet R. L'école capitaliste en France, Maspéro. 1971.

Beck L. G., Murphy J. Site-Based Management and School Success: Untangling the Variables // School Effectiveness and School Improvement. 1998. Vol. 9. № 4. P. 358–385. DOI: <https://doi.org/10.1080/0924345980090402>

Boudon R. L'inégalité des chances. La mobilité sociale dans les sociétés industrielles. Paris, 1973.

Bourdieu P., Passeron J.-C. La reproduction. Éléments pour une théorie du système d'enseignement. Paris, 1970.

Bressoux P. Effet-classe, effet-maître // Bourgeois E., Chapelle G. Apprendre et faire apprendre. Paris: Presses universitaires de France, 2006.

Diagnostic et préconisations pour une scolarisation universelle de qualité. Rapport PASEC Union des Comores. Dakar: CONFEMEN, 2010.

Données mondiales de l'éducation, Mali. 7è édit. UNESCO, 2010.

Duru-Bellat M. Effets maîtres, effets établissements: quelle responsabilité pour l'école? // Revue suisse des Sciences de l'Education. 2001. Vol. 23. № 2. P. 321–337.

Duru-Bellat M. Les apprentissages des élèves dans leur contexte: Les effets de la composition de l'environnement scolaire // Carrefours de l'éducation. 2003. Vol. 2. № 16. P. 186–206. DOI: <https://doi.org/10.3917/cdle.016.0182>

Éléments de diagnostic du système éducatif malien: le besoin d'une politique éducative nouvelle pour l'atteinte des objectifs du millénaire et la réduction de la pauvreté. Rapport final. Bamako: Ministère de l'Education Nationale, 2006.

Enquête Modulaire et Permanente auprès des Ménages, Août 2017. Rapport d'Analyse Premier Passage. INSAT Mali, 2017.

Jarousse J.-P., Mingat A. Les effets des conditions d'enseignement sur les acquisitions des élèves à l'école primaire. Le cas du Togo. Dijon: IREDU, 1989.

Kerckhoff A. C. Effects of Ability Grouping in British Secondary School // American psychological review. 1986. Vol. 51. № 6. P. 842–858. DOI: <https://doi.org/10.2307/2095371>

La formation des enseignants contractuels en Guinée: Étude thématique du PASEC. Dakar: PASEC/CONFEMEN, 2006.

Meuret D. Établissements scolaires: ce qui fait la différence // L'Année sociologique. 2000. Vol. 50. № 2. P. 545–556.

Pinto V. À l'école du salariat. Les étudiants et leurs "petits boulots". Paris: Presses universitaires de France, 2014. DOI: <https://doi.org/10.3917/puf.pinto.2014.01>

Projet PAP-EF de Coopération Française et du SISED de Dakar. Annuaire des Statistiques Scolaires de l'Enseignement fondamental, 2003.

Rapport suivi mondial de l'Éducation Pour Tous: Un Bon départ. UNESCO, 2007.

Recensement Général de la Population et de l'Habitat. Bamako, 2009.

Suchaut B. La lecture au CP: diversité des acquisitions des élèves et rôle des facteurs sociodémographiques et scolaires. IREDU-CNRS et Université de Bourgogne, 2002.

Tendances, Occasions perdues: quand l'école faillit à sa mission // L'importance des parents. Paris: UNESCO, 1998.

van Zanten A. Dictionnaire de l'éducation. Paris: PUF, 2008.

Дата поступления: 30.09.2020

Factors of Academic Performance in the Perception of Participants in Education: Secondary Schools in the Republic of Mali

DOI: 10.19181/inter.2020.12.4.7

Ichaka Camara, Ibrahima Traore

Camara Ichaka — Candidate of Sociology, Senior Lecturer, Department of Sociology and Anthropology, University of Letters and Human Sciences of Bamako, camarai2000@yahoo.fr.

Traore Ibrahima — Candidate of Pedagogics, Senior Lecturer, Department of Educational Sciences, University of Letters and Human Sciences of Bamako, mussotra@yahoo.fr.

The aim of thy article is to share a part of the results of our research dealing with the analyzing of the factors of academic performance of pupils in two types of secondary school: public (Torokorobougou B, commune VI, Bamako) and communal (Katiorni of Kadiolo, Sikasso region). We have asked to ourselves the following questions: what are the factors of the academic performance of the pupils of this schools in the eyes of educational staff? In order to answer these questions we analyzed their attitudes towards the role of external and internal facts in academic pupil success. As a result we described the role of some objective (type of school, class and type of teacher) and subjective factors (pupil's attitude to school and self-esteem) in academic success. Interviews were used in the study. The sample consists of 444 people, including 112 secondary school teachers, 56 administrators (school directors and education advisors) and 276 pupils.

Keywords: academic success; performance; student; secondary school; incomplete secondary education; effect of the school; effect of the class room; effect of the teacher; individual abilities

References

- Angrist J. D., Lavy V. (2001) Does Teacher Training Affect Pupil Learning? Evidence from Matched Comparisons in Jerusalem Public Schools. *Journal of Labor Economics*. Vol. 19. No. 2. P. 343–369. DOI: <https://doi.org/10.1086/319564>
- Banque M. (2005) *Enquête sur le suivi des dépenses dans le secteur de l'éducation jusqu'à destination*. Rapport final.
- Barahinduka E. (2010) *Les déterminants de l'efficacité des enseignants. Le cas du test cantonal à la fin de la scolarité primaire au Burundi*. Thèse de Doctorat en Sciences de l'Éducation non publiée. Dakar: Université Cheikh Anta Diop, 2010.
- Baudelot C., Establet R. (1971) *L'école capitaliste en France*, Maspéro.
- Beck L. G., Murphy J. (1998) Site-Based Management and School Success: Untangling the Variables. *School Effectiveness and School Improvement*. Vol. 9. No. 4. P. 358–385. DOI: <https://doi.org/10.1080/0924345980090402>
- Boudon R. (1973) *L'inégalité des chances. La mobilité sociale dans les sociétés industrielles*. Paris.
- Bourdieu P., Passeron J.-C. (1970) *La reproduction. Éléments pour une théorie du système d'enseignement*. Paris.
- Bressoux P. (2006) Effet-classe, effet-maître. In: Bourgeois E., Chapelle G. *Apprendre et faire apprendre*. Paris: Presses universitaires de France.
- Diagnostic et préconisations pour une scolarisation universelle de qualité* (2010) Rapport PASEC Union des Comores. Dakar: CONFEMEN.
- Données mondiales de l'éducation, Mali* (2010) 7è édit. UNESCO.

Duru-Bellat M. (2001) Effets maîtres, effets établissements: quelle responsabilité pour l'école? *Revue suisse des Sciences de l'Éducation*. Vol. 23. No. 2. P. 321–337.

Duru-Bellat M. (2003) Les apprentissages des élèves dans leur contexte: Les effets de la composition de l'environnement scolaire. *Carrefours de l'éducation*. Vol. 2. No. 16. P. 186–206. DOI: <https://doi.org/10.3917/cdle.016.0182>

Éléments de diagnostic du système éducatif malien: le besoin d'une politique éducative nouvelle pour l'atteinte des objectifs du millénaire et la réduction de la pauvreté (2006) Rapport final. Bamako: Ministère de l'Éducation Nationale.

Enquête Modulaire et Permanente auprès des Ménages, Août 2017 (2017) Rapport d'Analyse Premier Passage. INSAT Mali.

Jarousse J.-P., Mingat A. (1989) *Les effets des conditions d'enseignement sur les acquisitions des élèves à l'école primaire. Le cas du Togo*. Dijon: IREDU.

Kerckhoff A. C. (1986) Effects of Ability Grouping in British Secondary School. *American psychological review*. Vol. 51. No. 6. P. 842–858. DOI: <https://doi.org/10.2307/2095371>

La formation des enseignants contractuels en Guinée: Étude thématique du PASEC (2006). Dakar: PASEC/CONFEMEN.

Meuret D. (2000) Etablissements scolaires: ce qui fait la différence. *L'Année sociologique*. Vol. 50. No. 2. P. 545–556.

Pinto V. (2014) *À l'école du salariat. Les étudiants et leurs "petitsboulots"*. Paris: Presses universitaires de France. DOI: <https://doi.org/10.3917/puf.pinto.2014.01>

Projet PAP-EF de Coopération Française et du SISED de Dakar (2003) Annuaire des Statistiques Scolaires de l'Enseignement fondamental.

Rapport suivi mondial de l'Éducation Pour Tous: Un Bon départ (2007) UNESCO.

Recensement Général de la Population et de l'Habitat (2009) Bamako.

Suchaut B. (2002) *La lecture au CP: diversité des acquisitions des élèves et rôle des facteurs sociodémographiques et scolaires*. IREDU-CNRS et Université de Bourgogne.

Tendances, Occasions perdues: quand l'école faillit à sa mission (1998) In: *L'importance des parents*. Paris: UNESCO.

van Zanten A. (2008) *Dictionnaire de l'éducation*. Paris: PUF.

Received: 30.09.2020

ИНТЕР-энциклопедия качественных методов

ИНТЕР-энциклопедия: нарративное интервью

DOI: 10.19181/inter.2020.12.4.8

Ссылка для цитирования:

Рождественская Е. Ю. ИНТЕР-энциклопедия: нарративное интервью // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 4. С. 114–127. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.4.8>

For citation:

Rozhdestvenskaya E. Yu. (2020) INTER-Encyclopedia: Narrative Interview. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 12. No. 4. P. 114–127. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.4.8>

Елена Рождественская*

В статье описываются методология и методика проведения нарративного интервью, а также его анализа. Метод нарративного интервью представлен из перспективы более широкого нарративного подхода, базирующегося на коммуникативных формах рассказывания. В круге понятий нарративного подхода рассмотрены события, их отбор, последовательность, сегментация, линеаризация, связность, инстанция рассказчика, двойная временная перспектива рассказывающего Я и рассказанного Я. Представлена методология нарративного интервьюирования Ф. Шютце, его концепция анализа транскрипта нарративного интервью. Изложен подход Г. Розенталь к анализу нарративного интервью, основные принципы тематического, или содержательного, анализа нарративов.

Ключевые слова: нарратив; интервью; нарративный анализ

Нарративное интервью (также — свободное, глубинное, неструктурированное, неформальное) стимулирует информантов рассказывать историю о каком-либо значительном событии из их жизни. Проясним понимание *нарративного подхода* к анализу коммуникативной формы рассказывания/повествования. Под нарративное подпадает широкий круг повествовательных форм — роман, анекдот, пиаровская легенда фирмы, история драматического старта в болезнь и т.д. Различаемы литературное рассказывание (в письменной форме литературы), разговорное рассказывание (в устной форме повседневных разговоров) и институциональное рассказывание

* Рождественская Елена — доктор социологических наук, профессор факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, rigasvaverite@gmail.com.

(в функциональной связи с запросами социальных институтов). Общим признаком рассказывания является вербальное отображение изменений во времени. Мы рассказываем, когда хотим передать события или опыты, которые произошли в прошлом и значимы для нас сегодня. Произошедшее как временная последовательность событий становится *историей*, или *плотом* (*plot*), со смысловым порядком, подчиненным структуре значений. Соответственно *emplotment*¹ — перевод последовательности событий в действия истории, центр которой всегда — событие, приводящее к изменениям (чему-то необычному, неожиданному дестабилизирующему, что нарушает нормальный ход вещей). Плот поддерживает *когеренцию*, или связность, — создает значимый порядок элементов через способ их связи. Эти усилия рассказчика по созданию структуры повествования обнаруживаются благодаря операциям *сегментирования* потока событий, *селекции* их элементов, их *линеаризации* в предложения, следующие одно за другим, и приписывания значений (Carr, 1986). Временное изменение, которое переживают рассказчики, отражается в определенном сеттинге как наборе обстоятельств времени и места (Ibid.).

Рассказ связан с пережитым у рассказчика, или персональной *инстанцией*, порождающей точку зрения. Ее реконструкция становится возможной не благодаря заявлению о ней, подобная декларация скорее привела бы к постановке задачи о манифесте и латентном содержании. Через отбор событий пролагается смысловая линия, позволяющая судить о критериях их значимости для конкретной истории. Аналогично этому обнаруживаемая смысловая линия рассказа позволяет предполагать и основания *неотбора* в различных вариациях. Это и опускание незначимого для истории, и неотбор отрицаемых актуальной идентичностью мотивов для прошлых историй, и неотбор значимых для истории элементов, фактически означающий смысловой разрыв, умолчание.

Прошедшее становится историей, которая мотивирует нас каким-либо образом. Поэтому к содержательным характеристикам рассказа (временное изменение, плот, персонажи и сеттинг) прибавляются и риторические — «как», рассказывается исходя из определенной перспективы прошедшего, в которой манифестируется отношение рассказчика к прошедшему — перспектива *Я-рассказчика*. Двойная перспектива Рассказанного и Рассказывающего, по мнению М. Энгельгарта (Engelhardt, 1990), означает, что *рассказывающее Я* в актуальной ситуации рассказа представляет его прошедшее, то есть *рассказанное Я* как вспомненный носитель действий. Первое из них передает тогдашнее прошедшее как последовательность из перспективы пережитого, которое, однако, сегодня далеко от тогдашнего положения и знает, чем все закончилось. Исходя из этой двойной временной перспективы у рассказчика в распоряжении идеально типически два модуса изображения: перспектива *рассказанного времени* (время, в течение которого разыгрывается история)

¹ *Emplotment* — сюжетосложение, термин, введенный Хейденом Уайтом и используемый им для описания историографического стиля в (Уайт, 2002). Позднее Поль Рикер перевел это понятие на французский как *la mise en intrigue*.

с ее тогдашним центром ориентации и перспектива *времени рассказа* («здесь и теперь» рассказа) как актуального центра ориентации. Слушатель репрезентирует для нас как рассказчиков социальный горизонт нашей истории, выполняя важные функции социального признания.

Систематическое описание нарративной техники интервью было предложено немецким нарративистом Ф. Шютце (Schuetze, 1976, 1983, 1984). Его основная идея состоит в том, чтобы реконструировать социальные события с точки зрения информантов, насколько это возможно. Нарративное интервью как метод относится к качественным методам исследования (Lamnek, 1989; Flick, 1998) и представляет собой неструктурированное глубинное интервью с определенным сценарием проведения. Отличие структурированных и полуструктурированных интервью от нарративного заключается в том, что интервьюер в коммуникации с опрашиваемым интервенирует: путём выбора темы и подтем, путём упорядочивания последовательности вопросов и путём формулирования вопросов в своей лексике. Таким образом интервьюер контролирует ситуацию интервью. Напротив, в нарративном интервью влияние интервьюера сокращается в пользу свободы высказывания интервьюируемого. Для достижения этой цели в нарративном интервью воссоздается повседневное коммуникативное взаимодействие, а именно рассказывание и выслушивание. При этом интервьюер ограничивается ролью внимательного и эмпатийного слушающего, который не оценивает и не перебивает рассказчика, самостоятельно ориентирующегося в выборе тем для рассказа и языка для их описания.

Уже в процессе рассказа автор ориентируется на понимание, развивая соответствующие стратегии. Их Ф. Шютце (Schuetze, 1984) назвал *когнитивными фигурами* спонтанного рассказа, выделяя содержательно следующие:

- представление рассказчика как носителя социального опыта и других персон,
- информация о месте, времени и ситуативных обстоятельствах, необходимых для понимания происходящего и его значения,
- передача цепочки событий и опытов, в которой автор тематизирует внешние и внутренние аспекты пережитого:
 - о личные схемы действий,
 - о институциональные образцы жизненных путей,
 - о кривые жизненных путей,
 - о процессы перемен.
- погружение происходящего и персонажей в мир с определенными свойствами и правилами,
- передача автобиографического гештальт-опыта, который проявляется в пересекающихся взаимосвязях рассказа и оценках.

Наряду с когнитивными фигурами рассказчик следует поддержке динамического принципа упорядочения повествования — *цугцвангам* конденсирования/уплотнения, детализации и создания гештальта, целостного образа. Итогом этой титанической малозаметной работы становится постулированная

Ф. Шютце гомология пережитого рассказанному (Schuetze, 1983), максимальное приближение к структурам проживаемого опыта, «выращивание» нарративности в отличие от описательности, уводящей от событий, их переживаний и, соответственно, значений.

Тем не менее свободный спонтанный рассказ, по мнению Ф. Шютце, не лишен структуры. Но эта структурированность задается жанрами повседневного рассказывания, в которых рассказчики компетентны, так как социализированы в определенных нарративных культурах (сказки, анекдоты, истории, отчеты, сообщения, описания...). Рассказывание историй реализует универсальную компетенцию повествовать о социальных событиях со словами и значениями, характерными для определенной социальной группы. Язык социальной группы отражает ее взгляд на мир. Ядро нарратива — событие. В структуре нарратива описывается контекст события, персонажи, последовательные действия, приводящие к ключевому событию, имеющему последствия для рассказчика, и оценку этого события с кодой, вписывающей смысл рассказанного в актуальное время. Ситуация, постановка целей, планирование и оценка результатов являются составными частями целенаправленных действий человека. Нарратив наиболее адекватно реконструирует это действие и его контекст: раскрывает место, время, мотивацию и символическую систему ориентации актера (Schuetze, 1976). Событие рассматривается как герменевтический конструкт, выстраиваемый рассказчиком в нарративе на основе «сырых» данных опыта или воображения и превращаемый в вербальные структуры с целью оречевления и осмысления опыта. Речь идет о весьма относительной гомологии и сближении рассказа с реферируемой реальностью («как это все было на самом деле»), зазор между ними продуктивен, поскольку отражает изменившееся отношение рассказчика к пережитому с течением времени.

Нарратив следует самогенерирующейся схеме, отражающей правила рассказывания хороших (достойных выслушивания и неперебиваемых слушателями) историй (Labov, 1972; Labow, Waletzky, 1967, 1973). Схему рассказа или соглашение о повествовании можно представить как грамматику рассказа (Johnson, Mandler, 1980; Kintsch, van Dijk, 1978). Эти особенности рассказывания историй будут генерировать поток повествования из основных правил или структур, как только рассказчик возьмет слово. Ход повествования относительно независим от интервьюера, роль которого ограничивается ролью внимательного слушателя. Рассказывание историй (согласно концепции Ф. Шютце) следует самогенерируемой схеме с тремя основными характеристиками:

- **Детализация:** для предоставления подробной информации, для правдоподобного учета перехода от одного события к другому. Рассказчик подробно описывает события, чтобы перейти от одного события к другому. Рассказчик стремится предоставить столько деталей, сколько необходимо для осуществления этого перехода, принимая во внимание запрос со стороны слушателя. Чем меньше знает слушатель, тем больше

будет рассказано деталей. Таким образом, рассказ гомологично приближается к событиям, поясняя время, место, мотивы, точки ориентации, планы, стратегии и способности.

- **Релевантность:** рассказчик включает те описания события, которые имеют отношение к его избирательному видению мира. Рассказ разворачивается вокруг тематизаций, отражающих субъективную точку зрения информанта.
- **Закрытие гештальта:** событие, описываемое рассказчиком, должно быть полностью представлено в повествовании через обозначенные начало, середину и завершение истории. Эта тройственная структура излагаемой истории вынуждает автора занять позицию по отношению к событию, придумать его смысл.

Методологически нарративное интервью нацелено на задачу стимулирования такой схемы повествования, чтобы рассказчик самостоятельно поддерживал нарративный процесс, используя самогенерирующуюся схему повествования. Если следовать правилам нарративного интервьюирования, предложенным Ф. Шютце (Schuetze, 1976), то сценарий проведения нарративного интервью будет следующим.

Нарративное интервью начинается с изложения нарративного импульса, развивается через основной этап повествования, переходит к последующему нарративному расспрашиванию, далее — к рефлексивной фазе и заканчивается беседой, выравнивающей баланс полученного и отданного, нередко сочетая консультацию и возможность со стороны интервьюера поделиться собственным опытом. Для каждого этапа применяются свои правила.

Правила на каждом этапе нарративного интервью

На нулевом этапе перед выходом в «поле» ведется подготовка к изучению его контекстной специфики и формулируется основной нарративный посыл, цель которого — простимулировать начало повествования. До начала интервью осуществляются допустимые и подписываемые соглашения, регулирующие этическую сторону контакта, степень анонимизации информанта, а также перспективы использования будущего транскрипта интервью и публикуемых на его основе текстов. Подготавливаются технические средства записи интервью.

1. Рассказчику предлагается тема для нарративизации, которая отвечает предъявленному интересу со стороны интервьюера и по предварительным отборочным критериям составляет опыт рассказчика. Ее формулировка чувствительна к управлению ретроспекцией. Используемые глагольные формы отсылают к незавершенному прошедшему времени (как складывалось, а не сложилось), в целях разворачивания времени события. Возможны стимульные изображения или рисуночные тесты, генеалогическое древо или фотографии. Затем информанту кратко

объясняется процедура нарративного интервьюирования: не вопрос-ответная схема, а непрерывное рассказывание историй, за которым последует расспрашивание.

2. Далее в ответ на предложенное описание темы в режиме нарративизируемой истории следует основной этап повествования. Он не прерывается вопросами и не сопровождается оценками со стороны интервьюера. Возможные реакции интервьюера — эмпатийное внимательное вслушивание и невербальное поощрение к дальнейшему рассказу. При возникновении длительных пауз возможна стимуляция полувопросом: «и дальше?», «а потом что было?». Иногда можно использовать парафраз, дословно воспроизводящий последнюю фразу рассказчика, на ней замолчавшего. Основной этап завершен, когда информант, замедляя темп речи, подходит к коде рассказа, произносит такие фразы, как «ну вот, наверное, это и все, что я хотел сказать», «пожалуй, это все».
3. Этап нарративного расспрашивания предназначен для прояснения тех неясностей, которые обозначились на предыдущем этапе основного повествования. Их можно и нужно уточнить, возвращая внимание рассказчика в тот момент рассказа и стимулируя ответ вновь в жанре нарратива. Но предъявленные неясности не повод для их оспаривания или выяснения мотивов. Вопросы «почему?» или «что вами двигало?» принципиально отвергаются из предосторожности спровоцировать рационализации. В фазе расспрашивания внимательное вслушивание интервьюера приносит свои плоды. Исследовательские вопросы, подготовленные до полевой стадии, переводятся на услышанный язык рассказчика в горизонте им затронутых тематизаций и заполняют пробелы в исследовании.
4. После нарративного расспрашивания, призванного дополнить основной нарратив как рассказ о пережитом опыте, в некоторых вариантах нарративного интервью (например, биографического) Ф. Шютце предлагает особую фазу — запрос на обыденную теорию информанта о пережитом опыте в рассказанных событиях. Выделение этой фазы обусловлено тем, что здесь поступает запрос на тот объем рефлексии, которая доступна информанту относительно рассказанного. Но для того, чтобы перевести обсуждаемое на другой — когнитивный — уровень, необходимо «вынырнуть» из пласта прошлого времени в абстрактное время знания. Продуктом этого этапа становятся обыденная Я-концепция информанта и определенный уровень когнитивной обработки прошлого опыта.
5. Завершающий этап — дань уважения и благодарности рассказчику, психологическое состояние которого после нарративного рассказа иногда нуждается в балансировке и во встречных усилиях со стороны интервьюера, способного оказать консультативную помощь рассказчику. Этот этап разворачивается уже не под диктофонную запись, хотя многие рассказчики продолжают процесс рефлексии, иногда формулируя ценные признания. Их статус для цитирования представляет

дополнительную сложность, оговариваемую после транскрибирования и дополнительных контактов с рассказчиком.

6. Проверяется качество технической записи и оформляется протокол беседы вместе с фиксацией этнографического наблюдения за ситуацией интервью и поведением информанта.

Анализ нарративных интервью

Нарративное интервьюирование — это метод «выращивания» нарратива, или создания историй. Поэтому анализ таких интервью направлен на те преимущества, которые создают структуры повествования: описание фактического опыта, его переживание и характер эмоций, степень осмысления опыта или рефлексия, самопрезентация рассказчика как протагониста истории. Дизайн аналитических процедур нарратива открыт для вариаций, поскольку зависит от цели и задач. Тем не менее существует репертуар аналитических возможностей, которые могут быть применены отдельно и в комбинации друг с другом. Мы упомянем здесь тематический или содержательный анализ, нарративный анализ Ф. Шютце и методологию нарративного анализа Г. Розенталя (Rosenthal, 1995).

Транскрибирование

Первым шагом в анализе нарративов является расшифровка записанных на диктофон интервью. Степень детализации транскрибирования, которая варьирует от полноты неотредактированного вербального языка в сочетании с невербальными реакциями рассказчика до отредактированной версии речи информанта, зависит от целей исследования и исследовательских норм.

Благодаря транскрибированию мы получаем более удобный носитель информации — текст. Во время этой процедуры происходит вторичное проживание состоявшегося разговора, осмысление и оценка поведения обеих сторон, пауз, атмосферы в целом. Выступая на стадии транскрибирования уже в качестве исследователя/цы, интервьюер имеет наконец возможность отследить нарративные потоки, следование респондента определенной логике и/или ее перерывы, смены стиля, видов текста, увидеть собственные ошибки, например блокирование повествовательной готовности неуместным вопросом и т.д. Одно из требований транскрипции — фиксация пауз, обрывов речи, междометий, всех паралингвистических реакций, что имеет под собой теоретическое обоснование, согласно которому мы бессознательно используем эти феномены в нашей повседневной коммуникации в качестве существенного интерпретативного подспорья. Например, наличие длинной паузы заставляет нас обратить особое внимание на высказывание, которое ее обрамляет, и безусловно участвует в реконструкции значения.

Отобранные для дальнейшей оценки интервью транскрибируются буквально в соответствии со слышимым оригиналом без оглядки на правила письменного языка и без исключений, то есть текст должен быть аутентичным. С этой целью сохраняются особенности повседневной речи, междометия, обрывы фраз, субкультурная специфика. Кроме этого, переводя слышимое в текст, необходимо проставить пунктуацию в соответствии с интонацией и ритмом речи респондента/ки. Транскрипция целого интервью, таким образом, требует временных затрат, поскольку до анализа невозможно решить, что важно для интерпретации случая, а что — нет. Если мы возьмем на вооружение основной герменевтический принцип: значения отдельных отрывков, секвенций нужно реконструировать из смысловой взаимосвязи целого текста, а не «нахлобучивать» привлеченные извне категории на сегменты текста, то очевидно, что лишь полный анализ текста позволяет судить о принадлежности отрывков определенным темам. Что это за темы и какие секвенции им соответствуют, интерпретатор может узнать только после анализа.

Тематический (содержательный) анализ

Важный пункт систематики — разложение анализа на отдельные шаги. Обобщенная модель тематического, или содержательного, анализа выглядит следующим образом (Mayring, 1990):

- определение материала,
- анализ ситуации его генезиса,
- формальные характеристики материала,
- направление анализа,
- теоретическое дифференцирование вопроса,
- определение техник(и) анализа и выбор конкретной его модели,
- дефиниции единиц анализа,
- шаги анализа с помощью системы категорий: обобщение, истолкование и структурирование,
- проверка системы категорий на теории и на эмпирическом материале,
- интерпретация результатов в зависимости от основного вопроса.

Определение исходного материала, анализ его происхождения и формальных характеристик позволяет выделить наиболее существенное для целей анализа. При определении направления анализа необходимо видеть «встроенность» материала в определенную модель коммуникации и установить, что является целью анализа: сам текст, автор текста, соответствующая сфера объекта, группа лиц или предмет с его социокультурным подтекстом. Поэтому обобщенная модель содержательного анализа имеет три варианта: обобщающий, объясняющий и структурирующий тематический анализ.

Обобщающий содержательный анализ. Здесь представлена попытка редукции материала, сохраняющей основное содержание, она сопряжена с созданием краткого обзорного текста. Среди методических правил-шагов

обобщающего анализа: парафразирование, генерализация на абстрактном уровне, редукция. Пошаговая процедура качественной редукции текста выглядит следующим образом: единицы текста постепенно сокращаются за два или три приема последовательного парафразирования, целые отрывки или абзацы переформулируются в коды. Эти коды далее сводятся к нескольким ключевым словам. Эти редукционные приемы обеспечивают обобщение и сгущение смысла. На практике текст размещается в трех столбцах: первый столбец содержит расшифровку, второй столбец содержит первое смысловое сокращение, а третий столбец содержит только ключевые слова.

Объясняющий содержательный анализ. В отличие от предыдущего он направлен на поиск дополнительного материала для понимания и объяснения отдельных неясных частей текста (понятий, предложений...). Основная мысль — систематизированный, контролируемый сбор объясняющего материала. При этом различают анализ узкого контекста, который соотносим только с прямым полем текста, и анализ широкого контекста (информация о коммуникаторе, предмете, социокультурном подтексте, целевой группе и т.д.).

Структурирующий содержательный анализ. Он имеет целью отфильтровать определенные аспекты материала и по предварительно установленным критериям осуществить «срез» материала или оценить его по этим критериям (формальным, содержательным, типизирующим, шкалирующим). Благодаря формулировке дефиниций, типичных текстуальных пассажей и правил кодировки возникает лейтмотив кодировки, который уточняет структурирующий анализ.

Продукт тематического или содержательного анализа (набор тематизаций, система кодов, ключевые слова, сформулированный лейтмотив) в идеале можно рассматривать как совмещение горизонтов исследователей и информантов: поэтапность анализа сохраняет связь с первичным нарративным уровнем рассказчика, но в направлении исследовательского вопроса.

Нарративный анализ Ф. Шютце

Ф. Шютце (Schuetze, 1976, 1983) предлагает шесть шагов для анализа нарративов.

Первый этап — детализированное качественное транскрибирование записи интервью и **формальный анализ текста** — состоит в том, чтобы сегментировать транскрипт с квалификацией нарративных и ненарративных (описания, аргументы) пассажей текста. Решение этой задачи ориентирует в нарративной готовности информанта перевести часть опыта в режим историй, а часть оставить в виде описаний либо аргументативных пассажей.

Второй этап — **структурное описание содержания** — нацелен на понимание общей сотовой структуры транскрипта как совокупности рассматриваемых нарративных и не-нарративных отрывков, формально разграниченных элементами, обрамляющими нарратив. При этом для интерпретации привлекаются формальные «сотовые» индикаторы как связующие элементы между отдельными событиями («потом», «для того, чтобы», «поскольку»,

«напротив» и т.д.), как индикаторы потока времени («еще», «уже», «уже тогда», «вдруг» и т.д.) и индикаторы недостаточной убедительности и отсутствия необходимой дополнительной детализации (затяжные паузы, внезапное снижение повествовательности, поправки самого себя с последующими отступлениями-дополнениями для объяснения причин). В ходе структурного описания содержания становится ясным, какое распределение по формальным элементам, обрамляющим нарративы, необходимо предпринять, то есть какие обрамляющие элементы имеют только локальную значимость, а какие распространяются на большие текстовые пассажи.

Третий этап **аналитической абстракции** заключается в формулировке абстрагированных от деталей структурных высказываний по отдельным сегментам транскрипта. На этой основе вырабатывается тематическая целостность как последовательность процессуальных структур пережитого опыта.

На четвертом этапе — **анализ знания** — можно объяснить теоретические аргументативные рассуждения самого информанта относительно рассказываемых событий. Базой служат как рефлексивные вкрапления из первых двух частей интервью (основной нарративный рассказ и фаза нарративных расспрашиваний), так и заключительный аргументирующий и абстрагирующий пережитое отрезок нарративного интервью.

На пятом этапе анализа проводится **контрастное сравнение** различных фрагментов интервью как модель анализа отдельного случая в единичном интервью. Какие при этом в соответствующем исследовании будут выбраны для сравнения другие фрагменты интервью, зависит от того, какой социальный феномен изучается методом нарративного интервьюирования. Сравнение на предмет сходства и различия обнаруживает вариации — **стратегию «минимального сравнения» (сходство)** на предмет сходства с исходным фрагментом текста с точки зрения интересующего феномена и уплотнения полученной из анализа первого случая категории, а также **стратегию «максимального сравнения» (различие)** фрагментов текста, которые существенно отличаются, но все же имеют хоть какие-то сопоставительные моменты с первоначальным фрагментом. Максимальное теоретическое сравнение текстов имеет функцией конфронтацию обсуждаемых, теоретически противоположных категорий, выработки альтернативных структур объяснения как социального действия, так и его предложенных мотиваций.

Наконец, на шестом этапе анализа — **конструировании теоретической модели** — различные теоретические категории становятся интересными в перспективе их систематической соотнесенности друг с другом.

Методология нарративного анализа Г. Розенталь

В герменевтической реконструкции нарративных текстов, которой придерживается Г. Розенталь (Rosenthal, 1995), основополагающее значение имеют два принципа: принцип реконструктивного анализа и принцип селективности.

Реконструктивный анализ избегает встречи текста с уже установленными системами классификаций и переменных. Вместо этого методом абдукции (термин Чарльза Пирса) эмпирический материал постепенно насыщается гипотезами, которые проверяются на последовательно подлежащих анализу частях текста, какие-то гипотезы не выдерживают проверки эмпирикой, какие-то верифицируются, затем строятся выводы и следствия. Цель подобного анализа, отличного по логике от дедукции (от теории — к гипотезам — к эмпирическому тесту) и индукции (от гипотез — к их проверке на эмпирике — к построению теории), — в поиске структуры общего типа на основе реконструкции конкретно данного социального феномена.

С **принципом селективности** связан процессуальный характер социального действия: каждое действие представляет собой выбор между некоторыми альтернативами, возможными в соответствующей ситуации действия. Цепочки действий, которые манифестируются в текстах как протоколы действий, являются тем самым процессами селекций, из которых, независимо от воли и взглядов субъекта, результируют определенные примыкающие или соединяющие действия, а какие-то определенные действия-следствия исключаются вследствие совершенного выбора.

Принятие этой позиции требует такого аналитического подхода, при котором задаются вопросом, какой горизонт возможностей открывается в определенной секвенции, какая предпринимается селекция, что остается «за бортом» и какие последствия для будущего это имеет. Из этих размышлений результирует и секвенциональный анализ. В смысле абдуктивного вывода секвенциональный анализ означает 1) генерирование возможных гипотез по поводу эмпирических данных, 2) формулирование следствий из гипотез о возможном дальнейшем развитии (гипотезы-следствия) и 3) контрастирование или сравнение с фактически произошедшим событием (эмпирический тест).

Секвенциональный анализ мыслится в двух аспектах: как *генетический анализ*, то есть анализ процессов воспроизводства и трансформации в нарративе, а также как *текстуальный анализ*. В рамках *генетического анализа* речь идет о реконструкции наслоений опыта и пережитого в истории в порядке хронологического времени. Для этого в духе секвенционального анализа исследуются отдельные события информанта в их временной последовательности. При этом реконструируется не только контекст события, участником которого является субъект, но и действия-проблемы, вытекающие из этого, а также альтернативы субъекту действия в этой ситуации. После задаются вопросами, какова исходная проблема и какие возможности для принятия решения о действиях были у субъекта в той ситуации, что было можно и что должно (или «разумнее») было сделать тогда в смысле бытовавших правил игры. Отдельный факт истории в нарративе рассматривается независимо от того, что имеется в истории, а также независимо от того, какой дальнейший путь был выбран рассказчиком. По поводу этого факта выдвигаются всевозможные прогнозы. Важно при этом прогнозировать не только возможное воспроизводство структуры данного случая, но и условия (сочетанные

события), при которых возможны трансформации, изменения. Тем самым предупреждается опасность преждевременной детерминации субъекта. После анализа первого факта анализируется следующий, который появляется в рассказе, и все они пока вне оценок и комментариев самого субъекта. По поводу каждого факта в нарративе можно развить множество структурных гипотез, но секвенциональный анализ шаг за шагом отбрасывает многие гипотезы, так что в конце анализа сохраняются лишь определенные структурные гипотезы в качестве наиболее вероятных.

В задачи *текстуального секвенционального анализа* входит реконструкция целостности рассказа о жизни и предпринятых рассказчиком попыток связать события тематически и темпорально в единое целое. В основе этого этапа анализа лежит предпосылка, что рассказанная история состоит не из случайной цепи пережитых событий, а в отборе рассказываемых историй, принцип или смысл которого отвечает истолкованиям информанта. Рассказанная история представляет собой (гипер)секвенцию взаимосоотносимых тем, которые образуют между собой плотную сеть отсылок или указаний друг на друга. Отдельные темы здесь — элементы одного тематического поля. Основная цель заключается в том, чтобы понять, какие механизмы управляют отбором и связями отдельных тем. В соответствии с построением текста анализируют секвенцию за секвенцией. При этом абстрагируются от знания последующих частей текста и формулируют различные значения текстуального отрывка, исходя только из предшествующего и наличного знания. Интерпретации подлежат род и функция изображения событий, а не собственно пережитый опыт. Таким образом, внимание нацелено на реконструкцию системы значений субъекта, принципов упорядочения пережитого опыта по тематическим полям, и все же речь не идет лишь о реконструкции субъективно полагаемого смысла. Реконструкции подлежит в большей степени значение действий субъекта, возникающее в процессе социального взаимодействия (интеракции) и открытое рефлексии субъекта частично, в объеме его интенций.

После секвенционального анализа текста и генезиса истории оба уровня анализа сравниваются для контраста. И на пресечении или на различиях между хронологическим наслоением опытов и пережитого, с одной стороны, и темпоральными и тематическими связками современной перспективы рассказчика, с другой, обнаруживается структура случая.

В завершение отметим методологическую максиму, выдвинутую Ф. Шютце, — гомологии нарративно рассказанного пережитому. Степень этой гомологии варьирует по ряду причин: от непрофессионализма интервьюера до нарративной заблокированности рассказчика. Тем не менее ее формулировка обозначает направление, в котором развиваются методические усилия исследователя, стремящегося создать условия для нарративизации социального опыта. Но важно принять во внимание и ограничения, связанные с нарративной природой повествований: рассказывается в первую очередь о том, что релевантно для рассказчика и, соответственно, субъективно; нарративы не имеют прямого доступа к социальной реальности, речь — посредник к ней; нарративы не оцениваются как истинные или ложные, поскольку

отражают точку зрения рассказчика в определенном месте пространства и времени; наконец, нарративы всегда связаны с социально-историческим контекстом и системой референций рассказчика.

Литература

Уайт Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века / Пер. с англ., под ред. Е. Г. Трубиной, В. В. Харитоновна. Екатеринбург: Урал. ун-т, 2002.

Carr D. *Time, Narrative and History*. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 1986.

Engelhardt M. *Biographie und Identitaet. Die Rekonstruktion und Praesentation von Identitaet im muendlichen autobiographischen Erzaehlen // Wer schreibt meine Lebensgeschichte? Biographie, Autobiographie, Hagiographie und ihre Entstehungszusammenhaenge / Ed. by W. Sparr. Guetersloh: Mohn, 1990. P. 197–247.*

Flick U. *An Introduction to Qualitative Research*. L.: Sage, 1998.

Johnson N., Mandler J. M. *A Tale of Two Structures: Underlying and Surface Forms of Stories // Poetics*. 1980. № 9. P. 51–86. DOI: [https://doi.org/10.1016/0304-422x\(80\)90012-1](https://doi.org/10.1016/0304-422x(80)90012-1)

Kintsch W., van Dijk T. A. *Toward a Model of Text Comprehension and Production // Psychological Review*. 1978. № 85. P. 363–394. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-295x.85.5.363>

Labov W. *The Transformation of Experience in Narrative Syntax // Language in the Inner City: Studies in the Black and English Vernacular / Ed by W. Labov. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972. P. 354–396.*

Labov W., Waletzky J. *Narrative Analysis: Oral Versions of Personal Experience // Essays on the Verbal and Visual Arts / Ed. by J. Helm. Seattle: University of Washington Press, 1967. P. 12–44.*

Labov W., Waletzky J. *Erzaehlanalyse. Muendliche Versionen persoenlicher Erfahrung // Literaturwissenschaft und Linguistik / Ed. by J. Ihwe. Vol. 2. Frankfurt: Fischer Athenaeum, 1973. P. 78–126.*

Lamnek S. *Qualitative Sozialforschung. Vol. 2. Munich: Psychologie Verlags Union, 1989.*

Mayring P. *Einfuehrung in die qualitative Sozialforschung. Eine Einleitung zu qualitativen Denken*. Muenchen: Psychologic Verlags Union, 1990.

Rosenthal G. *Erlebte und erzaehlte Lebensgeschichte*. Frankfurt: Campus, 1995.

Schuetze F. *Biographieforschung und narratives Interview // Neue Praxis*. 1983. № 3. P. 283–293. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctvdf09cn.6>

Schuetze F. *Kognitive Figuren des autobiographischen Stehgreiferzaehleins // Biographie und soziale Wirklichkeit. Neue Beitrage und Forschungsperspektiven / Ed. by M. Kohli, G. Robert. Stuttgart: Metzler, 1984. P. 78–117. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-476-03188-4_5*

Schuetze F. *Zur linguistischen und Soziologischen Analyse von Erzaehlungen // Internationales Jahrbuch fuer Wissens— und Religionsoziologie. Bd. 10. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1976. P. 7–41.*

Дата поступления: 20.11.2020

INTER-Encyclopedia: Narrative Interview

DOI: 10.19181/inter.2020.12.4.8

Elena Rozhdestvenskaya

Rozhdestvenskaya Elena — *Doctor of Sociology, Professor, Faculty of Social Sciences, HSE University; Leading researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, rigasvaverite@gmail.com*

The article describes the methodology and technique for conducting a narrative interview, as well as its analysis. The narrative interview method is presented from the perspective

of a broader narrative approach based on communicative forms of storytelling. In the range of concepts of the narrative approach, the author considers the event, their selection, sequence, segmentation, linearization, coherence, the instance of the narrator, the double time perspective of the narrating I and the narrated I. The methodology of narrative interviewing by F. Schutze is presented, as well as his concept of analyzing the transcript of a narrative interview. G. Rosenthal's approach to the analysis of narrative interviews, as well as the basic principles of thematic or meaningful analysis of narratives are described.

Keywords: narrative; interview; narrative analysis

References

- Carr D. (1986) *Time, Narrative and History*. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press.
- Engelhardt M. (1990) Biographie und Identitaet. Die Rekonstruktion und Praesentation von Identitaet im muendlichen autobiographischen Erzaehlen / In: W. Sparr (ed.) *Wer schreibt meine Lebensgeschichte? Biographie, Autobiographie, Hagiographie und ihre Entstehungszusammenhaenge*. Guetersloh: Mohn. P. 197–247.
- Flick U. (1998) *An Introduction to Qualitative Research*. L.: Sage.
- Johnson N., Mandler J. M. (1980) A Tale of Two Structures: Underlying and Surface Forms of Stories. *Poetics*. No. 9. P. 51–86. DOI: [https://doi.org/10.1016/0304-422x\(80\)90012-1](https://doi.org/10.1016/0304-422x(80)90012-1)
- Kintsch W., van Dijk T. A. (1978) Toward a Model of Text Comprehension and Production. *Psychological Review*. No. 85. P. 363–394.
- Labov W. (1972) The Transformation of Experience in Narrative Syntax / In: W. Labov (ed.) *Language in the Inner City: Studies in the Black and English Vernacular*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. P. 354–396.
- Labov W., Waletzky J. (1967) Narrative Analysis: Oral Versions of Personal Experience / In: J. Helm (ed.) *Essays on the Verbal and Visual Arts*. Seattle: University of Washington Press. P. 12–44.
- Labov W., Waletzky J. (1973) Erzaehlanalyse. Muendliche Versionen persoenlicher Erfahrung / In: J. Ihwe (ed.) *Literaturwissenschaft und Linguistik*. Vol. 2. Frankfurt: Fischer Athenaeum. P. 78–126.
- Lamnek S. (1989) *Qualitative Sozialforschung*. Vol. 2. Munich: Psychologie Verlags Union.
- Mayring P. (1990) *Einfuehrung in die qualitative Sozialforschung. Eine Einleitung zu qualitativen Denken*. Muenchen: Psychologic Verlags Union.
- Rosenthal G. (1995) *Erlebte und erzaehlte Lebensgeschichte*. Frankfurt: Campus.
- Schuetze F. (1984) Kognitive Figuren des autobiographischen Stehgreiferzaehlens / In: M. Kohli, G. Robert (eds.) *Biographie und soziale Wirklichkeit. Neue Beitraege und Forschungsperspektiven*. Stuttgart: Metzler. P. 78–117. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-476-03188-4_5
- Schuetze F. (1983) Biographieforschung und narratives Interview. *Neue Praxis*. No. 3. P. 283–293. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctvdf09cn.6>
- Schuetze F. (1976) Zur linguistischen und soziologischen Analyse von Erzaehlungen. *Internationales Jahrbuch fuer Wissens- und Religionsoziologie*. Bd. 10. Opladen: Westdeutscher Verlag. P. 7–41.
- White H. (2002) *Metaistoriya: istoricheskoye voobrazheniye v Yevrope KHIKH veka* [Metahistory: Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe] / Transl., ed. by E. G. Trubina, V. V. Kharitonov. Yekaterinburg: Ural. un-t. (In Russ.)

Received: 20.11.2020

Анонсы научных событий

В следующем 2021 году с 13 по 23 апреля состоится XXII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества, проводимая Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики».

Конференция посвящена широкому кругу актуальных проблем экономического и социального развития страны. Основную часть выступлений на АМНК составляют научные доклады российских и зарубежных ученых. Важной частью программы конференции являются специальные мероприятия, которые проводятся в формате пленарных заседаний и круглых столов с участием членов Правительства Российской Федерации, государственных деятелей, представителей бизнеса, российских и зарубежных экспертов.

В сложившихся эпидемиологических условиях предыдущая Апрельская конференция прошла в распределенном формате, что означало совмещение различных форм проведения и более длительных сроков. Планируется, что конференция пройдет с 13 по 23 апреля 2021 г. в смешанном формате и объединит как онлайн-, так и офлайн-мероприятия. Не позднее 1 февраля 2021 г. формат проведения конференции будет уточнен.

Апрельская международная научная конференция в очередной раз открывает свои двери для академического и экспертного сообщества!

Сайт конференции: <https://conf.hse.ru/2021/about>

Тематические направления

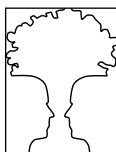
XXII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества представлена следующими тематическими направлениями:

- Арктические исследования (специальная секция)
- Государственное управление, местное самоуправление и сектор НКО
- Демография и рынки труда
- Инструментальные методы в экономических и социальных исследованиях
- Макроэкономика и экономический рост
- Международные отношения
- Менеджмент
- Методология экономической науки
- Мировая экономика
- Наука и инновации
- Образование
- Политические процессы

- Развитие здравоохранения
- Региональное и городское развитие
- Российское правосудие: современные тенденции
- Сетевой анализ
- Социальная и экономическая история
- Социальная политика
- Социокультурные процессы
- Социология
- Спортивные исследования
- Теоретическая экономика
- Финансовые институты, рынки и платежные системы
- Фирмы и рынки

Журнал «Интеракция. Интервью. Интерпретация» выступает одним из партнеров Апрельской конференции, докладчики которой приглашаются к публикации.

Интеракция. Интервью. Интерпретация.

2020. Том 12. № 4

СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ

Учредители – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5);
Российское общество социологов
(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5);

Издатель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5)

Рецензируемый научный журнал
«Интеракция. Интервью. Интерпретация»
учрежден на заседании Президиума Общественной организации
«Российское общество социологов» и выпускается с 2002 г.

Все права на опубликованные материалы принадлежат редакции и авторам.

Точка зрения авторов публикуемых материалов
не обязательно отражает точку зрения редакции.

Публикации журнала не могут быть воспроизведены
в любой форме без разрешения редакции.

Требования к оформлению рукописей и порядок подачи статей
изложены на официальном сайте журнала: www.inter-fnisc.ru

Главный редактор:

Виктория Владимировна Семенова

Редакция:

Елена Юрьевна Рождественская
Анна Владимировна Стрельникова
Ирина Наумовна Тартаковская

Ответственный секретарь:

Павел Евгеньевич Сушко

Технический редактор:

Анастасия Дмитриевна Говорова

Компьютерная верстка:

Виталий Евгеньевич Кудымов

Корректор:

Анна Николаевна Кокарева

Адрес редакции: 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, каб. 513
E-mail: inter.fnisc@gmail.com

Editorial office: Krzhizhanovskogo str., 24/35, corp. 5, 117218, Moscow, Russian Federation
Ph. +7 (499) 128-86-18; e-mail: inter.fnisc@gmail.com